

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА**

Том 25 № 4 (2017)
DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-4
<http://journals.rudn.ru/economics>

Научный журнал
Издается с 1993 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Рязанцев С.В., доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН, руководитель Центра социальной демографии Института социально-политических исследований РАН, заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО (Университет) МИД России, член-корреспондент РАН

Заместитель главного редактора

Маньшин Р.В., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН

Ответственный секретарь

Лукьянец А.С., кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений экономического факультета РУДН

Члены редакционной коллегии

Бруно Серджио — доктор наук, профессор Университета Мессина (Мессина, Италия), исследователь Дэвис центра российских и евразийских исследований Гарвардского Университета (Кембридж, США)

Гишар Ж.П. — профессор факультета права и политических наук Университета Ниццы София-Антиполис (Ницца, Франция)

Грей Россарин Суттипонг — доктор наук, профессор, директор Института населения и социальных исследований Университета Махидол (Бангкок, Таиланд)

Гусаков Н.П. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Давыдов В.М. — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, директор Института Латинской Америки (Москва, Россия)

Де Конти Бруно Мартазелло — доктор наук, профессор Университета Кампинас (Кампинас, Бразилия)

Доброхлеб В.Г. — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-экономических проблем народонаселения РАН (Москва, Россия)

Инглис Кристине Бренда — доктор наук, профессор Университета Сиднея (Сидней, Австралия)

Ионцев В.А. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Кумо Казухиро — доктор наук, профессор Института экономических исследований Университета Хитотцубаши (Токио, Япония)

Мазырин В.М. — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия)

Мартин Филипп — доктор наук, профессор, директор Гиффорд центра исследований населения Университета Калифорния-Дэвис (Дэвис, США)

Марушиакова Елена — доктор наук, профессор, Институт этнологии Болгарской академии наук (София, Болгария)

Мосейкин Ю.И. — доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Российского университета дружбы народов (Москва, Россия)

Реджепаджич С. — профессор-исследователь, заместитель директора Института экономики Сербии (Белград, Сербия)

Родионова И.А. — доктор географических наук, профессор кафедры региональной экономики и географии экономического факультета РУДН (Москва, Россия)

Стрыжакевич Т. — профессор, директор Института социально-экономической географии и пространственного менеджмента Университета Адама Мицкевича (Познань, Польша)

Сутырин С.Ф. — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Пизарро С.А. — доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса (Буэнос-Айрес, Аргентина)

Порфирьев Б.И. — академик РАН, доктор экономических наук, руководитель лаборатории анализа и прогнозирования природных и техногенных рисков экономики Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)

Топилин А.В. — доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института макроэкономических исследований Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (Москва, Россия)

Турнуа Надине — доктор наук, профессор, директор Института администрации предприятий Университета Ниццы София Антиполис (Ницца, Франция)

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА

ISSN 2408-8986 (online); ISSN 2313-2329 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Цель и тематика

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика — это научный журнал общезакономерного содержания, где публикуются статьи теоретической и практической направленности. Целями журнала являются публикация статей российских и зарубежных исследователей по актуальным проблемам развития российской и мировой экономики, формирование научного сообщества экономистов, повышение научной активности сложившихся и молодых ученых РУДН и других вузов.

В журнале публикуются статьи, которые направлены на достижение следующих целей: проведение экономического анализа по современным вопросам макро- и микроэкономики; осмысление опыта решения важнейших социально-экономических вопросов в различных регионах и странах мира, поощрение дискуссий и обмена мнениями в области современной экономической науки.

Основные рубрики журнала включают в себя:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и других странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры и прикладные исследования;
- рецензии и др.

Основная аудитория журнала — профессиональные экономисты, преподаватели, аспиранты вузов, руководители федеральных и региональных органов власти, представители бизнеса.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/economics>

Электронный адрес: vestnik_rudn_ec@yahoo.com

Редактор: *М.П. Малахов*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии серии «Экономика»:

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 438-83-65; e-mail: econjournalrudn@rudn.university

Подписано в печать 15.11.2017. Выход в свет 30.11.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 12,9. Тираж 500 экз. Заказ № 1600. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS

VOLUME 25 NUMBER 4 (2017)

DOI 10.22363/2313-2329-2017-25-4

<http://journals.rudn.ru/economics>

Founded in 1993

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Ryuzantsev S.V. Doctor of economics, professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia, Head of a Social Demography, Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of the Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry Foreign Affairs of the Russian Federation, Corresponding member of Russian Academy of Sciences

DEPUTY OF THE EDITOR-IN-CHIEF

Manshin R.V. Candidate of sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Lukyanets A.S. Candidate of sciences (Economics), Associate Professor of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

EDITORIAL BOARD

Bruno Sergio — Doctor of economics, Professor of political economy University of Messina (Messina, Italy), Researcher Davis Center for Russian and Eurasian Studies Harvard University (Cambridge, USA)

Guichard, Jean-Paul — Professor of economics, Department of Law and Political Sciences, University of Nice Sofia-Antipolis (Nice, France)

Gray Rossarin Soottipong — Doctor of economics, Associate Professor, Deputy Director of the Institute for Population and Social Research (IPSR), Mahidol University (Bangkok, Thailand)

Goussakov N.P. — Doctor of economics, head of the Department of International Economic Relations, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Davydov V.M. — Corresponding member of Russian Academy of Sciences, Professor, Director of the Institute for Latin America of the Russian Academy of Sciences

De Conti Bruno Martarello — Doctor of economics, Professor, Institute of Economics of the University of Campinas (Campinas, Brazil)

Dobrokhele V.G. — Doctor of economics, Professor, The Institute of Social and Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences

Inglis Christine Brenda — Doctor of economics, Associate Professor of the University of Sydney (Sydney, Australia)

Iontsev V.A. — Doctor of economics, Professor, Higher School of Modern Social Sciences of the Lomonosov Moscow State University

Kumo Kazuhiro — Doctor of economics, Professor of the Institute of Economic Research, Hitotsubashi University (Tokyo, Japan)

Mazyrin V.M. — Doctor of economics, Professor, Head of the Centre of Vietnamese and ASEAN Studies of the Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences

Martin Philip — Doctor of economics, Professor, Head of the Gifford Center for Population Studies of the University of California-Davis (Davis, USA)

Marushiakova Elena — Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Ethnology and Folklore of the Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Moseikin Y.N. — Doctor of economics, Professor, Dean of the Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Redžepagić, Srdjan — Doctor of economics, research professor, deputy director of the Serbian Academy of Sciences (Belgrade, Serbia)

Rodionova I.A. — Doctor of geography, professor of the Department of Regional Economics and Geography, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia

Strykiewicz, Tadeusz — full professor, director of the Institute of Socio-Economic Geography and Spatial Management, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poznan, Poland)

Sutyurin S.F. — Doctor of economics, Professor, head of the Department of World Economy, Faculty of Economics, St. Petersburg State University

Pizarro Cynthia Alejandra — independent researcher, Technical and Scientific Research Council, Professor of Anthropology, School of Agriculture, University of Buenos Aires (Buenos Aires, Argentina)

Porfiriev B.N. — Academician, full member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director and Head of the Laboratory for analysis and forecasting of natural and technological risks to economic development in the Institute of Economic Forecasting, Russia Academy of Sciences

Topilin A.V. — Doctor of economics, Professor, Institute of Macroeconomic Research Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic development of the Russian Federation

Tournois Nadine — Doctor of economics, Professor, Director of the Institute of Business Administration, University of Nice Sofia-Antipolis (Nice, France)

RUDN JOURNAL OF ECONOMICS.
Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2408-8986 (online); ISSN 2313-2329 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>

The journal is presented on the sites of Peoples' Friendship University of Russia, Facebook, Mendeley, in the database of Russian Science Citation Index.

Aim and Scope

RUDN Journal of Economics is a general-interest economic journal, which publishes papers of theoretical, empirical and practical issues.

The goals of the journal are publication of papers of Russian and foreign authors on topical questions of national and world economic development, as well as building-up of academic economic society, increasing of scientific activity of senior and young researchers from Peoples' Friendship University of Russia (PFUR) and other higher institutions.

The journal aims to publish articles that will serve several goals: to provide economic analysis in the field of macro- and microeconomics and finance; to integrate lessons learned from different regions and countries experience in tackling socio-economic problems; to encourage cross-fertilization of ideas among the fields of economic thinking.

Main subject fields of the journal include:

- questions of economic theory;
- economic reforms in Russia and Commonwealth countries;
- economic integration and globalization;
- developed and developing countries economy;
- monetary and financial questions;
- industrial organization markets
- questions of management and marketing;
- interdisciplinary research;
- methodology of teaching economic subjects;
- economic reviews and applied research;
- books' reviews and oth.

Main audience of the journal — professional economists, high school teachers, post-graduate students, representatives of federal and municipal government bodies as well as business leaders.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>

E-mail: vestnik_rudn_ec@yahoo.com

Editor *M.P. Malakhov*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Series "Economics":
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 438-83-65;
e-mail: econjournalrudn@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Peoples' Friendship University of Russia"
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА

- Раевский С.В.** Точки роста в промышленном регионе..... 451
- Тер-Григорьянц А.А., Белозёрова О.И.** Управление трудовыми ресурсами как основа повышения эффективности использования инновационного потенциала предприятия... 463

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

- Немирова Г.И.** Особенности администрирования таможенных доходов в Евразийском экономическом союзе..... 475
- Рвинова С.Ю.** Тенденции и перспективы российской электронной коммерции 487
- Ушанов С.А.** Роль и место Соединенных Штатов Америки в международном обмене товаров и услуг 498

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК ТРУДА И МИГРАЦИЯ

- Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A.** The Problems of “Brain Drain” in Russia and Member States of the Eurasian Economic Union (EAEU) (Проблемы «утечки умов» в России и государствах — членах Евразийского Экономического Союза) 510
- Piipponen M., Virkkunen J.** Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analysing ‘Arctic Route Episode’ of 2015—2016 (Беженцы и национальная безопасность на северной части финско-российской границы: анализ «арктического маршрута» в 2015—2016 гг.) 518

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

- Анисенко Н.А.** Классификация и критерии отбора системообразующих предприятий Российской Федерации 534
- Даньшин А.И.** Институциональный фактор как причина региональной асимметрии сельского хозяйства (на примере Казахстана) 543
- Миронова М.Н., Кузнецова Н.Г., Шолудько А.Н.** Типы городов транссибирской магистрали России: динамика численности населения и промышленных функций..... 553
- Кузнецова О.В.** Города как объекты региональной политики: опыт Европы и России..... 566

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

- Матвиенко В.В.** Динамика развития индийской медиаиндустрии в мировом медиапространстве: итоги 2016—2017 гг. 575
- Матюшок В.М., Бруно Серджио, Балашова С.А., Гомонов К.Г.** Влияние Smart Grid и возобновляемых источников энергии на энергоэффективность: зарубежный опыт 583

CONTENTS

MANAGEMENT AND MARKETING ISSUES

- Raevskii S.V. (Moscow, Russia)** Growth in Industrial Region..... 451
- Ter-Grigoryants A.A., Belozerova O.I. (Stavropol, Russia)** Management of Labor Resources as a Basic of Increasing the Efficiency of using the Innovative Potential of the Enterprise..... 463

INTERNATIONAL TRADE IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

- Nemirova G.I. (Moscow, Russia)** Features of customs revenue administration in the Eurasian Economic Union..... 475
- Revinova S.Yu. (Moscow, Russia)** Russian e-commerce trends and prospects..... 487
- Ushanov S.A. (Moscow, Russia)** USA' role and place in international trade..... 498

INTERNATIONAL LABOR MARKET AND INTERNATIONAL MIGRATION

- Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A. (Moscow, Russia)** The Problems of “Brain Drain” in Russia and Member States of the Eurasian Economic Union (EAEU)..... 510
- Piipponen M., Virkkunen J. (Joensuu, Finland)** Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analysing ‘Arctic Route Episode’ of 2015–2016..... 518

REGIONAL ECONOMY

- Anisenko N.A. (Moscow, Russia)** Classification and selection criteria of Russian systemically important companies..... 534
- Danshin A.I. (Moscow, Russia)** Institutional factor as a reason for regional asymmetry in agriculture (on the example of Kazakhstan)..... 543
- Mironova M.N., Kuznetsova N.G., Sholudko A.N. (Moscow, Russia)** Types of Cities of the Trans-Siberian Railway: Dynamics of Population and Industrial Functions 553
- Kuznetsova O.V. (Moscow, Russia)** Cities as objects of federal regional policy: the experience of Europe and Russia..... 566

INDUSTRIAL ORGANIZATION MARKETS

- Matvienko V.V. (Moscow, Russia)** Dynamics of Development of Indian Media Industry in the World Media Space: Results of 2016–2017 575
- Matyushok V.M., Bruno Sergio, Balashova S.A., Gomonov K.G. (Moscow, Russia; Cambridge, USA)** Influence of smart grid and renewable energy sources on energy efficiency: foreign experience 583

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-451-462

УДК 338.242

ТОЧКИ РОСТА В ПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ

С.В. Раевский

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
пр-т Вернадского, 82, Москва, Россия, 119571

Современная ситуация в Российской Федерации характеризуется быстроизменяющимися условиями внешней среды, которые вынуждают искать новые механизмы на всех уровнях регионального управления. В этой связи важным инструментом становится формирование региональных точек роста, развитие которых способно привести к созданию в регионе экономической системы со встроенными механизмами адаптации и быстрого реагирования на изменяющиеся окружающие условия.

Цель исследования — анализ различных подходов к пониманию точки роста в экономике региона, а также влияния региональных точек роста на развитие промышленного региона.

Методы. На основе гипотезы о несбалансированном или поляризованном экономическом развитии автором предложено собственное понимание концепции точек роста как локальной пространственной зоны экономической активности, представленной в виде крупного предприятия отрасли или совокупности хозяйствующих субъектов в рамках определенной территории, обладающих существенным потенциалом саморазвития и способных обеспечить высокую динамику экономического роста в регионе.

Результаты. В зависимости от источников хозяйственного развития выделены различные типы региональных точек роста: организационные, технологические, ресурсные, финансовые. На примере Челябинской области проанализированы особенности их формирования и развития в промышленном регионе.

Заключение. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что региональные точки роста могут стать основой разработки схемы территориального планирования крупного региона. Показано, что более полная детализация должна найти отражение в стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований.

Ключевые слова: точка роста, промышленный регион, ресурсные, финансовые, организационные и технологические точки роста, технопарк, финансово-промышленные группы

Введение

Современная ситуация в России характеризуется быстроизменяющимися условиями внешней среды, которые вынуждают искать новые механизмы на всех уровнях регионального управления. В этой связи важным инструментом становится формирование региональных точек роста, развитие которых способно привести к созданию в регионе экономической системы со встроенными механизмами адаптации и быстрого реагирования на изменяющиеся окружающие условия.

Каждый регион имеет свои природные, демографические, экономические ресурсы и собственные точки роста, развитие которых способно оказать мультипликативный эффект на экономику региона в целом. Используя мультипликативный эффект и направляя ресурсы на развитие точек роста, региональные власти имеют возможность содействовать созданию цепочек пользователей внутри региона и на смежных территориях, тем самым формируя зоны ускоренного роста (Суспицын С.А., 2009). Этот механизм особенно актуален для промышленных регионов России, так как в силу исторических особенностей они, как правило, связаны внутренней кооперацией и располагают существенным технологическим, ресурсным и кадровым потенциалом.

Обзор литературы

В основе концепции точек роста лежит гипотеза о несбалансированном или поляризованном экономическом развитии, опирающаяся на разработки французского экономиста Франсуа Перру, который отмечал, что формирование роста осуществляется не мгновенно и не повсеместно. Его возникновение происходит лишь в определенных точках или полюсах и далее распространяется на периферийные территории. При этом каналы распространения роста могут быть разными, как и эффекты, оказываемые им на различные элементы социально-экономических систем (Perroux F., 1970).

В глобальной экономике наиболее сильные в финансовом отношении компании доминируют и используют свои преимущества, превращаясь, таким образом, в точки роста. Влияние этих точек на взаимодействующие с ними субъекты преобразует окружающее пространство и ведет к формированию зон роста. В зоне роста происходит трансформация экономических отношений и изменение условий хозяйственной деятельности. Далее в силу снижения агрессивности конкуренции и, как следствие, изменения соотношения между основными экономическими показателями, возрастает эффективность взаимодействия субъектов зоны. При этом происходит распространение роста путем вовлечения в сферу интересов деятельности соседствующие точки роста. В результате происходит возникновение относительно независимых макроединиц (История экономической мысли, 2008).

В формировании и развитии точек роста в регионе основополагающим является именно процесс распространения инноваций (Амосенок, Баженов, 2006; Иогман, 2009; Кортон 2004). Когда крупная городская система с развитой промышленностью и научной базой, обладающая наиболее высоким уровнем доходов на душу населения, проявляет инновационную активность. В дальнейшем волна нововведений из такой точки роста распространяется на смежные территории, сопровождаясь повышением уровня благосостояния прилегающих территорий. При этом особую роль приобретает инфраструктурная составляющая, представляющая собой систему взаимодействующих друг с другом структурных компонентов — каналов распространения инноваций (Агафонов, 2009; Горегляд, 2005). Территории, расположенные между точками роста и обеспечивающие инфраструктурную связь, становятся дополнительными источниками развития в

силу увеличения транспортных потоков и распространения инновационной компоненты. Следовательно, они становятся осями развития, формирующими вместе с точками роста и периферийными территориями пространственный каркас экономики региона (рисунок).

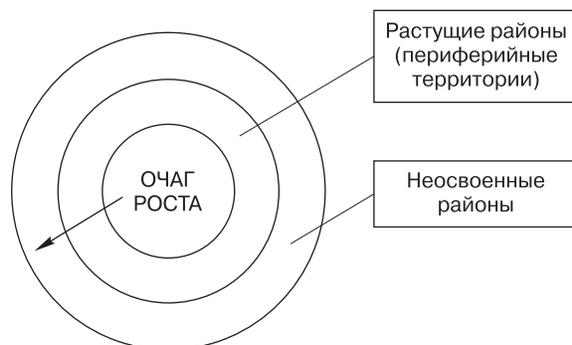

Рисунок. Пространственный каркас экономики региона в контексте теории поляризованного развития
[Figure. The spatial framework of the regional economy in the context of the theory of polarized development]

Источник: составлено автором.

Таким образом, можно выделить три составляющие региональной системы (см. рисунок):

- 1) районы — очаги роста, в которых имеются высокие потенциальные возможности для внедрения нововведений;
- 2) растущие районы — соседствующие с районами-очагами, вследствие чего имеющие потенциальные стимулы для роста;
- 3) неосвоенные районы — расположенные в местах последующего освоения и заселения ранее необжитых земель.

Современные условия предлагают более широкую трактовку понятия «точка роста», отмеченную не только характеристиками географического свойства, но и отраслевыми, функциональными и институциональными особенностями, которые также сказываются на региональном развитии. В соответствии с данным подходом точкой экономического роста может считаться любой из элементов региональной социально-экономической системы, имеющий признаки доминирования и способность содействовать развитию сложных систем. Под этим понятием может подразумеваться отрасль экономики или предприятие, определенная сфера деятельности, саморазвивающийся проект, способный к обеспечению структурных сдвигов в региональной экономике, стимулирующий вовлечение новых элементов в процесс развития, образуя тем самым зоны роста.

К точкам экономического роста можно отнести:

- территории (на межгосударственном, региональном, муниципальном уровнях);
- отрасли, которые функционируют на территории наиболее успешно;
- предприятия, представляющиеся базовыми в своей сфере и/или стабильно функционирующие;

— программы, действующие в качестве инструмента регулирования, включающие в себя финансово-экономическую, информационную, социальную, организационную и законодательно-правовую поддержку.

Характерные признаки точек роста:

- наличие возможностей для ускоренного роста;
- принадлежность к определенной сфере или отрасли;
- способ, служащий для осуществления роста.

Таким образом, в качестве «региональной точки роста» следует рассматривать крупное предприятие определенной отрасли или совокупность в границах определенной территории нескольких хозяйствующих субъектов, имеющих существенный потенциал саморазвития и способных обеспечивать совершенствование хозяйственной структуры региона, используя высокую динамику экономического роста.

Методы

Точки роста могут разделяться:

- на естественные, возникшие при условии наличия избыточных ресурсов и перераспределения их с помощью эффективных механизмов;
- провоцируемые, т.е. создаваемые с помощью вне рыночных управляющих рычагов при влиянии государства или благодаря концентрации и перемещению ресурсов в определенные области деятельности.

Точки роста поддаются классификации. При использовании в качестве основания классификации источников хозяйственного развития, можно выделить такие виды точек роста:

- ресурсные, к которых хозяйственное развитие связано с наличием определенного природного ресурса и его разработкой;
- финансовые, которые обязаны своему развитию эффективному перераспределению финансовых потоков и управлению ими в границах определенной финансово-промышленной группы;
- организационные, хозяйственное развитие в которых зависит от улучшения существующей системы организации труда, бизнес-среды и производства или возникновения новой системы;
- технологические, которые развиваются благодаря появлению и внедрению уникальной технологии с ярко выраженным инновационным характером.

Важно упомянуть такое необходимое условие стремительного и эффективно-го создания в регионе новых точек роста и развития уже имеющихся, как объединенные потенциальные возможности науки, власти и бизнеса.

Выделенные автором точки роста он рассматривает на примере развития промышленности Челябинской области.

Точки роста организационного типа

Предпосылками к появлению точек роста такого типа могут быть различные факторы. Немаловажным служит наличие в регионе хорошего инвестиционного

климата. Исходя из этого, ускорение экономического роста может быть следствием концентрации в региональной инвестиционной сфере трех составляющих:

- способности властных органов обеспечить требуемый уровень инвестиционной привлекательности;
- потенциальных объектов, подготовленных к инвестированию;
- желания инвесторов участвовать в региональных инвестиционных проектах.

Расширенный анализ результатов ряда существенных факторов привлекательности для инвесторов Челябинской области основан на данных соответствующих оценок экспертов области (таблица). Каждому фактору было присвоено значение, исходящее из степени действия его на уровень региональной инвестиционной привлекательности. Оценка следовала от минимального до максимального значения в интервалах от 1 до 5 баллов для факторов, имеющих стимулирующий характер, и от -1 до -3 для сдерживающих факторов.

Наиболее значимые факторы, стимулирующие инвестиционную активность в регионе — это высокий кадровый и промышленный потенциалы. Исторически одной из важнейших для Челябинской области сфер экономики региона является промышленность. Численность работников промышленных предприятий области составляет 21,5% всех работающих в региональном экономическом комплексе.

Можно выделить несколько векторов формирования точек роста в экономике Челябинской области. Это — переориентация атомной промышленности, расположенной в регионе, на выпуск продукции, характерной для иных отраслей. Территория региона вмещает многие предприятия атомной промышленности, которые направлены на решение задач ядерно-оружейного комплекса оборонной отрасли страны. Это государственное федеральное унитарное предприятие в г. Озерске «Производственное объединение «Маяк», государственное федеральное унитарное предприятие в г. Снежинске «Российский федеральный ядерный центр» и государственное федеральное унитарное предприятие в г. Трехгорном «Приборостроительный завод».

Таблица

Рейтинг факторов, от которых зависит инвестиционная привлекательность Челябинской области
[The rating of factors on which the investment attractiveness depends Chelyabinsk region]

Наименование факторов	Значимость факторов	
	2012 год	2020 год
Значительный региональный промышленный потенциал	5	5
Значительный кадровый потенциал	5	5
Наличие богатых природных ресурсов	5	4
Хорошо развитый агропромышленный комплекс	4	5
Достаточно развитое среднее и малое предпринимательство	4	5
Развитая телекоммуникационная и транспортная инфраструктура	4	5
Благоприятная среда в административных структурах	4	5
Высокий потенциал науки региона	3	4
Развитая инфраструктура финансовых организаций	3	3

Окончание таблицы

Наименование факторов	Значимость факторов	
	2012 год	2020 год
Хорошее развитие межрегиональных и внешнеэкономических связей	3	4
Высокий уровень криминогенной обстановки и социальной напряженности	-1	0
Сложившееся мнение о неблагоприятии в экологической сфере	-2	-1
Преобладание металлургического производства в структуре экономики	-2	-1
Диспропорция социально-экономического развития муниципальных образований	-2	-1
Значительные затраты на энергоносители, связанные с природно-климатическими условиями	-3	0

Источник: Стратегия социально-экономического развития Челябинской области до 2020 года.

С этой позиции весьма перспективной представляется ядерная медицина, потенциал которой сосредоточен в южноуральских закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО). На участие в федеральной целевой программе «Развитие ядерной медицины в Российской Федерации» претендует Челябинская область, что откроет пути для переоснащения лечебных учреждений региона всеми видами современного диагностического и лечебного оборудования, а также привлечет частные инвестиции на Южный Урал.

Из-за особенностей географического положения самого региона, формирование организационных точек роста может происходить в связи развитием инфраструктуры транспорта.

В настоящее время Челябинская область отличается сравнительно низким уровнем развития транспортной инфраструктуры. Данная ситуация может быть улучшена в результате строительства большого распределительного центра, который мог бы обеспечить потребности Уральского региона в потребительских товарах общего назначения, оптимизировать пути доставки этих товаров из Азии до конечного потребителя, и призванного сыграть роль транспортного коридора Челябинская область — Казахстан — Китай. Транспортно-логистический комплекс (ТЛК) «Южноуральский», размещенный вблизи г. Южноуральск на территориях, площадь которых составляет 180 га, имеет на 120 га складские площади и контейнерный терминал. Ожидается, что вскоре вблизи комплекса появится ряд предприятий, комплектующие для которых будут поступать через указанный ТЛК «Южноуральский». Инвестиции на первоначальном этапе проекта могут составить сумму не менее 120 млн евро. Есть предположения, что финансировать проект будут исключительно отечественные инвесторы.

Технологические точки роста — это те точки роста, которые обязаны своим развитием появлению и дальнейшему внедрению уникальных технологий, носящих выраженный инновационный характер.

В качестве необходимого условия для возникновения в промышленном регионе таких точек роста называется высокий уровень развития инновационной среды. Усиленная инновационная активность в состоянии спровоцировать возникновение точек роста не только на предприятиях, занимающихся активным вне-

дрением инноваций, но и в инновационной сфере региона, рассматриваемой как совокупность институтов развития, стимулирования, внедрения и поддержания инновационного процесса.

В течение нескольких последних лет Челябинская область активно развивает инновационную сферу и занимает среди регионов, имеющих высокую инновационную активность, третье место, хотя два года назад Челябинская область включалась экспертами в совокупность регионов, уровень инновационного развития которых оценивался весьма низко. Экспертные отзывы относительно перспектив региона были невысоки. В настоящее время успехи в этом направлении достигнуты благодаря проведению поэтапной комплексной работы, цели которой преследуют формирование серьезной основы для обеспечения роста экономики на базе инновационных технологий.

Сейчас область насчитывает свыше 200 предприятий, занятых исследованиями и разработками. В регионе работают три технопарк и четыре бизнес-инкубатора, основаны гарантийный и венчурный фонды, регион может похвастаться парком индустриальных инноваций, рядом центров коллективного пользования (Южно-Уральский государственный университет, Челябинский государственный университет, Магнитогорский государственный технический университет).

Существует и технопарк материалов из добываемых на Урале минералов, а также порошковых технологий — МикроРесурс, на территории которого размещены средние и малые компании по безотходной переработке минералов.

Деятельность этого технопарка сфокусирована на создании условий развития малых предприятий инновационного профиля, занимающихся технологиями переработки различного минерального сырья, а также организацией выпуска микропорошковых материалов на научной основе, с поставкой на мировые рынки высокотехнологичной продукции.

В процессе возникновения и развития инновационных компаний могут возникнуть трудности в связи с потребностями в финансовых ресурсах, оборудовании и другом имуществе, что вызвано высокой стоимостью недвижимого имущества и оборудования, отсутствием начального капитала и доступа к банковским кредитным ресурсам.

Для решения этих вопросов в регионе создана система бизнес-инкубаторов и внебюджетного финансирования новых и малых инновационных компаний, включающая сеть бизнес-инкубаторов инновационного направления в так называемых «очагах инновационного развития Челябинской области» (города Магнитогорск, Озерск, Челябинск, Снежинск).

С учетом особенностей расположения ряда наиболее технологичных городов, целесообразно создание в Челябинской области зоны инновационного развития в Озерске, Снежинске, Трехгорном. Например, в Снежинске освоен выпуск скважинных установок, а также эффективно используются технологии материаловедения и механотроники, взрыва, сплавов металлов с неметаллами. В Озерске актуальны разработки по утилизации ядерных отходов, реабилитации сельскохозяйственных земель; освоение фармацевтических препаратов, предотвращающих последствия высоких доз облучения. В Трехгорном весьма перспективны разработки и внедрение технологий сверхточного приборостроения.

Ресурсные точки роста характерны хозяйственным развитием, благодаря наличию уникальных природных ресурсов и их разработке.

Наиболее перспективной и масштабной точкой роста такого типа, существенной по своему значению и масштабам для России в целом, является инновационный проект под общим названием «Урал Промышленный — Урал Полярный», в соответствии с которым предполагается создание крупного промышленного комплекса по извлечению сырьевых ресурсов на Урале и формирование сети энергетической и транспортной инфраструктуры.

Строительство ряда объектов в рамках указанного проекта даст возможность обеспечения относительно недорогими сырьевыми ресурсами машиностроительные и металлургические предприятия региона на базе освоения ресурсов восточных склонов Уральских гор. Этот проект призван содействовать модернизации ряда отраслей промышленности уральского региона; обеспечить развитие инфраструктурной составляющей региона в связи со снижением транспортных издержек; эффективным энергоснабжением, усилением взаимодействия между смежными территориями и проникновением региональной промышленности на глобальные рынки.

К целям проекта «Урал Промышленный — Урал Полярный» относятся:

1) освоение имеющихся территорий, развитие сырьевой базы. Указанный проект будет содействовать освоению территорий, имеющих существенное геостратегическое значение;

2) рост конкурентоспособности металлургической отрасли, а на ее базе других производственных комплексов, которые составляют каркас экономики региона и страны в целом;

3) формирование дополнительных точек роста с помощью образования новых предприятий, получения дополнительных заказов; проведение модернизации существующих мощностей;

4) рост в регионе инвестиционной активности. На первой стадии проекта запланированы разработка и выпуск новейших типов оборудования и машин для производств машиностроительного комплекса;

5) образование современной транспортной инфраструктуры, при понимании ее стратегического значения в масштабах страны, качественно улучшив и расширив ее конфигурацию и масштаб;

б) развитие инфраструктуры энергетической сферы;

7) обеспечение дополнительных платежей и налоговых поступлений в бюджеты всех уровней. В рамках данного проекта по освоению ресурсов Урала запланирован рост ежегодных поступлений платежей в бюджеты и налогов на общую сумму 11 млрд руб., из них в бюджеты ряда субъектов РФ — 5,3 млрд руб.

Развитие проекта в Челябинской области должно происходить по двум направлениям: создание сырьевой базы на основе собственных ресурсов и поставка оборудования для реализации проекта. Ожидается, что в проекте будут участвовать свыше 30 предприятий различного профиля Челябинской области.

Ресурсной точкой роста является металлургический комплекс Челябинской области, насчитывающий более 240 предприятий, 45 из них — средние и крупные. К ведущим металлургическим предприятиям области относятся: металлургиче-

ский комбинат г. Магнитогорска, металлургический комбинат и трубопрокатный завод г. Челябинска, металлургический завод г. Златоуста, который специализируется на выпуске легированных высококачественных сталей и сплавов; ряд предприятий, выпускающих ферросплавы в городах Сатке и Челябинске, огнеупоры — в Сатке и Магнитогорске, металлургическое производство в Аше, Каслях, Верхнем Уфалее, Чебаркуле, Миньяре.

Следующая точка роста — проект создания горно-обогатительного комбината на базе существующего месторождения «Михеевское». В ходе реализации этого проекта планируется обеспечение сырьем медеперерабатывающих предприятий Челябинской области, выпускающих продукты высокого передела, включая медную фольгу. Главная инновационная составляющая проекта — новый способ подготовки шихты, который должен предусмотреть бедность и наличие окисленных руд этого месторождения в общей массе породы, что обуславливает применение особой технологии шихтовки, а также переработки для максимального извлечения из руды чистой меди. Запроектировано строительство нового горно-обогатительного комбината «Михеевский». Это проект имеет федеральное значение, его результатом должен стать крупнейший горно-обогатительный комбинат на постсоветском пространстве, построенный «с нуля».

Несмотря на то, что Челябинская область представляет собой зону, земледелие в которой считается рискованным, агропромышленный комплекс считается достаточно приемлемым для создания точек роста ресурсного типа. В настоящем агропромышленный комплекс Челябинской области занят реализацией 16 крупнейших инвестиционных проектов, общий объем инвестиций, в которые составляет более 31 млрд руб. Направления проектов следующие:

- 8 проектов — птицеводство;
- 2 проекта — свиноводство;
- животноводство (в части производства крупного рогатого скота) — 3 проекта;
- растениеводство — 3 проекта.

К **финансовым точкам роста** относят такие, развитие деятельности в которых может быть обеспечено с помощью эффективного перераспределения и эффективного управления финансовыми потоками в границах определенных финансово-промышленных групп (ФПГ).

К способностям ФПГ относятся возможности по оказанию существенного влияния на развитие экономических региональных систем. В промышленных регионах такие структуры способны приводить к ускорению роста в отраслях, базовых для региона. Особое значение имеют финансово-кредитные учреждения, находящиеся в составе ФПГ. Стратегическое преимущество таких организаций заключается в способности перераспределять инвестиционные ресурсы, чем обеспечивается концентрация привлеченных и собственных средств на перспективных направлениях, что приводит к появлению дополнительных преимуществ для генерации роста.

Формированию финансово-промышленных групп в регионе придается особое значение и поэтому это направление активно поддерживают местные органы исполнительной власти, которые рассматривают такую деятельность как способ

усиления позиций региона в его отношениях с центром, а также как средство, помогающее решению региональных социальных и экономических задач. Местными администрациями формирование ФПГ связывается со значительными региональными программами по структурной перестройке взаимосвязанных предприятий, находящихся на их территории, при этом приоритетными задачами считается сохранение занятости населения и решение экологических проблем. Ключевая роль в такой деятельности принадлежит местным органам власти за счет обладания крупными пакетами акций центральных предприятий и организаций.

Формирование в Челябинской области крупных ФПГ может стать для регионального роста дополнительным стимулом, примечательно, что в регионе существует достаточно предпосылок, которые позволили бы послужить обоснованием необходимости создания таких интегрированных объединений.

Во-первых, этому способствует наличие в регионе значительного количества крупных и крупнейших промышленных предприятий, часто не имеющих достаточных инвестиций и оборотных средств.

Во-вторых, для регионального роста необходима доступность финансового капитала и развитие финансовых институтов (фонды, инвестиционные компании).

В-третьих, существует потребность в соединении финансового и промышленного капиталов для осуществления инвестиционных вопросов.

Заключение

Таким образом, перечисленные группы точек роста могут стать основой разработки схемы территориального планирования Челябинской области, в которой учтены наиболее крупные объекты. Более полная детализация должна найти отражение в стратегиях социально-экономического развития муниципальных образований. Стратегические разработки органов местного самоуправления должны «лежать в русле» региональной стратегии и быть согласованы с программами развития предприятий и организаций, расположенных на территории муниципальных образований, с соседними муниципалитетами, если инвестиционные проекты могут повлиять на их развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агафонов В.А.* Инновационная стратегия развития региона // *Экономическая наука современной России*. 2009. № 3. С. 20—27.
- Амосенок Э.П., Баженов В.А.* Интегральная оценка инновационного потенциала регионов России // *Регион: экономика и социология*. 2006. № 2. С. 134—145.
- Горегляд В.П.* Инновационный путь развития для новой России. М.: Наука, 2005. 343 с.
- Иогман Л.Г.* Развитие научно-технического потенциала региона / отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2009. 224 с.
- История экономической мысли* / под ред. В.В. Крутова, Е.В. Балахоновой. СПб.: Питер, 2008. 203 с.
- Кортюв С.В.* Анализ инновационного развития территории на базе эволюционного подхода // *Инновации*. 2004. № 6. С. 25—33.

Стратегия социально-экономического развития Челябинской области до 2020 года, утвержденная постановлением Законодательного Собрания Челябинской области от 25 октября 2007 г. № 890 (в ред. Постановлений Законодательного Собрания Челябинской области от 28.08.2008 г. № 1325, от 27.09.2012 г. № 1149).

Суспицын С.А. К вопросу о методологии разработки и оценки реализации стратегий и индикативных планов развития регионов // *Пространственная экономика*. 2009. № 2. С. 13—31.

Perroux F. Note on Concept of “Growth Poles” // *Regional Economics: Theory and Practice*. New-York — London, 1970. P. 93—103.

© Раевский С.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 октября 2017

Дата принятия к печати: 30 декабря 2017

Для цитирования:

Раевский С.В. Точки роста в промышленном регионе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 451—462. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-451-462

Сведения об авторе:

Раевский Сергей Васильевич, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.
Контактная информация: e-mail: svraevsky@gmail.com

GROWTH POINTS IN INDUSTRIAL REGION

S.V. Raevskii

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
pr-t Vernadskogo, 82, Moscow, Russia, 119571

Abstract. The modern situation in the Russian Federation is characterized the quickly changing by environmental conditions which compel to search for new mechanisms at all levels of regional government. Thereupon formation of regional points of the growth which development is capable to lead to creation in region of economic system with the built in mechanisms of adaptation and fast reaction to changing surrounding conditions becomes the important tool.

Purpose of the article — the analysis of various approaches to understanding of a point of growth in region economy, and also influences of regional points of growth on development of industrial region.

Methodology/methods. On the basis of a hypothesis about the unbalanced or polarized economic development by the author own understanding of the concept of points of growth as local spatial zone of the economic activity presented in the form of the large enterprise of concrete branch or set of managing subjects within the limits of certain territory, possessing in essential potential of self-development and capable to provide high dynamics of economic growth in region is offered.

Results. Depending on sources of economic development various types of regional points of growth are allocated: organizational, technological, resource, financial. On an example of the Chelyabinsk area features of their formation and development in industrial region are analysed.

Conclusions. On the basis of the conducted research the conclusion that regional points of growth can become a basis of working out of the scheme of territorial planning of large region is drawn. It is shown that fuller detailed elaboration should find reflexing in strategy of social and economic development of municipal unions.

Key words: a growth point, industrial region, resource, financial, organizational and technological points of growth, techno park, financial and industrial groups

REFERENCES

- Agafonov V.A. (2009) Innovacionnaja strategija razvitija regiona. Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii. № 3. S. 20—27. (In Russ).
- Amosenok Je.P., Bazhenov V.A. (2006) Integral'naja ocenka innovacionnogo potenciala regionov Rossii. Region: jekonomika i sociologija. № 2. S. 134—145. (In Russ).
- Goregljad V.P. (2005) Innovacionnyj put' razvitija dlja novoj Rossii. M.: Nauka. 343 s. (In Russ).
- Iogman L.G. (2009) Razvitie nauchno-tehnicheskogo potenciala regiona. Syktyvkar. 224 s. (In Russ).
- Istorija jekonomicheskoy mysli. (2008) Pod red. V.V. Krutova, E.V. Balahonovoj. SPb.: Piter. 203 s. (In Russ).
- Kortov C.B. (2004) Analiz innovacionnogo razvitija territorii na baze jevoljucionnogo podhoda. Innovacii. № 6. S. 25—33. (In Russ).
- Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija Cheljabinskoj oblasti do 2020 goda, utverzhennaja postanovleniem Zakonodatel'nogo Sobranija Cheljabinskoj oblasti ot 25 oktjabrja 2007 g. № 890 (v red. Postanovlenij Zakonodatel'nogo Sobranija Cheljabinskoj oblasti ot 28.08.2008 g. № 1325, ot 27.09.2012 g. № 1149). (In Russ).
- Suspicyun S.A. (2009) K voprosu o metodologii razrabotki i ocenki realizacii strategij i indikativnyh planov razvitija regionov. Prostranstvennaja jekonomika. № 2. S. 13—31. (In Russ).
- Perroux F. Note on Concept of "Growth Poles". Regional Economics: Theory and Practice. New-York — London, 1970. P. 93—103.

Article history:

Received: 29 October 2017

Revised: 20 November 2017

Accepted: 30 December 2017

For citation:

Raevskii S.V. (2017) Growth in Industrial Region. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 451—462. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-451-462

Bio Note:

Raevskii S.V. Dr. Econ. Sci., professor of the IBS-Institute of Business Studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. *Contact information:* e-mail: svraevsky@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-463-474

УДК 331.1+65.011

УПРАВЛЕНИЕ ТРУДОВЫМИ РЕСУРСАМИ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЯ

А.А. Тер-Григорьянц, О.И. Белозёрова

Северо-Кавказский федеральный университет
ул. Пушкина, 1, Ставрополь, Россия, 355009

В условиях рыночной нестабильности, как в практике хозяйственной деятельности, так и в научной литературе эффективное использование трудовых ресурсов все чаще признается основной предпосылкой создания качественно новых идей и внедрения ноу-хау в производственную среду экономических агентов. В связи с этим разработка и использование методов управления персоналом, исходя из необходимости решения задач развития инновационного потенциала коммерческой организации, приобретают особую значимость и актуальность, что и определило постановку цели данной статьи. Авторами обоснована необходимость использования разработанного инструментария, позволяющего выявлять готовность сотрудников хозяйствующего субъекта к осуществлению инновационных преобразований. Проведенное исследование на базе анализа изменения структуры трудовых ресурсов инновационно-ориентированных предприятий Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) свидетельствует о том, что увеличение доли исследователей в общем количестве работников и повышение уровня их острепенности способствуют одобрению большего количества патентных заявок, поданных по результатам проводимых НИОКР. Трудовые ресурсы хозяйствующего субъекта, являясь ключевым элементом его инновационного потенциала, требуют реализации системного подхода к их формированию и использованию, лежащему на стыке экономического, гуманистического и компетентностного подходов к организации основных управленческих процессов.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, управление, инновации, инновационный потенциал предприятия, эффективность, инструментарий

Введение

Необходимость реагирования Российской Федерации на ограничения внешнеэкономических связей и важность ускоренного перехода страны на курс импортозамещения предопределяют актуальность как оперативной корректировки сложившихся практик управления отдельными отраслями, так и интенсификации функционирования отдельных промышленных предприятий. Все чаще коммерческие организации сталкиваются с производственной задачей: как, оперируя имеющимися запасами ограниченных материальных ресурсов, не только получить востребованные потребителем аналоги экспортируемых ранее товаров, но и вывести на рынок уникальный отечественный продукт. Одним из приоритетных способов увеличения инновационной активности в стране должно стать совер-

шенствование существующих подходов к использованию инновационных потенциалов хозяйствующих субъектов и их элементов. Основываясь на авторском представлении о сущности инновационного потенциала предприятия как совокупности материально-технических, технологических, нормативно-правовых, информационных, трудовых, финансовых и организационно-административных ресурсов, которые определяют возможности экономического агента к осуществлению качественно новых преобразований и получению эффективных результатов его инновационной деятельности (Белозёрова О.И., 2017), авторы считают возможным утверждать, что эффективное использование именно трудовых ресурсов служит основным условием создания качественно новых идей и способствует их успешной коммерческой реализации в современной бизнес-среде.

Обзор литературы

В работах многих отечественных и зарубежных исследователей изучались как различные аспекты роли трудовых ресурсов в формировании и использовании инновационного потенциала коммерческой организации, так и их значение в процессе управления инновациями в целом (Армстронг М., 2004; Бондаренко Ю.В., 2014; Борисова Н.Н., 2014; Витчук Н.А., Перерва О.Л., 2014; Коноплева Г.И., 2015; Федосова Р.Н., Родионова Е.В., 2016 и др.). Особо следует отметить точку зрения Докашенко Л.В. и Бобровой В.В., в соответствии с которой «...управление творческой и инновационной деятельностью работников становится краеугольным камнем современной организации, содержанием новой стратегии и воплощением новой структуры» (Докашенко Л.В., Боброва В.В., 2011). Схожим с изложенным является и мнение Колосова А.Е. о том, что человеческий капитал в условиях инновационных преобразований на предприятии есть его базовый ресурс, эффективное использование которого существенно повышает шансы успешного внедрения инноваций (Колосов А.Е., 2010).

В целом для решения традиционных задач по управлению персоналом в системе менеджмента современных хозяйствующих субъектов используются три основных подхода к управлению их трудовыми ресурсами — экономический, гуманистический и компетентностный. При этом, по мнению Андреевой И.С. и Данилова И.П.: «Концепция управления персоналом — это система теоретических и методологических взглядов на понимание и определение сущности, содержания, целей, задач, критериев, принципов и методов управления персоналом, а также организационно-практических подходов к формированию механизма ее реализации в конкретных условиях работы организаций» (Андреева И.С., Данилов И.П., 2014).

Так, в основе *экономического подхода* к управлению персоналом хозяйствующего субъекта лежит создание четкой системы управления кадрами, основанной на вертикали управления, строгой иерархии и единоначалии. В рамках данной концепции обеспечивается жесткий контроль деятельности персонала и соблюдения ими трудовой дисциплины, при этом интересы организации зачастую провозглашаются выше личных предпочтений работников. Основное достоинство экономического подхода к управлению персоналом — экономически оправданное и достаточное материальное вознаграждение за выполнение определенного

вида работ сотрудниками, что стимулирует повышение производительности их труда.

Отличие *гуманистического подхода* к управлению персоналом от экономического заключается в том, что он имеет более социально-ориентированный характер и направлен, как на повышение уровня мотивации работника организации, так и на персонализированный учет его профессиональных и личных интересов. Ярким примером внедрения данного подхода в систему менеджмента хозяйствующего субъекта является политика пожизненного найма сотрудников, реализуемая на предприятиях Японии.

В свою очередь, задачами *компетентного подхода* к управлению трудовыми ресурсами экономического агента служат как целенаправленное формирование специфических компетенций персонала, так и создание благоприятной внутриорганизационной атмосферы, способствующей саморазвитию работников и повышению эффективности функционирования всего хозяйствующего субъекта.

Проведенный анализ содержания различных подходов к управлению персоналом инновационно-ориентированных предприятий позволил сделать вывод о том, что традиционные методы управления трудовыми ресурсами, используемые исключительно обособленно друг от друга, существенно ограничивают возможности креативного и инициативного решения производственных задач, не учитывают их индивидуальные творческие способности, что в итоге снижает эффективность принятия управленческих решений. В связи с этим, целесообразным становится разработка новых методов эффективного управления персоналом экономического агента, адекватных современному состоянию рыночного хозяйства.

Исследование состояния трудовых ресурсов предприятий СКФО и разработка системного подхода к их управлению

Конкурентоспособность отдельного предприятия, как в национальном, так и глобальном масштабах во многом будет определяться способностями хозяйственного механизма территориального образования генерировать новшества, эффективностью инновационных процессов в отдельных субъектах Российской Федерации, результативностью использования соответствующих трудовых ресурсов.

Так, в СКФО в течение 2005—2015 гг. численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, возросла на 1866 чел. или 32,9%, составив 7521 чел. к началу 2016 г. (табл. 1). За анализируемый период в регионе повысился уровень острепенности сотрудников инновационно-ориентированных предприятий. В 2015 г. практически половина персонала организаций СКФО, занятого научными исследованиями и разработками, имела ученую степень (43,3%), из них 23% — степень доктора наук и 77% — степень кандидата наук.

С 2005 по 2015 гг. в составе персонала предприятий СКФО, занятого научными исследованиями и разработками, стабильно преобладали исследователи (рис. 1). Вместе с тем, в 2015 г. по отношению к 2005 г. доля изыскателей в общей численности персонала увеличилась на 29,6%, в то время как других категорий персонала существенно сократилась, а именно, техников — на 33,9%, вспомогательного персонала — на 37,5%, прочих работников — на 19,8%.

Таблица 1

Динамика трудовых ресурсов инновационно-ориентированных предприятий СКФО
[Dynamics of labor resources of innovation-oriented enterprises
in the North Caucasus Federal District]

Показатель	Год							2015 г. к 2010 г., в абс. выражении, чел.	2015 г. к 2005 г., в абс. выражении, чел.
	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, чел., в том числе:	5655	6053	8585	7188	6330	6628	7521	+1468	+1866
исследователи	2890	3534	5553	4736	3857	4224	4982	+1448	+2092
техники	631	521	568	461	563	555	553	+32	-78
вспомогательный персонал	1223	1184	1580	1230	1155	969	1019	-165	-204
прочие	911	814	884	761	755	880	967	+153	+56
Численность исследователей с учеными степенями, чел., в том числе:	1362	1877	3802	3198	2349	2644	3255	+1378	+1893
доктора наук	356	520	886	808	614	669	746	+226	+390
кандидаты наук	1006	1357	2916	2390	1735	1975	2509	+1152	+1503

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики.

Рис. 1. Структура персонала, занятого научными исследованиями и разработками в СКФО в 2005, 2010, 2015 гг., %

[Fig. 1. The structure of personnel engaged in research and development in the North Caucasus Federal District in 2005, 2010, 2015, %]

Анализ статистических материалов свидетельствует о том, что предприятиями региона регулярно подавались патентные заявки, как на изобретения, так и на полезные модели (рис. 2).

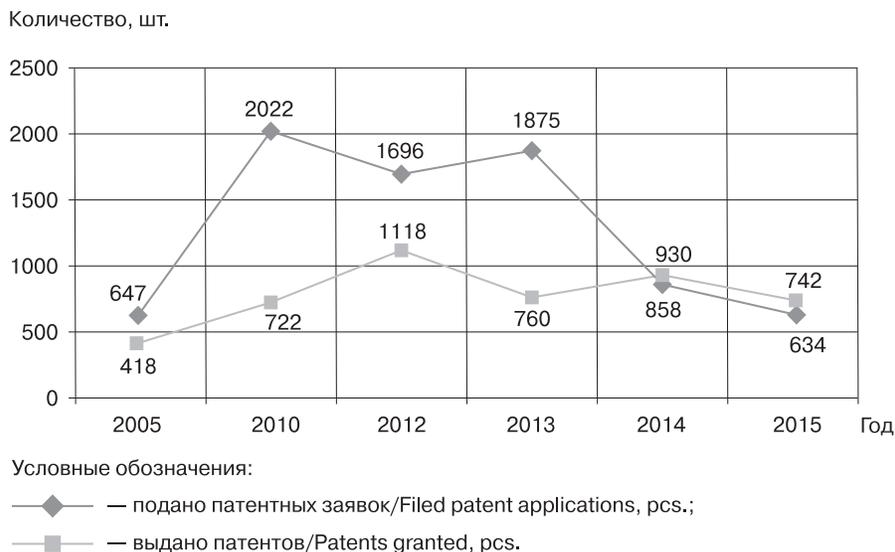

Рис. 2. Динамика поступления патентных заявок и выдачи патентов в СКФО за 2005—2015 гг.
[Fig. 2. The dynamics of the receipt of patent applications and the grant of patents in the North Caucasus Federal District for 2005—2015]

В течение 2012—2015 гг. всего было подано 4365 заявок на изобретения, а выдано 2938 патентов (одобрено — 67,3%); на полезные модели было подано 698 заявки, выдано 612 патентов (одобрено 87,7%). При этом в 2005 г. было одобрено 64,6% из общего числа поданных заявок, в 2010 — лишь 35,7%, причем в 2015 г. — количество выданных патентов составило 117,1% от общего количества поданных заявок за год (включая ранее поданные).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что роль трудовых ресурсов в повышении эффективности использования инновационного потенциала предприятия можно определить как существенную. При этом бизнес-процессы организаций СКФО, обуславливающих инновационную активность персонала характеризуются совокупностью таких проблем:

- недостаточной материальной мотивацией работников для осуществления новаторской деятельности;
- текучестью кадров, низким уровнем корпоративной культуры и отсутствием приверженности организации;
- низким уровнем квалификации персонала для транслирования инновационных идей;
- несоответствием профессиональных знаний и умений сотрудников профилю занимаемых ими должностей.

Ввиду сложности реализации инновационных процессов хозяйствующий субъект должен иметь четкую стратегию управления сотрудниками и их развитием, чтобы максимально эффективно использовать их инновационные способности. Так, например, внедрение только экономического подхода в систему управления позволит создать четкую организационную структуру предприятия, обеспечить соответствующие материальные условия и стимулы для работников, однако это может значительно снизить возможности осуществления ими преобразований,

поскольку готовность отдельных работников к созданию управленческих, технических или других видов инноваций в рамках данной концепции учитывается в меньшей степени.

Без использования гуманистического подхода в процессе управления персоналом развитие благоприятного социально-психологического климата и слаженной работы коллектива будут значительно затруднены, что, в свою очередь, замедлит добровольный и открытый обмен знаниями и новыми идеями между сотрудниками.

В соответствии же с компетентностным подходом к управлению трудовыми ресурсами, в бизнес-процессы организации следует вовлекать инновационно-ориентированных сотрудников нового психотипа — предприимчивых исследователей, чья трудовая деятельность была бы не только практико-ориентированной, но и основанной на модернизированных профессиональных компетенциях.

В результате в целях развития инновационного потенциала хозяйствующего субъекта следует использовать системный подход к управлению его трудовыми ресурсами, который базируется на реализации экономических, гуманистических и компетентностных способов воздействия на персонал (рис. 3).

Рис. 3. Структура системного подхода к управлению трудовыми ресурсами инновационно-ориентированного предприятия
[Fig. 3. A systematic approach to the management of the labor resources of an innovation-oriented enterprise]

Основным направлением применения системного подхода к управлению трудовыми ресурсами предприятия должно стать сочетание принципов рациональной и экономически целесообразной организации труда, при котором расстановка кадров будет основана на соответствии способностей и компетенций сотрудников к инновационным преобразованиям и реализуемым ими трудовым функциям, а также на поддержании особого корпоративного микроклимата, благоприятного для сплочения коллектива, развития сопричастности к жизненному циклу организации и решения производственных задач на основе коллективно-го принятия прогрессивных идей (табл. 2).

Таблица 2

Содержание элементов системного подхода к управлению трудовыми ресурсами организации
[The content of the elements of the system approach to the management of the labor resources of the organization]

Элементы системного подхода к управлению трудовыми ресурсами		
экономический	гуманистический	компетентностный
1	2	3
<ul style="list-style-type: none"> — персоналу ставятся четкие производственные задачи, выполнение которых сопровождается заслуженным вознаграждением; — в рамках регулирования трудовой дисциплины на предприятии поддерживаются принципы доброжелательности, равенства и справедливости, что мотивирует сотрудников на эффективное исполнение обязанностей и повышает их склонность к формулированию предложений по совершенствованию бизнес-процессов в организации; — соблюдается строгая управленческая вертикаль, которая также используется как канал для коммуникации между сотрудниками и органами управления предприятием и принятия решений по вопросам использования его инновационного потенциала; — синхронизация индивидуальных интересов персонала и стратегических целей инновационного развития экономического агента достигается на основе честных соглашений и разумного контроля трудовых отношений 	<ul style="list-style-type: none"> — деятельность членов трудового коллектива коммерческой структуры осуществляется с помощью общепринятых символов и образцов поведения; — активно поддерживается саморазвитие и самоорганизация сотрудников, а также происходит отождествление их личных целей со стратегическими целями предприятия; — целенаправленно развивается корпоративная культура предприятия, ориентированная на сплочение сотрудников и объединение их усилий в достижении целей инновационного развития хозяйствующего субъекта; — в системе менеджмента экономического агента пропагандируются общечеловеческие ценности, что повышает не только доверие персонала к органам управления — организацией, но и усиливает его лояльность к выполнению задач, связанных с осуществлением инновационной деятельности на предприятии; — на предприятии реализуется платформа открытых инноваций и сотрудники принимают активное участие в формулировании рационалистических предложений 	<ul style="list-style-type: none"> — на предприятии активно повышается компетентность персонала в области создания инноваций и проводится оперативное информирование сотрудников о планируемых направлениях развития инновационного потенциала организации; — знания, навыки, умения и компетенции, имеющиеся у персонала, повышают эффективность его труда и активизируют способности сотрудников к осуществлению ими качественно новых преобразований; — обеспечение ориентированности персонала на участие в инновационной деятельности основано на согласованном взаимодействии как линейных руководителей, так и кадровых служб организации, выявляющих инновационно-активных сотрудников и поддерживающих их инициативу; — на предприятии реализуется грамотная кадровая политика, направленная на замещение вакантных должностей кандидатами с высоким уровнем профессиональных навыков, новаторскими и лидерскими качествами

Следует отметить, что в процессе реализации системного подхода к управлению трудовыми ресурсами организации необходимо систематически и объективно оценивать содержание кадровой политики по управлению персоналом и результативность применяемых мер воздействия на сотрудников. Полагаем, что

определить текущий уровень эффективности реализации системного подхода к управлению трудовыми ресурсами предприятия можно с помощью трехкомпонентного показателя $S(x)$, переменные которого соответствуют ответам экспертов на вопросы, связанные с применением экономических, гуманистических и компетентностных элементов воздействия на персонал хозяйствующего субъекта: «да» присваивается 1 балл и «нет» — 0 баллов (табл. 3).

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод о готовности сотрудников к осуществлению инновационных преобразований. Так, высокий уровень комплексного показателя [$S(x) = (1, 1, 1)$], свидетельствует о том, что работники предприятия не только обладают высокой инновационной активностью, но и готовы участвовать во всех этапах инновационного процесса — от идеи создания инновационных товаров, работ, услуг, технологий до их коммерческой реализации.

Таблица 3

Определение эффективности использования системного подхода к управлению трудовыми ресурсами инновационно-ориентированного предприятия
[Determination of the effectiveness of the use of the system approach to the management of the labor resources of an innovation-oriented enterprise]

Уровень эффективности реализации системного подхода к управлению трудовыми ресурсами	Экономическая составляющая	Гуманистическая составляющая	Компетентностная составляющая
	1	2	3
Высокий: $S(x) = (1, 1, 1)$	Сотрудники не только обладают высокой производительностью труда, но и ориентированы на постоянное совершенствование используемых ими технологий организации труда и производства	Сотрудники обладают высокой мотивацией к труду, содержание которого соответствует их индивидуальным стремлениям к самореализации, а благодаря социальной интеграции работника в производственную систему, он воспринимает цели ее инновационного развития как свои собственные	Труд персонала эффективно организован, исходя из профессиональных знаний, навыков и умений сотрудников. При этом постоянно происходит развитие их компетентности, что позволяет более эффективно использовать его труд и повышать уровень инновационного потенциала коммерческой структуры
Средний: $S(x) = (0, 1, 1)$; $S(x) = (1, 0, 1)$; $S(x) = (1, 1, 0)$.			
Низкий: $S(x) = (0, 0, 1)$; $S(x) = (0, 1, 0)$; $S(x) = (1, 0, 0)$.			
Нулевой: $S(x) = (0, 0, 0)$.			

Нулевое значение показателя [$S(x) = (0, 0, 0)$] соответствует ситуации, когда персонал хозяйствующего субъекта не обладает ни должным уровнем квалификации, ни стремлением к рационализации своего труда, соответственно, инновационный потенциал экономического агента практически не развивается. При среднем или низком уровне рассматриваемого индикатора, руководству инновационно-ориентированного предприятия необходимо разработать и внедрить ряд корректирующих мер, направленных на выравнивание соответствующих значений трехкомпонентного показателя.

Таким образом, внедрение системного подхода в механизм управления трудовыми ресурсами организации позволит достичь высокого уровня развития инновационного мышления ее работников, повышения их инновационной активности и готовности к осуществлению рационализаторской деятельности, что в целом окажет положительное воздействие на эффективность использования инновационного потенциала экономического агента.

Методы исследования

Теоретическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных авторов, описывающих роль персонала в формировании инновационного потенциала коммерческой структуры, логический и сравнительный анализ содержания которых позволил сформулировать системный подход к управлению трудовыми ресурсами хозяйствующего субъекта.

Круг подлежащих рассмотрению задач определил необходимость использования соответствующего методического инструментария, а именно: абстрактно-логического, экономико-статистического, аналитического, а также экспертных оценок, монографического обследования и др. Интерпретация статистических данных о состоянии и динамике инновационных процессов в СКФО за 2005—2015 гг. была осуществлена с использованием принципов перехода количественных изменений в качественные и с помощью построения графических изображений.

Выводы по результатам исследования

Без формирования рационального, научно обоснованного качественного и количественного кадрового состава освоение и использование инновационного потенциала организации становится практически неосуществимым. Именно высококвалифицированные работники не только являются носителями интеллектуальных знаний, но и способны применять законы логики, здравого смысла и творчески подходить к решению текущих производственных задач. При этом креативность и саморазвитие, стремление к успеху и самореализации, обладание уникальными личностными, социально-психологическими и культурными качествами, предпринимательскими способностями отличают сотрудника хозяйствующего субъекта от высокотехнологичных и скоростных, но алгоритмизированных аппаратных средств обработки информации. Интеллектуальные качества человека, зачастую, необходимые и достаточные предпосылки для генерирования сверхновых знаний.

Использование системного подхода к управлению трудовыми ресурсами позволит синхронизировать направления экономического, гуманистического и компетентностного развития персонала организации с целями и потребностями использования ее инновационного потенциала. Деятельность руководителей организации по управлению кадрами должна быть направлена на удовлетворение экономических интересов отдельных категорий персонала предприятия, соответствовать общепринятым этическим нормам, а также отвечать требованиям рационального функционального распределения сотрудников коммерческой структуры в решении производственных задач в соответствии с их профессиональными знаниями, умениями и опытом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева И.С., Данилов И.П. Компетентностный подход к управлению персоналом как конкурентное преимущество предприятия // Вестник Чувашского университета. 2014. № 1. С. 218—224.

- Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. 8-е изд.: пер. с англ. М. Армстронг / под ред. С.М. Мордовина. СПб.: Питер 2004. 832 с.
- Белозёрова О.И.* Развитие корпоративной культуры предприятия как основа формирования его инновационного потенциала // *Вестник Северо-Кавказского федерального университета.* 2017. № 3 (60). С. 49—56.
- Борисова Н.Н.* Мотивационная стратегия управления персоналом в системе инновационно-ориентированного управления человеческими ресурсами // *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России.* 2014. Т. 3. № 6. С. 58—65.
- Бондаренко Ю.В.* Роль мотивации персонала и ее оценка в рамках инновационной деятельности предприятия // *Региональная экономика: теория и практика.* 2014. № 23. С. 22—29.
- Витчук Н.А., Перерва О.Л.* Повышение инновационного потенциала промышленного предприятия на основе комплексной системы управления трудовыми ресурсами // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* 2014. № 5—1. С. 244—252.
- Докашенко Л.В., Боброва В.В.* Роль человеческих ресурсов в развитии инновационной экономики. URL: http://vestnik.osu.ru/2011_13/26.pdf (дата обращения: 15.10.2017).
- Колосов А.Е.* Ключевые направления развития человеческого капитала предприятия в целях повышения эффективности инновационных преобразований // *Транспортное дело России.* 2010. № 10. С. 90—91.
- Коноплева Г.И.* Роль кадров в инновационной деятельности // *Альманах современной науки и образования.* 2015. № 7 (97). С. 79—81.
- Федеральная служба государственной статистики [Официальный сайт]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 20.10.2017).
- Федосова Р.Н., Родионова Е.В.* Личностный потенциал сотрудников как главный фактор инновационной активности организации // *Известия Международной академии аграрного образования.* 2016. № 28. С. 151—154.

© Тер-Григорьянц А.А., Белозерова О.И., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 7 ноября 2017

Дата принятия к печати: 29 декабря 2017

Для цитирования:

Тер-Григорьянц А.А., Белозерова О.И. Управление трудовыми ресурсами как основа повышения эффективности использования инновационного потенциала предприятия // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.* 2017. Т. 25. № 4. С. 463—474. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-463-474

Сведения об авторах:

Тер-Григорьянц Анна Александровна, доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита института экономики и управления Северо-Кавказского федерального университета. *Контактная информация:* e-mail: ann_ter@mail.ru

Белозёрова Оксана Ивановна, старший преподаватель кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма института математики и естественных наук Северо-Кавказского федерального университета. *Контактная информация:* e-mail: ugu_cyga@list.ru

MANAGEMENT OF LABOR RESOURCES AS A BASIS OF INCREASING THE EFFICIENCY OF USING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE ENTERPRISE

Anna Ter-Grigoryants, Oxana Belozeroва

North-Caucasus Federal University
1, Pushkin str., Stavropol, Russia, 355009

Abstract. In the conditions of market instability, both in the practice of economic activity and in the scientific literature, the effective use of labor resources is increasingly recognized as the main prerequisite for the creation of qualitatively new ideas and the introduction of know-how into the production environment of economic agents. In this regard, the development and use of methods of personnel management, based on the need to address the development of the innovative potential of the commercial organization, acquire a special significance and relevance, which determined the setting of the purpose of this article. The authors substantiate the necessity of using the developed toolkit, which makes it possible to identify the willingness of the employees of the economic entity to implement innovative transformations. The research carried out on the basis of the analysis of changes in the structure of the labor resources of innovation-oriented enterprises of the North Caucasus Federal District indicates that an increase in the share of researchers in the total number of employees and an increase in their level of development contribute to the approval of a larger number of patent applications filed according to the results of R&D. The labor resources of the economic entity, being a key element of its innovative potential, require the implementation of a systematic approach to their formation and use, which lies at the intersection of economic, humanistic and competence approaches to the organization of basic managerial processes.

Key words: labor resources, management, innovations, an innovative potential of the enterprise, efficiency, toolkit

REFERENCES

- Andreeva I.S., Danilov I.P. (2014) Kompetentnostnyi podkhod k upravleniyu personalom kak konkurentnoe preimushchestvo predpriyatiya. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. No. 1. Pp. 218—224 (In Russ).
- Armstrong M. (2004) *Praktika upravleniya chelovecheskimi resursami*. 8-e izd.: per. s angl. M. Armstrong. pod red. S.M. Mordovina. SPb.: Piter. 832 p. (In Russ).
- Belozeroва O.I. (2017) Razvitie korporativnoy kul'tury predpriyatija kak osnova formirovaniya ego innovacionnogo potentsiala. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*. No. 3 (60). Pp. 49—56 (In Russ).
- Borisova N.N. (2014) Motivacionnaya strategiya upravleniya personalom v sisteme innovacionno-orientirovannogo upravleniya chelovecheskimi resursami. *Upravlenie personalom i intellektual'nymi resursami v Rossii*. Vol. 3. No. 6. Pp. 58—65 (In Russ).
- Bondarenko Ju.V. (2014) Rol' motivatsii personala i ee ocenka v ramkah innovacionnoy dejatel'nosti predpriyatija. *Regional'naya ekonomika: teorija i praktika*. No. 23. S. 22—29 (In Russ).
- Vitchuk N.A., Pererva O.L. (2014) Povyshenie innovacionnogo potentsiala promyshlennogo predpriyatija na osnove kompleksnoy sistemy upravleniya trudovymi resursami. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomicheskie i juridicheskie nauki*. No. 5—1. S. 244—252 (In Russ).
- Dokashenko L.V., Bobrova V.V. (2011) Rol' chelovecheskikh resursov v razvitii innovatsionnoi ekonomiki. URL: http://vestnik.osu.ru/2011_13/26.pdf (accessed: 15.10.2017). (In Russ).

- Kolosov A.E. (2010) Klyucheveye napravleniya razvitiya chelovecheskogo kapitala predpriyatiya v tselyakh povysheniya effektivnosti innovatsionnykh preobrazovaniy. *Transportnoe delo Rossii*. No. 10. Pp. 90—91 (In Russ).
- Konopleva G.I. (2015) Rol' kadrov v innovacionnoj dejatel'nosti. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya*. No. 7 (97). S. 79—81 (In Russ).
- Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. URL: <http://www.gks.ru> (accessed: 20.10.2017). (In Russ).
- Fedosova R.N., Rodionova E.V. (2016) Lichnostnyj potencial sotrudnikov kak glavnyj factor innovacionnoj aktivnosti organizacii. *Izvestija Mezhdunarodnoj akademii agrarnogo obrazovaniya*. No. 28. S. 151—154 (In Russ).

Article history:

Received: 7 November 2017

Revised: 30 November 2017

Accepted: 29 December 2017

For citation:

Ter-Grigoryants A.A., Belozeroва O.I. (2017) Management of Labor Resources as a Basic of Increasing the Efficiency of using the Innovative Potential of the Enterprise. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 463—474. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-463-474

Bio Note:

Ter-Grigoryants A.A. Doctor of Economics, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit of the Institute of Economics and Management, North Caucasian Federal University. *Contact information:* e-mail: ann_ter@mail.ru

Belozeroва O.I. Senior lecturer of the Department of Social and Economic Geography, Geoinformatics and Tourism of the Institute of Mathematics and Natural Sciences, North-Caucasian Federal University. *Contact information:* e-mail: ugu_cyga@list.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-475-486

УДК 339.5

ОСОБЕННОСТИ АДМИНИСТРИРОВАНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ДОХОДОВ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

Г.И. Немирова

Российская таможенная академия
Комсомольский пр., 4, Люберцы, Россия, 140015

В статье на основе анализа администрирования таможенных доходов в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Кыргызстан, Республике Армения определены общие черты механизма администрирования таможенных доходов в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) в целом и особенности, характерные для каждого государства.

Обоснована роль таможенных доходов в развитии внешнеэкономической деятельности. Систематизированы факторы, вызывающие угрозу экономической безопасности, и факторы, являющиеся потенциалом развития внешнеэкономической деятельности в каждом государстве ЕАЭС. Сделан вывод о необходимости изменения методологических подходов к администрированию таможенных доходов в государствах-членах ЕАЭС.

Ключевые слова: администрирование таможенных доходов, таможенные платежи, федеральный бюджет, внешнеэкономическая деятельность, интеграция, глобальная экономика, курс рубля, таможенные органы

Введение

Формирование Евразийского экономического союза создало для государств, входящих в данный союз, условия для эффективного развития экономики и внешнеторговой деятельности, кроме четырех свобод (перемещения товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов), характерных для Таможенного союза, добавились еще и условия для скоординированного развития национальных экономик.

При этом следует отметить, что эти государства имеют опыт формирования экономических отношений друг с другом еще со времен СССР. Они также обладают определенным ресурсным потенциалом и преимуществом перед государствами Евросоюза. К ресурсным преимуществам государств — членов ЕАЭС можно отнести высокую обеспеченность природными ископаемыми, производственные фонды, трудовые ресурсы, фундаментальные научные разработки в различных отраслях (Мантусов В.Б., 2017).

Обеспечение сбалансированного и экономически безопасного развития, повышение эффективности и решение на этой основе социально-экономических задач обеспечивается при наличии достаточных для выполнения государственных задач финансовых ресурсов. В создании условий для решения государственных

задач большая роль отводится таможенным органам, выполняющим контрольные и фискальные функции.

В условиях глобальной интеграции формирование эффективного механизма финансового обеспечения экономического развития государств интегрированных в ЕАЭС во многом зависит от механизма администрирования доходов бюджета государств — членов Союза. В этой связи исследование особенностей механизма администрирования таможенных доходов является актуальным направлением научных исследований. Учет этих особенностей при выработке единой политики и реализации интеграционных процессов выступает основой для расширения экономического потенциала государств — членов ЕАЭС.

Обзор литературы

Характер проблем в сфере внешнеэкономической деятельности, обусловленных глобализацией, с необходимостью разрешения которых сталкивается современный мир и каждая страна, осуществляющая эту деятельность, являются предметом внимания и исследований мировой и российской экономической науки (Прущак С.Ф., 2007).

Исследованию администрирования таможенных доходов уделено внимание в работах многих ученых. Отмечается, что важно установить экономический и правовой статус таможенных платежей. Неопределенность статуса затрудняет использование принципов регулирования, применяемых в отношении платежей (Артемьев А.А., 2010).

Также на механизм администрирования таможенных доходов акцентируется внимание в работах других авторов (Положенцев М.С., 2013; Хапилин С.А., 2015; Чуватова И.С., 2011).

Наиболее эффективным инструментом реализации рассматриваемых процессов на региональном и общемировом уровне выступает таможенная система, основной компонентой которой служит таможенное администрирование (Кинякин М.В., 2012).

При этом остаются недостаточно исследованным механизм администрирования таможенных доходов в ЕАЭС, взаимосвязь между администрированием таможенных доходов и внешнеэкономической деятельностью, особенности администрирования таможенных доходов государств — членов Союза. Необходимость теоретического переосмысления роли таможенных доходов в развитии внешнеэкономической деятельности, определение особенностей механизма администрирования таможенных доходов государств — членов ЕАЭС и их влияние на развитие национальной экономики и потенциал Союза послужили целью написания научной статьи.

Влияние особенностей администрирования таможенных доходов государств — членов ЕАЭС на доходы бюджета и внешнеэкономическую деятельность

Целью администрирования таможенных платежей выступает обеспечение прогнозных поступлений в бюджетную систему государств — членов ЕАЭС, а также наиболее эффективное функционирование механизма таможенного регулирования

ния и таможенного контроля, направленных на эффективное развитие внешне-экономической деятельности (ВЭД) и национальной экономики Союза и каждого государства.

Объем администрируемых таможенными органами таможенных доходов и их удельный вес (от 40 до 50%) в доходах федерального бюджета свидетельствуют о роли таможенных органов Российской Федерации в выполнении фискальной функции. Доходы в среднем составляли половину доходов федерального бюджета, исключение составляет лишь период кризиса и посткризиса (2008—2009 годы) и период действия запретов и ограничений по отношению к российским товарам (2015—2016 годы) (рис. 1).

Рис. 1. Динамика изменения доходов администрируемых таможенными органами Российской Федерации и доходов федерального бюджета за 2008—2016 годы
[Fig. 1. Dynamics of changes in incomes administered by the customs authorities of the Russian Federation and federal budget revenues for 2008—2016]

Источник: составлено автором по данным официального сайта Федерального Казначейства России: Режим доступа: <http://www.roskazna.ru/>

Формирование доходов бюджета за счет таможенных доходов можно рассматривать, как положительный фактор развития экономики, так и как отрицательный, вызывающий угрозу экономической безопасности. Если таможенные доходы пополняются за счет экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, либо импорта товаров крайне необходимых, но невозможных производить в своей стране в силу технических, либо природных условий, то их следует отнести к положительному фактору развития экономики. В случае если таможенные доходы формируются за счет вывоза товаров с низкой добавленной стоимостью,

например, сырьевых ресурсов как в России и отчасти в Казахстане, либо чрезмерного импорта товаров в ущерб производству собственных товаров, то данный результат деятельности рассматривается как отрицательный фактор развития экономики, вызывающий угрозу экономической безопасности страны.

В ходе анализа выявлены особенности механизма администрирования таможенных доходов государств — членов ЕАЭС. Особенность состоит в применении национального законодательства государств — членов ЕАЭС, стимулирующее (дестимулирующее) развитие ВЭД, которое действует как детализирующее или дополняющее единое правовое регулирование таможенной деятельности ЕАЭС. Одновременно с этим данная специфика вызывает некоторые трудности в перемещении товаров по территории ЕАЭС.

Следующей особенностью выступает институт администрирования таможенных доходов. В Республике Беларусь, Республике Казахстан и Кыргызской Республике таможенные доходы закреплены как налоговые доходы, в то время как в Российской Федерации и Республике Армения таможенные доходы определены законодательно как неналоговые доходы.

Единая таможенная территория ЕАЭС и единое таможенное законодательство позволяют осуществлять перемещение товаров по таможенной территории без таможенного оформления. Одним из условий перемещения товаров через таможенную границу выступает уплата таможенных платежей. Взимаемые таможенными органами платежи уплачиваются в том государстве — члене ЕАЭС, таможенным органом которого производится выпуск товаров, в валюте этого государства. Уплата таможенных платежей производится на единый счет уполномоченного органа, открытый в национальном (центральном) банке, либо в уполномоченном органе, имеющем корреспондентский счет в национальном (центральном) банке, для зачисления и распределения поступлений между бюджетами государства — члена ЕАЭС.

Уполномоченными органами выступают государственные органы, осуществляющие кассовое обслуживание бюджета страны: в Армении — Центральным казначейством Республики Армения, в Беларуси — Главное государственное казначейство Министерства финансов Республики Беларусь, в Казахстане — Комитет казначейства Министерства финансов Республики Казахстан, в России — Федеральное казначейство Российской Федерации.

Для определения финансового потенциала сбалансированного и экономически безопасного развития государств — членов ЕАЭС и осуществления ВЭД проанализированы источники формирования доходов консолидированных и республиканских (в России федерального) бюджетов. Учет особенностей администрирования таможенных доходов позволяет более эффективно привлекать доходы в бюджетную систему государств и развивать внешнеэкономическую деятельность.

В статистических отчетах ЕАЭС представлены данные о состоянии консолидированного бюджета государств — членов Союза в национальной валюте. В целях сопоставимости данных показатели консолидированных бюджетов рассчитаны в одной валюте (долларах США) по официальным курсам национальной валюты на конец соответствующего периода. Расчет доходов на душу населения

позволил определить вклад населения в их формирование, расчет расходов — увидеть государственный вклад в развитие экономики и человеческого потенциала (табл. 1).

Таблица 1

Расходы и доходы консолидированных бюджетов стран ЕАЭС
[Expenditures and incomes of the consolidated budgets of the countries of the EEU]

Страна	2015 г.	2016 г.	2015 г.	2016 г.
	Доходы			
	млн долл. США		долл. США на душу населения	
Армения	2443,1	2405	802,9	790,4
Беларусь	10488,1	8981,5	1103,5	945,0
Казахстан	28583,8	22487,6	1564,7	1231,0
Кыргызстан	1761,7	1657,6	285,5	268,6
Россия	225224,2	202989,3	1534,2	1382,7
Страна	Расходы			
	млн долл. США		долл. США на душу населения	
	Армения	2947,5	2761,4	968,7
Беларусь	9441,9	8474,3	993,4	891,6
Казахстан	32694,2	24603,2	1789,8	1346,8
Кыргызстан	1844,9	1965,2	299,0	318,5
Россия	255920,5	247734,4	1743,3	1687,5
Страна	Профицит (дефицит)			
	млн долл. США		долл. США на душу населения	
	Армения	-504,4	-356,4	-165,8
Беларусь	1046,2	507,2	110,1	53,4
Казахстан	-4110,4	-2115,6	-225,0	-115,8
Кыргызстан	-83,2	-307,6	-13,5	-49,8
Россия	-30696,3	-44745,1	-209,1	-304,8

Источник: рассчитано автором по данным Евразийской экономической комиссии. Департамент макроэкономической политики. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/ (дата обращения:).

В 2015 и 2016 годах консолидированный бюджет во всех государствах — членах ЕАЭС, кроме Республики Беларусь, был исполнен с дефицитом. По сравнению с соответствующим периодом прошлого года в Армении наблюдалось снижение доходной и расходной частей бюджета, в Беларуси, Казахстане и Кыргызстане — рост, а в России на фоне снижения доходов росли расходы, что привело к увеличению дефицита бюджета.

Анализ администрируемых доходов республиканского (федерального) бюджета государств — членов ЕАЭС от ВЭД позволил определить их как потенциал для развития экономики и выявить определенные тенденции в их развитии (рис. 2). В условиях образования Таможенного союза и далее Евразийского экономического союза во всех государствах — членах ЕАЭС отпала необходимость таможенного оформления и таможенного контроля, уплаты ввозных и вывозных таможенных пошлин при перемещении товаров по таможенной территории Союза, послужившие положительным фактором во внешнеторговой деятельности.

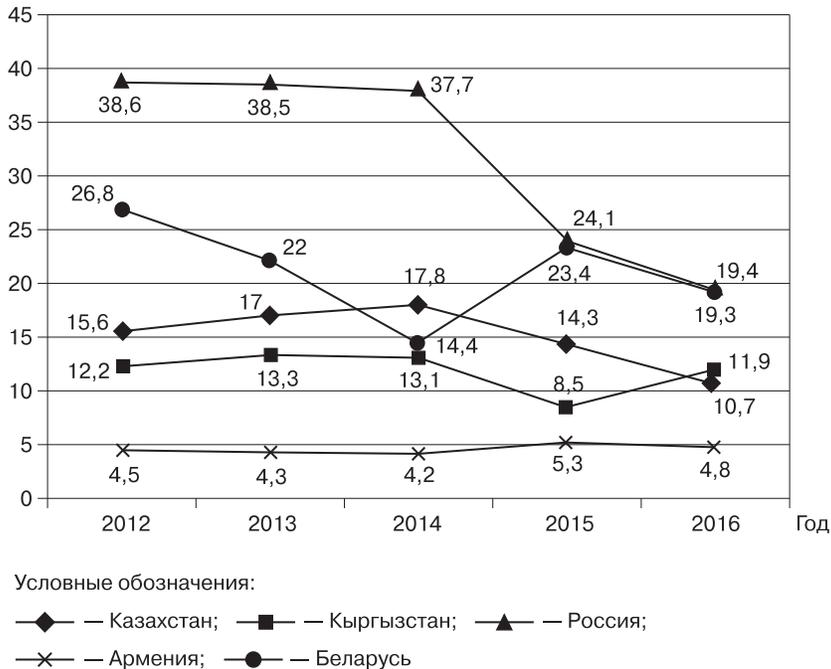

Рис. 2. Удельный вес доходов от внешнеэкономической деятельности в доходах республиканского (федерального) бюджета за 2012—2016 годы, %
[Fig. 2. The share of income from foreign economic activity in the revenues of the republican (federal) budget, in% for 2012—2016]

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии. Департамент макроэкономической политики. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/ (дата обращения: 02.04.2017).

Как отмечает Макрусов В.В., в основе нового регулирования внешнеэкономической деятельности лежит система предоставления таможенных услуг, формируемая при реализации программных продуктов по упрощению процедур торговли, в целях сокращения нетарифных барьеров, операций и процедур государственного контроля (Макрусов В.В., 2015).

В структуре доходов бюджета за 2016 год доходы от ввозных таможенных пошлин не превышают 5%: в Республике Беларусь 5%, в Республике Армения 4,6%, в Российской Федерации 4,2%, в Республике Казахстан 3,1%, за исключением Кыргызской Республики, в которой от ввозных таможенных пошлин доходы составили 11,3% от объема доходов республиканского бюджета. В Кыргызской Республике наблюдается явная зависимость бюджета государства от импорта товаров, что в дальнейшем может вызывать финансовую зависимость страны от глобальной экономики.

Государства, объединяясь в Союз, вынуждены соглашаться с условиями ведения бизнеса на единой территории, в части принимать соглашения в части применения антидемпинговых, компенсационных и специальных пошлин, соблюдения запретов и ограничений. Так, например, введение запретов и ограничений

по отношению к российским товарам негативно отразилось на ВЭД других государств и их доходах в части ввозных таможенных пошлин.

Доходы от ВЭД (см. рис. 2) составляют в среднем от 4,2% (Республика Армения — 2014 год) до 38,5% (Российская Федерация — 2013 год). Наиболее динамично доходы от ВЭД формировались в Республике Армения и составляли в среднем 4,4% (в 2012 году — 4,5%, в 2013 году — 4,3%, в 2014 году — 4,2, в 2015 году рост — до 5,3%, в 2016 году снижение — до 4,8%). Республика Армения присоединилась к ЕАЭС 2 января 2015 года. Переход для данного государства к условиям развития ЕАЭС предусмотрен постепенный. Так, например, до 2018 года в стране будут использоваться нулевые таможенные ставки на бензин. К ставкам единого таможенного тарифа, применяемых в части торговли товарами, Армения должна перейти в 2020 году. При этом в сфере услуг страна присоединиться к договоренностям на общих основаниях. Постепенный переход к механизму администрирования таможенных доходов позволит Армении планомерно подготовить экономику и внешнеторговую деятельность к условиям развития в едином экономическом и таможенном пространстве.

Относительно стабильно развивалась ВЭД и в Республике Кыргызстан с 2012 по 2014 годы (в 2012 году доходы составляли 12,2%, 2013 году — 13,3%, в 2014 году — 13,1%). Однако в 2015 году доходы от ВЭД в структуре всех доходов бюджета снизились до 8,5%, в дальнейшем повысившись до 11,9 % в 2016 году. Присоединение Республики Кыргызстан к ЕАЭС, которое состоялось 12 августа 2015 года, внесло коррективы во внешнеэкономические отношения. Влияние глобальной экономики и таможенной интеграции выразилось как положительным эффектом, так и отрицательным. В качестве положительного эффекта для страны следует отметить развитие внешнеторговых отношений с государствами — членами ЕАЭС.

«Падение цен на экспортное сырье России и Казахстана (нефть, газ, металлы) повлекло за собой падение покупательной способности для кыргызстанских товаров швейной промышленности. Власти Кыргызстана девальвировали сом меньше, чем наши основные торговые партнеры по ЕАЭС. В 2014 году соотношение сома к рублю было 1:1,5, а за десять сом давали 30—33 тенге. Сейчас соотношение, которое пересчитывается через соотношение к доллару, изменилось: 1 сом равен 1 рублю, а за 10 сом можно получить 50 тенге. Такое соотношение валют и послужило основной причиной падения экспорта кыргызстанских товаров» (Бердаков Д., 2016).

Республика Казахстан имеет относительно устойчивое развитие внешнеторговой деятельности, причина тому наиболее выгодные по сравнению с другими государствами — членами ЕАЭС условия налогообложения для ведения бизнеса (табл. 2), поэтому доходы с 2012 по 2014 годы имели динамичный рост (2012 год — 15,6%, 2013 год — 17,0%, 2014 год — 17,8%). Однако Республика Казахстан, как и Российская Федерация, имеет высокую долю продукции сырьевых отраслей в ВВП, что послужило основой снижения доходов от ВЭД в условиях неблагоприятной экономической ситуации, вызванной снижением цены на энергоносители на мировом рынке, в результате чего доходы в 2015 году снизились до 14,3%, а в 2016 году — до 10,7%.

Таблица 2

Ставки налогов в Республике Казахстан, Российской Федерации, Республике Беларусь, %
[Tax rates in the Republic of Kazakhstan, the Russian Federation, the Republic of Belarus]

Вид налога	Россия	Казахстан	Беларусь
НДС	18; 10	12; 0	20; 10; 0
Налог на прибыль	20	20; 15	18; 10
НДФЛ	13	10; 5	12
Налог на имущество	≤ 2,2	0,05—1,5	0,1—2

Источник: составлено автором по данным Налогового кодекса России. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 05.08.2017); Налогового кодекса Республики Беларусь. URL: http://www.nalog.gov.by/ru/TAX_CODE_RU/ (дата обращения: 05.08.2017); Налогового кодекса Республики Казахстан. URL: <http://kgd.gov.kz/ru/content/nalogovyy-kodeks-rk> (дата обращения: 05.08.2017).

Развитие ВЭД в *Республике Беларусь* имеет отличную от других государств тенденцию, доходы от ВЭД снижались даже в 2012—2014 годах, когда в других государствах — членах ЕАЭС они росли. В 2015 году наблюдается пик повышения показателя, который составил 23,4% с дальнейшим падением показателя до 19,3% в 2016 году. В Республике в 2016 году была проведена деноминация денежных знаков. Следует отметить, что государственные доходы не испытали столь значимого негативного воздействия за счет снижения мировых цен на энергоносители, так как Беларусь специализируется на производстве продуктов с высокой добавленной стоимостью. Однако в Республике Беларусь ставка НДС является наиболее высокой.

С развитием Таможенного союза, далее ЕАЭС, а также вступлением в ВТО в *России* создались благоприятные предпосылки для эффективного развития страны. Объемы доходов от ВЭД динамично росли с 2003 года по 2014 годы. Исключение составили доходы в условиях кризиса (2008—2009 годы) и в условиях введения запретов и ограничений (2014—2016 годы). Особенно резко снизились доходы в 2015 году, снизились с 37,7% (2014 год) до 24,1%, далее достигнув в 2016 году 19,4%.

Снижение темпов прироста таможенных платежей обусловлено как внутренними вызовами, исходящими из развития национальной экономики, так и внешними вызовами, т.е. глобальными процессами мировой экономики. Так, на падение темпов прироста в 2013 году повлияло снижение ставок таможенных платежей на некоторые товары в результате вступления России в ВТО. В параллели с ВЭД снизился и объем таможенных платежей в 2015 году против 2014 года, до 29,47% и составил лишь 4933,2 млрд руб. В 2016 году темп прироста таможенных платежей продолжил снижение, равно как и объем таможенных платежей администрируемых в федеральном бюджете, объем которых чуть превысил объем платежей 2010 года (2016 год — 4406,9 млрд руб.; 2010 год — 4330,1 млрд руб.). Причиной послужили экономический кризис, введение запретов и ограничений. Наблюдаемая тенденция изменения объема и структуры доходов федерального бюджета отражает дисбаланс в структуре развития национальной экономики и вызывает угрозу экономической безопасности страны.

Анализируя в целом доходы федерального бюджета и их чрезмерную зависимость от таможенных платежей, следует отметить, что такая модель финансово-

го обеспечения экономического развития представляет в угрозу экономической безопасности для Российской Федерации, что подтвердили экономические кризисы (2008—2009, 2014—2016 годов). К тому же в Российской экономике наблюдаем и дисбаланс между объемом формируемых доходов в виде таможенных платежей и внешнеэкономической деятельностью, которые служат источником их пополнения. Выражается это в стабильном росте таможенных платежей даже при снижении внешнеэкономического оборота, объем которых составляет в среднем половину бюджетных средств. Для сравнения: объем доходов, администрируемых таможенными органами составляет в США 1,1%, в Великобритании 1,5%, в Германии 6%.

Вступление в действие Таможенного кодекса ЕАЭС внесет некоторые коррективы в механизм администрирования таможенных доходов. Основные нововведения направлены на унификацию правовых норм в Союзе, централизацию учета и отчетности по администрируемым в бюджет таможенным доходам, сокращение сроков совершения таможенных операций. Среди таких направлений следует отметить возможность использования авансовых платежей для уплаты всех видов таможенных доходов, что позволит сократить количество обрабатываемых документов и тем самым упростить механизм администрирования таможенных доходов и ускорить процесс перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС.

Выводы и рекомендации

Проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей в механизме администрирования таможенных доходов, которые влияют на развитие национальной экономики каждого государства.

Во-первых, таможенные доходы классифицируются по-разному в государствах-членах ЕАЭС, в Российской Федерации (следует отметить, что в России были также периоды развития, когда их природу определяли как налоговую и относили к налоговым доходам) и Республике Армения таможенные доходы определены законодательно как неналоговые доходы в то время, как в Республике Беларусь, Республике Казахстан и Кыргызской Республике они закреплены как налоговые доходы, и, соответственно, различается их правовое регулирование.

Во-вторых, классификация таможенных доходов в качестве налоговых либо неналоговых доходов обуславливает наличие различных институтов, администрируемых данных доходов. Это означает, что таможенные доходы могут администрироваться, как таможенными органами, так и налоговыми органами. Например, в Российской Федерации таможенные доходы администрирует Федеральная таможенная служба, а Федеральная налоговая служба налоговые доходы, но находятся они в ведении Министерства финансов Российской Федерации, хотя ранее имели другую подчиненность. Различия институтов администрируемых таможенных доходов не всегда имеет положительный аспект в решении стратегических и тактических задач.

В-третьих, анализ динамики развития ВЭД и доходов республиканского бюджета государств — членов ЕАЭС (в России федерального), а также консолидиро-

ванного бюджета позволил выявить тенденции развития национальных экономик. Выявлены факторы, вызывающие угрозу экономической безопасности и факторы, расширяющие экономический потенциал государства и направленные на стимулирование ВЭД.

Таким образом, механизм таможенного администрирования выступает в качестве важного метода регулирования ВЭД в ЕАЭС. Изменившиеся условия требуют выработки методологических подходов к формированию конкурентоспособной на мировом рынке экономики, что нацеливает на определение условий сбалансированного развития экономик интегрированных в единое экономическое пространство и на совершенствование таможенного администрирования.

Применение теории систем и системный анализ, прогнозирование социально-экономических процессов и состояния общества с позиции эффективного финансового обеспечения следует отнести к приоритетным направлениям научного использования. Использование системного подхода и факторов макросреды будут способствовать определению эффективных направлений финансового обеспечения сбалансированного развития России в условиях глобальной интеграции (Немирова Г.И., 2014).

При верно выбранной стратегии и тактике интеграции глобальные объединения выступают дополнительным источником расширения финансового обеспечения сбалансированного развития экономики. Так, развитие ЕАЭС послужило импульсом к восстановлению и развитию прерванных производственных связей, расширению торгово-экономических связей. При унификации таможенного и налогового законодательства таможенное администрирование выступит определенным импульсом в развитии национальных экономик государств — членов ЕАЭС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемов А.А.* Администрирование таможенных платежей как направление налоговой политики: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2010. 27 с.
- Бердаков Д.* Кыргызстан в ЕАЭС: что изменилось в стране за год? / сайт Евразия эксперт / <http://eurasia.expert/kyrgyzstan-v-eaes-chto-izmenilos-v-strane-za-god/> (дата обращения: 12.11.2017).
- Княкин М.В.* Таможенное администрирование как институт интеграции России в мировую экономику: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. Ростов н/Д., 2012. 28 с.
- Макрусев В.В.* Развитие таможенного института как системы таможенных услуг // *Вестник МГОУ. Серия: Экономика* 2015. № 1 С. 36—43.
- Мантусов В.В.* Особенности интеграции Российской Федерации в Евразийском экономическом пространстве // *Вестник Российской таможенной академии*. 2017. № 3. С. 6—12.
- Немирова Г.И.* Системный подход к управлению финансовым обеспечением России в условиях таможенной интеграции / *Современные проблемы глобальной экономики: от торжества идей либерализма к новой «старой» экономической науке: материалы междунар. науч. конф.* / под ред. Р.М. Нуреева, М.Л. Альпидовской. М.: Финансовый университет, 2014. С. 51—54.
- Положенцев М.С.* Анализ практики прогнозирования доходов, администрируемых таможенными органами // *Вестник Российской таможенной академии*. 2013. № 2. С. 75—80.

Прущак С.Ф. Инновационное развитие таможенного администрирования: автореф. дисс. ... д-ра эконом. наук. М., 2007. 40 с.

Хапилин С.А. Развитие евразийской экономической интеграции на основе модернизации механизма таможенного регулирования: дисс. ... д-ра эконом. наук. Ростов н/Д., 2015. 52 с.

Чуватова И.С. Совершенствование деятельности таможенных органов по администрированию таможенных платежей в Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. М., 2011. 28 с.

© Немирова Г.И., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 26 октября 2017

Дата принятия к печати: 27 декабря 2017

Для цитирования:

Немирова Г.И. Особенности администрирования таможенных доходов в Евразийском экономическом союзе // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 475—486. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-475-486

Сведения об авторе:

Немирова Гульзида Иксановна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры таможенных операций и таможенного контроля Российской таможенной академии. *Контактная информация*: e-mail: nemirova@bk.ru

FEATURES OF CUSTOMS REVENUE ADMINISTRATION IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

G.I. Nemirova

Russian Customs Academy

4, Komsomol'skii pr., Lyubertsy, Russia, 140015

Abstract. In the article, on the basis of the analysis of the administration of customs revenues in the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Republic of Kyrgyzstan, the Republic of Armenia, general features of the mechanism of customs revenue administration in the EAEU basically and also features specific to each state were defined.

The role of customs revenues in the development of foreign economic activity is substantiated. Were systematized the factors, causing threat to the economic security and the factors, that are potential for economic development of foreign economic activity. Was made a conclusion about the need of change the methodological approaches to the administration of customs revenues in the member states of the EAEU.

Key words: the administration of customs revenues, customs duties, federal budget, foreign trade, integration, global economy, ruble rate, customs authorities

REFERENCES

Mantusov V.B. (2017) Osobennosti integratsii Rossiyskoy Federatsii v Evraziyskom ekonomicheskom prostranstve. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. No. 3. S. 6—12. (In Russ).

- Artem'ev A.A. (2010) Administrirovanie tamozhennykh platezhey kak napravlenie nalogovoy politiki: avtoref. diss. ... kand. ekonom. nauk. M., 27 s. (In Russ).
- Berdakov D. (2015) Kyrgyzstan v EAES: chto izmenilos' v strane za god? *Evraziya ekspert*. URL: <http://eurasia.expert/kyrgyzstan-v-eaes-chto-izmenilos-v-strane-za-god/> (accessed: 12.10.2017). (In Russ).
- Chuvatova I.S. (2011) Sovershenstvovanie deyatel'nosti tamozhennykh organov po administrirovaniyu tamozhennykh platezhey v Rossiyskoy Federatsii: avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk. M., 28 s. (In Russ).
- Khapilin S.A. (2015) Razvitie evraziyskoy ekonomicheskoy integratsii na osnove modernizatsii mekhanizma tamozhennogo regulirovaniya: diss. ... d-ra ekon. nauk. Rostov n/D., 52 s. (In Russ).
- Kinyakin M.V. (2012) Tamozhennoe administrirovanie kak institut integratsii Rossii v mirovuyu ekonomiku: avtoref. diss. ... kand. ekonom. nauk. Rostov n/D., 28 s. (In Russ).
- Makrusev V.V. (2015) Razvitie tamozhennogo instituta kak sistemy tamozhennykh uslug. *Vestnik MGOU. Seriya: Ekonomika*. No. 1 S. 36—43. (In Russ).
- Nemirova G.I. (2014) Sistemnyy podkhod k upravleniyu finansovym obespecheniem Rossii v usloviyakh tamozhennoy integratsii. *Sovremennye problemy global'noy ekonomiki: ot torzhestva idey liberalizma k novoy «staroy» ekonomicheskoy nauke: Materialy mezhdunar. nauchnoy konferentsii / pod red. R.M. Nureeva, M.L. Al'pidovskoy*. M.: Finansovyy universitet. S. 51—54. (In Russ).
- Polozhentsev M.S. (2013) Analiz praktiki prognozirovaniya dokhodov, administriruemykh tamozhennymi organami. *Vestnik Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. No. 2. S. 75—80. (In Russ).
- Prushchak S.F. (2007) Innovatsionnoe razvitie tamozhennogo administrirovaniya: avtoref. diss. ... d-ra ekonom. nauk. M., 40 s. (In Russ).

Article history:

Received: 16 October 2017

Revised: 29 November 2017

Accepted: 27 December 2017

For citation:

Nemirova G.I. (2017) Features of customs revenue administration in the Eurasian Economic Union. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 475—486. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-475-486

Bio Note:

Nemirova G.I. Dr. Econ. Sci., associate professor, professor of the department of customs operations and customs control Russian Customs Academy. *Contact information:* e-mail: nemirova@bk.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-487-497

УДК 339.16

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ

С.Ю. Ревина

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Сегодня уже сложился новый глобальный рынок, рынок электронной коммерции. Все страны стремятся занять свое место на этом рынке и использовать новые возможности. Электронная коммерция может стать одним из драйверов для оживления розничной торговли, повышения конкурентоспособности, а в конечном счете и развития всей экономики. В данной статье определяются место российской электронной коммерции, тенденции и перспективы ее развития на мировом рынке. В качестве объекта исследования выступает один из секторов электронной коммерции — розничная электронная торговля. Основой для исследования послужили данные независимой некоммерческой организации Ecommerce Foundation, исследовательской компании Data Insight, некоммерческой организации АКИТ.

Россия занимает 10 место в мире и 4 место в Европе по обороту электронной коммерции. Наблюдаются тенденции дальнейшего роста, но нужно обратить внимание на все еще имеющееся цифровое неравенство регионов. Все большее распространение во всех странах получила трансграничная электронная торговля. В России количество покупок из-за рубежа растет очень быстрыми темпами. В то же время продажи за рубеж находятся на низком уровне. Автором отмечено, что, хотя в последние 2 года наблюдается некоторый спад в темпах роста, перспективы и возможности российской электронной торговли на мировом рынке очень хорошие.

Ключевые слова: электронная коммерция, электронная розничная торговля, интернет-торговля, интернет-покупатель, трансграничная торговля

Введение

В последние десятилетия сформировался новый тип экономики, которую называют информационной и глобальной. Эта экономика зависит от способности генерировать, обрабатывать и использовать информацию, а основные виды экономической деятельности организуются в глобальном масштабе (Кастельс М., 2000). Современный этап развития человечества все чаще называют цифровой эрой. Практически все страны создали программы для перехода к цифровой экономике. В Российской Федерации в 2017 г. принята программа «Развитие цифровой экономики в России». Электронная торговля товарами и услугами является неотъемлемой частью цифровой экономики и по некоторым оценкам ее доля составляет 36%.

Несмотря на трудности, связанные с экономическими и политическими проблемами в РФ объем электронной коммерции растет. Границы электронного рын-

ка во многом достаточно условны и при хорошо налаженном сервисе доставки и оплаты товаров интернет-пользователи могут делать покупки в других странах также просто, как и в своих. Это особенно важно для стран, граничащих друг с другом, стран со сходной культурой или использующих один язык.

Обзор литературы

Электронная коммерция включает в себя электронную торговлю, электронные системы оплаты, интернет-банкинг, интернет-трейдинг, интернет-страхование, юридические услуги, медицинские услуги, и многое другое. В последнее десятилетие она развивается во всем мире быстрыми темпами. Это связано с улучшением и развитием инфраструктуры и, как следствие, с большим доступом к сети Интернет, дальнейшей компьютеризацией, распространением технологий, повышением компьютерной грамотности населения (Ревина С.Ю., Лазанюк И.В., 2014). Правительства многих стран разрабатывают меры по распространению компьютерной грамотности и общего содействия распространению ИКТ с тем, чтобы предоставить каждому гражданину независимо от места жительства возможности участвовать в глобальном «информационном обществе» (Швецов А.Н., 2012). Вовлечение граждан в такое общество ведет к росту социального и материального благополучия, в том числе и через доступность электронной коммерции. К основным тенденциям развития электронной коммерции в РФ относятся: увеличение спроса на товары зарубежных интернет-магазинов, рост онлайн-кредитования, активное использование электронных платежных систем, рост количества интернет-магазинов. Но также наблюдаются и региональные диспропорции (Гаврилов Л.П., 2017). Тем не менее, можно с уверенностью говорить, что доступность Интернета в регионах России увеличивается, а цифровой разрыв сокращается (Швецов А.Н., 2012).

Методы исследования и источники информации

В данной работе в качестве объекта исследования рассматривается сектор электронной коммерции B2C (business-to-consumer), т.е. электронная розничная торговля России. Предметом исследования стали ее перспективы и тенденции развития на мировом рынке. В процессе исследования использовался метод сравнительного анализа статистических данных. Основой для исследования послужили данные независимой некоммерческой организации Ecommerce Foundation, исследовательской компании Data Insight, некоммерческой организации АКИТ (ассоциация компаний интернет-торговли). Статистические данные были собраны в рамках экспертных оценок и анализа внутренних данных компаний — участников интернет-рынка.

Результаты

Развитие электронной коммерции тесно связано с количеством пользователей сети Интернет. К середине 2017 г. оно превысило 3,8 млрд человек (51,7% населения планеты)¹. Таким образом уже создан гигантский рынок, практически не

¹ Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm/> (accessed: 12.06.2016).

имеющий границ. Доступ к этому рынку, который не имеет визовых ограничений и работает 24 часа 7 дней в неделю, несмотря на разницу в часовых поясах, имеет более половины жителей планеты. При этом 49,7% пользователей сети проживают в азиатском регионе (рис. 1). Такой перевес объясняется демографической ситуацией в мире.

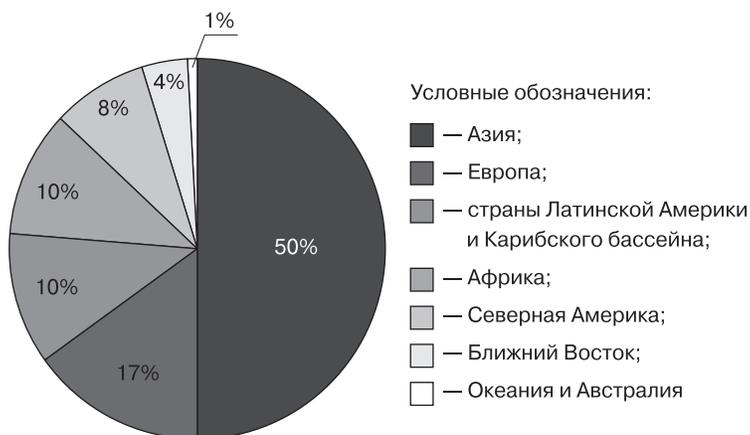

Рис. 1. Распределение интернет-пользователей
[Fig. 1. Internet Users in the World]

Источник: построено по данным Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm/> (дата обращения: 12.06.2016).

Для оценки уровня вовлеченности жителей стран в использование сети, более нагляден показатель проникновения Интернета (процент пользователей от всего населения). К середине 2017 г. этот показатель составил в Европе 80,2%, Северной Америке — 88,1%, Азии — 46,7%, Африке — 31,2%, Латинской Америке и странах Карибского бассейна — 62,4%, Ближнем Востоке — 58,7% и Австралии и Океании — 69,6%¹. Таким образом, видно, что распределение пользователей сети по странам и континентам неравномерно. Азия, хотя и является лидером по количеству пользователей, по проникновению Интернета находится на предпоследнем месте. Безусловный лидер — Северная Америка, а аутсайдер — Африка. Это объясняется уровнем развития этих регионов и, как следствие, развитием инфраструктуры, доступностью электронных устройств, обеспеченностью и образованностью населения и др.

Проникновение Интернета в европейских странах тоже неравномерно. В первой десятке стран присутствуют все скандинавские страны. В Исландии, Люксембурге, Нидерландах этот показатель составляет 98%, Дании и Норвегии — 97%, Финляндии и Великобритании — 93%. Страны аутсайдеры в основном располагаются на юге и востоке Европы. Так, в Турции проникновение Интернета в 2017 г. — 69,6%, Болгарии — 59,8%, Украине — 52,5%².

¹ Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm/> (accessed: 12.06.2016).

² Там же.

Пользователи сети заходят в Интернет с различными целями: прочитать новости, найти необходимую информацию, проверить почту, но, можно с уверенностью говорить, что с течением времени интересы пользователей расширяются и они становятся потребителями услуг, предлагаемыми различными видами бизнеса в Интернете на рынке электронной коммерции. Для оценки развития розничной электронной торговли существуют различные рейтинги. Консалтинговая компания А.Т. Kearney публикует индекс глобальной розничной электронной коммерции¹. В нем определены лучшие страны с точки зрения эффективности электронной торговли. Оценка проводится по четырем критериям: размер онлайн-рынка, поведение потребителей, потенциал роста и инфраструктура. По итогам 2015 г. лидер в данном рейтинге — США (табл. 1).

Таблица 1

**Индекс глобальной розничной электронной коммерции
[The Global Retail E-Commerce Index]**

Ранг	Страна	Размер онлайн-рынка (40%)	Поведение потребителей (20%)	Потенциал роста (20%)	Инфраструктура (20%)	Привлекательность онлайн-рынка (100%)
1	США	100,0	83,2	22,0	91,5	79,3
2	Китай	100,0	59,4	86,1	43,6	77,8
3	Великобритания	87,9	98,6	11,3	86,4	74,4
4	Япония	77,6	87,8	10,1	97,7	70,1
5	Германия	63,9	92,6	29,5	83,1	66,6
6	Франция	51,9	89,5	21,0	82,1	59,3
7	Южная Корея	44,9	98,4	11,3	95,0	58,9
8	Россия	29,6	66,4	51,8	66,2	48,7
9	Бельгия	8,3	82,0	48,3	81,1	45,6
10	Австралия	11,9	80,8	28,6	84,8	43,6

Источник: The Global Retail E-Commerce Index, A.T. Kearney, 2015. URL: <http://www.atkearney.com/> (дата обращения: 11.06.2017).

Потенциал России в данном рейтинге довольно высок. Развитию электронной коммерции способствуют и распространение смартфонов и планшетов. В России мобильные покупки составляют 15% от всех интернет-покупок. Многие компании уже создали, или собираются создать в ближайшем будущем мобильные приложения, позволяющие совершать покупки или пользоваться их услугами прямо с экранов мобильных устройств.

В рассмотренном рейтинге США расположились на первом месте, потеснив Китай, но по обороту электронной коммерции Китай занимает безусловное первое место (табл. 2).

Экономическое значение розничной торговли оценивается его долей в валовом внутреннем продукте (ВВП). Доля электронной торговли в глобальном ВВП ежегодно увеличивается (рис. 2).

¹ The Global Retail E-Commerce Index. 2015, A.T. Kearney Inc. URL: <http://www.atkearney.com/> (accessed: 11.06.2017).

Топ-10 стран по продажам в электронной розничной торговле
[Top 10 Countries B2C E-commerce Sales]

Страна	Оборот электронной розничной торговли B2C e-commerce turnover, млрд долл.	Доля в мировой электронной коммерции, %
Китай	766,5	33,7
США	595,1	26,2
Великобритания	174,2	7,7
Япония	114,4	5,0
Франция	71,9	3,2
Германия	66,2	2,9
Южная Корея	64,8	2,8
Канада	35,7	1,6
Индия	25,5	1,1
Россия	22,8	1,0
Остальной мир		14,8

Источник: Ecommerce Foundation, 2016. URL: <http://www.ecommercefoundation.org> (дата обращения: 11.06.2017).

Рис. 2. Оборот глобальной электронной торговли и доля в ВВП, 2011—2015
[Fig. 2. Global e-commerce turnover and eGDP, 2011—2015]

Источник: Ecommerce Foundation, 2016. URL: <http://www.ecommercefoundation.org> (дата обращения: 11.06.2017).

На сегодняшний день четыре страны имеют долю электронной торговли в ВВП выше, чем среднемировая (3,11%): Китай — 7,05%, Великобритания — 6,12%, Южная Корея — 4,7% и США — 3,32%. В России доля электронной торговли в ВВП составляет 1,84%, что почти в 2 раза меньше среднемировой¹.

Как видно, вклад электронной торговли в общий объем розничного сектора не очень велик, хотя и варьируется для разных стран. Приведенные (табл. 2) данные показывают, что разрыв между первым и десятым местом очень большой.

¹ Ecommerce Foundation, 2016. URL: <http://www.ecommercefoundation.org> (дата обращения: 11.06.2017).

При этом в мировом рейтинге по обороту электронной коммерции Россия занимает 10 место. На ее долю приходится 1% глобальной электронной розничной торговли.

На объемы электронной розничной торговли, также, как и традиционной, влияют различные факторы, в том числе покупательская способность населения. В условиях кризиса и санкций в РФ наблюдается снижение этого показателя и, как следствие, замедление роста розничной торговли. Индекс потребительского доверия последние годы принимает отрицательные значения. Именно сейчас, электронная коммерция может стать одним из драйверов для оживления торговли, причем как внутренней, так и внешней.

Для развития электронной торговли важно не только количество интернет-пользователей, а количество интернет-покупателей, а также их качество. Основными показателями качества интернет-покупателей являются средние онлайн расходы и частота совершаемых покупок. Всего в мире насчитывается около 1,5 млрд интернет-покупателей. По количеству интернет-покупателей Россия занимает 21 место среди европейских стран. При этом надо отметить, что 71% населения страны пользователи Интернета, но только примерно 25% совершает покупки в Интернете. Такой разрыв показывает, с одной стороны, недоверие российских пользователей к электронной коммерции, но, с другой стороны, открывает новые перспективы и большие возможности для роста.

Средние расходы одного интернет-покупателя в мире составляет 1582 долл. США. Самое большое количество интернет-покупателей проживает в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а их средние расходы составляют 1486 долл. США. Наибольшие траты в сети Интернет приходятся на Северную Америку — 3099 долл. США, почти в 2 раза выше среднего. Средний расход европейского интернет-покупателя составляет 1708 долл. США. Наиболее щедрыми интернет-покупателями являются жители Великобритании. Средний расход жителя Великобритании на покупки в сети составил в 2015 г. 4018 долл. США, на втором месте идут США — 3428 долл. США. Средний чек интернет-покупателя из России значительно меньше, чем мировой и европейский. В 2015 году он был всего 685 долл. США¹.

Средняя частота покупок российских пользователей составляет 7,7 покупок в год. Отметим, что всего 5% наиболее часто покупающих пользователей обеспечивают 30% всех заказов². По мнению автора, эти показатели в России будут увеличиваться быстрыми темпами. Одной из причин служит ежегодный рост количества пользователей Интернета, причем пользователи молодого возраста включаются в интернет-коммерцию практически сразу. Обращение с персональными компьютерами, смартфонами, планшетами, интернет-приложениями не вызывает у них никаких затруднений, а представляется абсолютно естественным процессом. Как было сказано ранее, только каждый четвертый российский интернет-пользователь сегодня совершает покупки в Интернете. Но, можно утверждать, что, приобретая опыт, пользователи начинают более уверенно использовать нов-

¹ Ecommerce Foundation, 2016. URL: <http://www.ecommercefoundation.org> (дата обращения: 11.06.2017).

² The Research Agency Data Insight. URL: <http://www.datainsight.ru/> (дата обращения: 11.06.2017).

шества, предлагаемые им интернет-компаниями и вовлекаются в электронную коммерцию. Конечно нельзя не отметить, что на сумму среднего чека оказывает влияние также и экономическая ситуация в стране.

Если говорить о европейском рынке электронной коммерции, то на сегодняшний день лидирующую позицию здесь занимает Великобритания. Россия расположилась на 4 месте после Великобритании, Германии и Франции.

Но, надо отметить, что, хотя российская электронная торговля и показывает рост, за 2015 г. он составил всего 6,6%, что значительно меньше, чем в большинстве ведущих европейских стран, и меньше чем в предыдущем году. Средний рост электронной розничной торговли в Европе в 2015 г. составил 13,3%¹.

Так как проникновение Интернета в большинстве развитых стран уже довольно велико, то ожидать увеличения оборотов электронной торговли только за счет увеличения количества пользователей невозможно. В данном случае нужно делать упор уже не на вовлечение новых пользователей, а на увеличение их лояльности к покупкам в Интернете, повышению доверия к платежам, системам доставки и сервисным услугам.

Покупатели в основном стремятся найти в Интернете товар, который отсутствует в традиционных магазинах, лучшее качество товара или лучшую цену на товар. И здесь локальные интернет-магазины вступают в конкурентную борьбу с зарубежными.

Трансграничная электронная коммерция завоевывает все большую долю во всем мире. Так, в США покупки с зарубежных интернет-сайтов составляют 47%, Великобритании — 38%, Китае — 31%, Канаде — 17%, Австралии — 16%, Германии — 13% России — 15%².

Объем импорта товаров из-за рубежа российскими пользователями за первое полугодие 2017 г. увеличился на 34%. Количество входящих международных отправок с товарным вложением выросло на 49%; 90% всех посылок, получаемых из интернет-магазинов, поступают из Китая, но при этом только 52% трат в зарубежных интернет-магазинах приходится на китайские³.

Безусловно, основная причина этого явления — лучшая цена: средний чек российского покупателя на локальном рынке в первом полугодии 2017 г. составил 5370 руб., а на трансграничном — 3400 руб. Таким образом, на локальном рынке российская электронная коммерция проигрывает трансграничной. Но ситуация может измениться в ближайшее время, так как зарубежные интернет-магазины должны будут регистрироваться в качестве налоговых агентов. Такое решение уже принято правительством РФ. Еще одно ограничение готовит основная служба по доставке почтовых отправок «Почта России». Недавно было объявлено, что будут изменены тарифы на доставку товаров из зарубежных интернет-магазинов. Это может привести к увеличению цен в зарубежных интернет-магазинах, и, как

¹ Ecommerce Foundation, 2016. URL: <http://www.ecommercefoundation.org> (дата обращения: 11.06.2017).

² Там же.

³ The Association of Internet Trade Companies (AITC). URL: <http://www.akit.ru/> (дата обращения: 11.06.2017).

следствие, снижению доли трансграничных покупок и росту покупок на внутреннем рынке.

Если говорить о роли России на мировом рынке электронной коммерции как экспортера товаров и услуг, то ситуация на сегодняшний день откровенно плохая. Вклад российских интернет-компаний в экспорт не велик и не соответствует существующим возможностям. Объем интернет-экспорта из России материальных товаров в 2016 г. составил 430 млн долл. США, средний чек 55 долл. США, а количество отправок — 7,9 млн. 32% посылок было отправлено в страны СНГ (из них: 43% в Беларусь, 38% в Казахстан, 20% в Украину) и 68% в Европу и страны дальнего зарубежья (из них: 25% в США, 8% в Германию, 7% в Великобританию, 5% в Израиль, 4% в Китай, по 3% во Францию и Канаду)¹.

Для привлечения зарубежных покупателей на российский рынок электронной торговли необходимо учесть несколько факторов. Во-первых, это конкурентоспособность товаров по цене и качеству. На сегодняшний день таких категорий товаров в России единицы. По мнению автора, большой потенциал имеют стандартные товары, например, книги, музыка, программное обеспечение и др. Хорошие перспективы на трансграничном рынке имеют оригинальные и коллекционные товары. Во-вторых, это возможности для оплаты через веб-сайт. Здесь необходимо отметить, что ситуация улучшается. Многие интернет-магазины уже принимают оплату по кредитным и дебетовым картам, а также постепенно распространяется система PayPal. Также нужно отметить, что в некоторых странах бывшего СССР имеют хождение российские электронные деньги Яндекс и WebMoney. Третьим фактором, влияющим на трансграничную торговлю, является логистика. Проблемы доставки товаров часто становятся причиной отказа от покупок онлайн как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Несмотря на улучшение работы «Почты России», доверие к ней все еще не велико. Время доставки товаров «Почтой России» существенно выше, чем у большинства иностранных логистических компаний. Четвертый фактор, который становится основным при позиционировании товаров на внешнем рынке и поиске необходимых товаров интернет-пользователями, служит язык общения. На сегодняшний день самый распространенный язык — английский. Далее идут китайский и испанский языки. Российский язык занимает только 7 место. А именно на русском языке представлена большая часть российских электронных магазинов. Таким образом, потенциальная аудитория для них ограничивается внутренним рынком, странами постсоветского пространства и странами, в которых существуют большие российские диаспоры, например, США и Израиль. Еще одним сдерживающим фактором являются таможенные проблемы и экспортные ограничения.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что оборот электронной коммерции неуклонно растет как в мире, так и в России. Но темпы роста за последние годы упали.

¹ Розничный экспорт товаров через интернет. URL: <http://www.datainsight.ru/EbayCrossborder2017> (дата обращения: 11.06.2017).

Это в большей мере связано с политической и экономической ситуацией в стране. Российские покупатели хоть и делают покупки в Интернете, но тратят на них значительно меньше, чем покупатели из развитых стран.

Тем не менее, перспективы на этом рынке достаточны хороши. Рост оборотов электронной торговли будет осуществляться за счет увеличения количества пользователей, вовлечении в электронную торговлю молодого поколения, которое более смело обращается с электронными устройствами и интернет-покупками, а также за счет роста мобильной коммерции. Увеличение доли мобильной коммерции — одна из основных тенденций развития электронной коммерции. Например, в России, 13% всего интернет-трафика приходится на мобильные устройства. При этом все более часто смартфоны и планшеты используются для заказа товаров и услуг в Интернете.

Еще одна глобальная тенденция — увеличение трансграничной торговли. Для РФ трансграничная электронная торговля имеет важное значение. Этому вопросу сегодня уделяется большое внимание и на государственном уровне. Разработаны программы для поддержки экспортного потенциала малого и среднего бизнеса. Для компаний малого бизнеса электронная коммерция может дать рывок для выхода и закрепления на внешнем рынке. Российским интернет-магазинам необходимо занять свою нишу на этом рынке. Им следует обратить внимание на возможности роста электронной коммерции за счет выхода на рынки соседних стран, стран постсоветского пространства и стран с большой долей русскоговорящего населения. В странах Таможенного союза и Евразийский экономический союз уже решены вопросы, связанные с таможенными и экспортными пошлинами, что предоставляет новые возможности. Еще одним перспективным направлением для российского интернет-бизнеса являются страны БРИКС.

Развитие электронной торговли способствует росту несырьевого экспорта и может стать одним из драйверов оживления розничной торговли, повышения конкурентоспособности, а в конечном счете и развития российской экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- Ревина С.Ю., Лазанюк И.В.* Перспективы развития электронной коммерции в регионах РФ. Модернизация и инновационное развитие экономических систем: коллективная монография / под ред. В.М. Матюшка. М.: РУДН, 2014. С. 455—469.
- Швецов А.Н.* Информационное общество: теория и практика становления в мире и в России. М.: КРАСАНД, 2012. 208 с.
- Гаврилов Л.П.* Электронная коммерция. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 363 с.
- Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm/> (дата обращения: 11.06.2017).
- The Global Retail E-Commerce Index. 2015, A.T. Kearney Inc. URL: <http://www.atkearney.com/> (дата обращения: 11.06.2017).
- The Research Agency Data Insight. URL: <http://www.datainsight.ru/> (дата обращения: 11.06.2017).

© Ревина С.Ю., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 октября 2017

Дата принятия к печати: 25 декабря 2017

Для цитирования:

Ревина С.Ю. Тенденции и перспективы российской электронной коммерции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 4. С. 487—497. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-487-497

Сведения об авторе:

Ревина Светлана Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: revinova_syu@pfur.ru

RUSSIAN E-COMMERCE TRENDS AND PROSPECTS

S.Yu. Revinova

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. Today the global e-commerce market has already. All countries aim to take their place in this market and to use new opportunities. E-commerce can be one of the drivers of a retail revival, competitiveness increase, and eventually, development of all economy. In this article, the place of the Russian electronic commerce, its trends and the prospects of its development in the world market are defined. Retail electronic trading has been chosen as an object of a research. The data from the Ecommerce Foundation, The Data Insight, The Association of Internet Trade Companies (AITC) and other open sources have formed the base for research.

Regarding the e-commerce turnover, Russia ranks 10th in the world and 4th in Europe. Russia has good prospects for growth of electronic commerce, but it is necessary to pay attention to digital inequality of regions still exist. Cross-border e-commerce has spread more and more in all countries. In Russia, the number of purchases from abroad is rapidly increasing. At the same time, export through e-commerce is at the low level. We note that, although during last two years there is a decline in the growth, prospects and possibilities of the Russian e-commerce in the world market are quite positive. Russian e-commerce has solid opportunities to increase its share in the global market.

Key words: e-commerce, electronic retail, Internet commerce, Internet buyer, cross-border trade

REFERENCES

- Castells M. *Informatsionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo, kultura*. Pod red. O.I. Shkaratana. M.: GU VShE, 2000.
- Gavrilov L.P. *Elektronnaya kommertsiya*. M.: Izdatelstvo Yurayt, 2017.
- Internet World Stats. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm/> (accessed: 11.06.2017).
- Revinova S.Yu., Lazanyuk I.V. *Perspektivy razvitiya elektronnoy kommertsii v regionah RF. [E-commerce in the regions of the Russian Federation (features and prospects)]. Modernizatsiya i innovatsionnoe razvitiye ekonomicheskikh sistem: kollektivnaya monografiya*. Pod red. V.M. Matyushka. M.: RUDN, 2014. S. 455—469.

Shvetsov A.N. «Informatsionnoe obschestvo»: Teoriya i praktika stanovleniya v mire i v Rossii. M.: KRASAND, 2012.

The Global Retail E-Commerce Index. 2015, A.T. Kearney Inc. URL: <http://www.atkearney.com/> (accessed: 11.06.2017).

The Research Agency Data Insight. URL: <http://www.datainsight.ru/> (accessed: 11.06.2017).

Article history:

Received: 10 October 2017

Revised: 27 November 2017

Accepted: 25 December 2017

Revinova S.Yu. (2017) Russian e-commerce trends and prospects. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 487—497. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-487-497

Bio Note:

Revinova S.Yu. Cand. Econ. Sci., Associate Professor of the Department of Economic and Mathematical Modeling of the Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation. *Contact information:* e-mail: revinova_syu@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-498-509

УДК 339.56.055

РОЛЬ И МЕСТО СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБМЕНЕ ТОВАРОВ И УСЛУГ

С.А. Ушанов

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассматривается положение Соединенных Штатов Америки (США) в системе международного обмена товарами и услугами. Рассматривается трансформация лидеров мировой торговли, характеризующая тенденции в направлении нарастания конкурентных преимуществ со стороны развивающихся экономик, в частности, Китайской Народной Республики (КНР), вошедшей в тройку лидеров по экспорту товаров в 2004 г., и уверенно занимающая первое место с 2009 г. Уделяется значительное внимание товарной структуре американской внешней торговли, характерной чертой которой является превалирование промышленных и капитальных товаров, а также доминирование в структуре туристических и образовательных услуг. Автор проводит достаточно детальное и подробное исследование структуры внешней торговли первой экономики мира. Выявлено, что характерная черта географии внешней торговли США — превалирование развитых экономик в ее структуре (Канада, ЕС, Япония). Среди развивающихся экономик особое место занимают Китай и Мексика.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, товары, конъюнктура, США, география торговли, услуги, сальдо, международная торговля

Введение

Международный обмен товарами и услугами является одним из видов международных экономических отношений. Соединенные Штаты входят в тройку лидеров по экспорту и импорту торговли товарами и услугами. Основной конкурент США — КНР, которая делит с США лидирующие позиции не только в рамках торговли, но и по объему ВВП. Участие в интеграционной группировке (НАФТА), позволяет США занимать доминирующее положение в рамках целого континента. Однако еще более претенциозному членство Штатов в Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) и Транстихоокеанском партнерстве (ТТП) не суждено сбыться: в начале 2017 г. США вышли из состава ТТП, а переговоры по ТТИП отложены на неопределенный период.

Обзор литературы

Вопросы внешней и внутренней политики США, а также развития стран мира представлены в исследованиях отечественных ученых Института США и Канады РАН Давыдова А.Ю. (Давыдов А.Ю., 2014), Рогова С.М. (Рогов С.М., 2015), Су-

пьян Б.В. (Супян Б.В., 2015). Ряд работ ученых Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) также посвящен экономике США, и особенностям участия Штатов в международных экономических отношениях Спартак А.Н. (Спартак А.Н., 2016), Супян В.Б. (Супян В.Б., 2015). Вопросам международной торговли, роли в ней США, и особенностям создания «мега» интеграционных группировок (ТТП, ТТИП) посвящены работы Федакиной Л.Н. (Федакина Л.Н., 2010), Яковлева П.П. (Яковлев П.П., 2016).

Среди зарубежных исследователей, чьи работы посвящены экономике США, участию страны в международных экономических отношениях и интеграционных группировках, следует выделить Г. Киссинджера (Киссинджер Г., 2012), К.Ф. Бергстена (Бергстен К.Ф., 1996), У.М. Морисона (Моррисон У.М., 2017) и др.

Методы и подходы

Объемы экспорта, импорта, торговый оборот и торговое сальдо, география и структура торговли товарами и услугами являются характеризующими показателями как в масштабах международного обмена товарами и услугами, так и в отношении экономических отношений между субъектами. США входят в первую тройку мировых лидеров торговли товарами и коммерческими услугами. В связи с чем, выявление сильных и слабых сторон внешней торговли США представляется актуальным. Для выявления особенностей внешней торговли США товарами и услугами были применены методы анализа, синтеза и индукции.

Место США в международной торговле

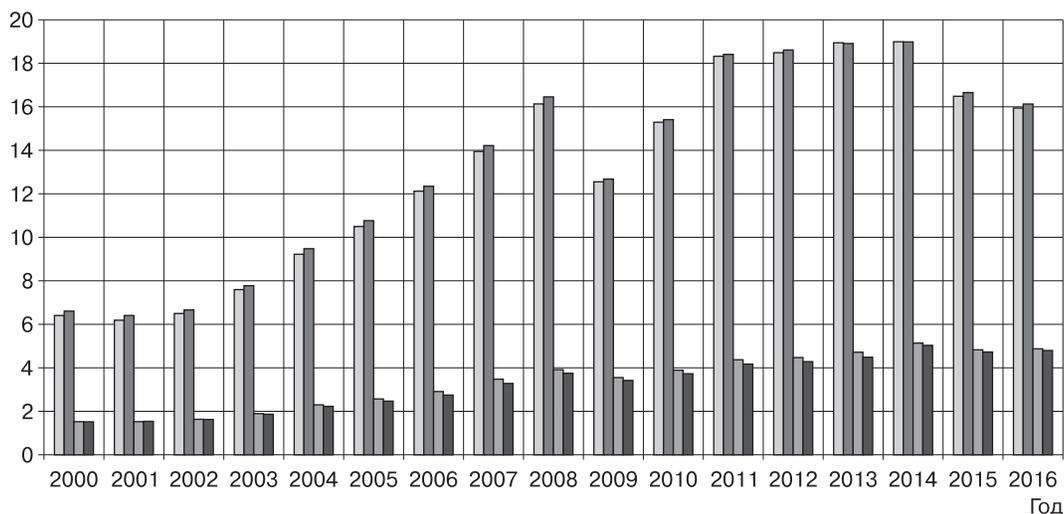
Международный обмен товарами и услугами тесно взаимосвязан с другими видами международных отношений. Международная торговля — наиболее развитая форма международных экономических отношений (МЭО), чья роль в качестве фактора, обеспечивающего экономический рост, возросла. Важная особенность мировой торговли заключается в росте ее объемов, несмотря на сокращение значений ключевых показателей по данным 2015 и 2016 гг. В целом же, после финансово-экономического кризиса динамика придерживается направления роста (рисунок).

Одновременно со значительным ростом показателей мировой торговли с начала 2000-х гг. меняется тройка лидеров, как по экспорту, так и по импорту товаров и коммерческих услуг. В 2004 г. в тройку лидеров по экспорту товаров впервые вошел Китай, тогда как первое место занимала Германия, второе — США. В 2007 г. Китай занял уже вторую позицию. С 2009 г. Китай занимает первое место в качестве мирового экспортера товаров¹.

По данным Всемирной торговой организации (ВТО) мировыми лидерами торговли товарами по экспорту в 2016 г. были КНР (13,2% от мирового экспорта товаров), США — 9,1%, Германия — 8,4%; по импорту — США (13,9% от мирового импорта товаров), КНР — 9,8%, Германия — 6,5%.

¹ Всемирная торговая организация, International Trade Statistic, 2005, 2007, 2010. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its_e.htm (дата обращения: 26.09.17).

Млн долл. США

Условные обозначения:

- — объем экспорта товаров; ■ — объем импорта товаров;
 □ — объем экспорта услуг; ■ — объем импорта услуг;

Рисунок. Динамика мирового экспорта и импорта товарами и услугами с 2000 по 2016 гг.
 [Figure. Trends of the world export and import of goods and services from 2000 to 2016]

Источник: составлено автором на основе данных ЮНКТАД, Data Center, Статистика международной торговли товарами и услугами с 2000 по 2016 гг. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/TableViewer/tableView.aspx> (дата обращения: 10.10.2017).

География лидеров мировой торговли коммерческими услугами в относительной степени повторяет географию мировой торговли товарами: лидерами торговли услугами по экспорту — США (15,2%); Великобритания (6,7%), Германия (5,6%).

География лидеров по импорту услуг совпадает с географией лидеров по импорту товаров: США (10,3%), КНР (9,6%), Германия (6,6%)¹.

Тройка лидеров как по торговле товарами, так и услугами практически неизменна: США присутствуют в каждой из позиций; позиция Германии носит постоянный характер, поскольку стран занимает третье место и по торговле товарами, и по торговле услугами; Китай не вошел только в тройку по экспорту коммерческих услуг.

Главные движущие силы роста объемов внешней торговли США — технический прогресс, государственная экономическая политика, направленная на либерализацию торговли и деятельность ТНК за рубежом, тесно взаимосвязанная с прямыми иностранными инвестициями (Супян В.Б., 2015). Благодаря активной экспансионистской политике американских компаний на внешних рынках к началу XXI в. Соединенные Штаты Америки заняли ведущее положение в мире и продолжают удерживать эти позиции несмотря на растущую конкуренцию со стороны развивающихся стран (Лебедева Л.Ф., 2017).

¹ Всемирная торговая организация World trade statistics review — 2017. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2017_e/wts2017_e.pdf (дата обращения: 26.09.17).

Экспортно-импортная деятельность служит для США основополагающим элементом в системе внешнеэкономических связей. По данным Бюро экономического анализа США в 2016 г. объем экспорта товаров составил 1455 млрд долл. США, что на 55 млрд долл. США меньше, чем в 2015 г. Объем импорта товаров в 2016 г. составил 2208 млрд долл. США (на 64 млрд долл. США меньше, чем в 2015 г.).

Объем экспорта услуг США по итогам 2016 г. составил 752 млрд долл. США (на 782 млн долл. США меньше, чем в 2015 г.), объем импорта услуг — 504 млрд долл. США (на 12 млрд долл. США больше, чем в 2015 г.)¹.

С 2000 по 2016 гг. объем внешней торговли США рос в целом стабильными и прогнозируемыми темпами — 10% в год за период с 2000 по 2009 и около 2,5—4,5% с 2010 по 2016 гг. Такое значительно сокращение темпов роста объемов американской торговли взаимосвязано с финансово-экономическим кризисом 2008—2009 гг.

В абсолютном выражении объем экспорта США с 2000 по 2016 гг. увеличился в 1,8 раза (с 781 млрд долл. США до 1,455 трлн долл. США), объем импорта товаров увеличился в 1,75 раза (с 1,257 трлн долл. США до 2,208 трлн долл. США). За тот же период объем экспорта услуг увеличился более чем в 2,7 раза (с 274 млрд долл. США до 752 млрд долл. США), импорта — увеличился в 2,5 раза (с 198 млрд долл. США до 504 млрд долл. США)².

Анализ объема внешней торговли США выявил, что характерной чертой американской торговли является существенное превалирование импорта над экспортом на протяжении десятков лет (с 1970-х гг.).

Структура внешней торговли США

Анализ товарной структуры американского экспорта (табл. 1) показывает превалирование не сырьевой продукции над экспортом нефти (1,3 трлн долл. США против 88 млрд долл. США): 27,5% приходится на промышленную продукцию, 36,9% — на капитальные товары, 13,6% — на потребительские товары, 10% — средства передвижения, автомобили, 8,3% — на продукты питания, напитки, 4,1% — на другие товары.

В товарной структуре импорта США (табл. 2) также превалирует не сырьевая продукция (2 трлн долл. США против 146 млрд долл. США): 29,6% приходится на капитальные товары, 22,2% — на промышленную продукцию, 26,2% — на потребительские товары, 15,8% — на средства передвижения и автомобили, 4,7% — на продукты питания и напитки, 4,1% — на другие товары.

Анализ товарной структуры *экспорта США* свидетельствует о доминировании двух товарных групп: капитальных товаров и промышленных товаров. Третью позицию в экспорте занимают потребительские товары.

¹ Бюро экономического анализа США, Статистика внешней торговли США. Таблицы. URL: <https://www.bea.gov/newsreleases/international/trade/tradnewsrelease.htm>. (дата обращения: 01.10.2017).

² Всемирная торговая организация. International trade statistics 2001. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2001_e/appx_e.pdf, (дата обращения: 15.10.2017).

Таблица 1

**Товарная структура американского экспорта с 2000 по 2016 гг. (млрд долл. США)
[Structure of the American export since 2000 to 2016. (bln. doll. \$)]**

	Экспорт всего	Продукты питания, корма, напитки	Промыш- ленные товары	Капитальные товары	Автомо- бильный транспорт	Потребительские товары	Другие товары
2000	781,9	47,8	172,6	356,9	80,356	89,3	34,7
2005	901,0	58,9	233,0	358,4	98,406	115,2	36,9
2010	1278	107,7	391,6	447,5	112,008	165,2	54,3
2011	1482	126,2	501,0	493,9	133,036	175,3	52,8
2012	1545	133,0	501,1	527,1	146,158	181,6	56,5
2013	1578	136,1	508,0	534,1	152,670	189,1	58,2
2014	1620	143,7	505,1	551,0	159,690	198,9	62,0
2015	890,0	75,6	259,2	316,1	88,015	115,6	35,2
2016	1454	130,7	397,7	519,3	149,978	193,6	63,1

Источник: составлено автором на основе данных Бюро переписи США, United States Census. Foreign Trade. 2015 URL: <http://web.archive.org/web/20150906122656/https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/historical/SAEXP.pdf> (дата обращения: 10.10.2017); Бюро экономического анализа США. U.S. International trade in goods and services, March 2017. URL: <https://www.bea.gov/newsreleases/international/trade/2017/pdf/trad0317.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).

С 2000 по 2016 гг. в структуре экспорта США не произошло значимых изменений в том смысле, что все указанные товарные группы по объему придерживались «своих ниш» в порядке убывания: капитальные товары, промышленные товары, потребительские товары, автомобильный транспорт, продукты питания, корма и напитки, другие товары.

Соотношение товарных позиций в структуре экспорта США претерпело существенные изменения: доля продуктов питания, напитков и кормов изменилась незначительно, увеличившись с 6 до 9%.

Доля промышленной продукции за 16 лет претерпела значительные колебания, увеличившись с 22 до 27%, тогда как в 2011 г. доля данной товарной группы составила 34%. Значительное изменение претерпела товарная группа капитальные товары, доля которой сократилась с 46 до 36%. Доля автомобильного транспорта сохранила свои позиции и осталась на уровне 10%. Доля потребительских товаров изменилась незначительно за 16 лет, увеличившись с 11 до 13%. Практически неизменными оставались показатели товарной группы «другие товары», доля которых остается на уровне 4%.

Более подробное рассмотрение товарной структуры экспорта США за 2016 г. выявило доминирование товарной группы «Капитальные товары», где преобладает продукция гражданского авиастроения, продукция промышленно машиностроения, полупроводники, электрооборудование, телекоммуникационное оборудование, производство двигателей гражданской авиации, фармацевтическое оборудование¹.

¹ Бюро экономического анализа США, U.S. International trade in goods and services, March 2017. URL: <https://www.bea.gov/newsreleases/international/trade/2017/pdf/trad0317.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).

В структуре второй группы «Промышленные товары» доминируют нефтепродукты, пластиковые материалы, химическая продукция, горючее, готовые металлические изделия¹.

В структуре «потребительских товаров» большая часть приходится на продукцию фармацевтической промышленности, далее следуют мобильные телефоны и другая продукция для домохозяйств, драгоценные камни, туалетные принадлежности и косметические средства. В товарной группе «Продукты питания, напитки и корма» преобладают мясо, домашняя птица, соевые бобы, орехи, фрукты и замороженные сок, кукуруза, корма для животных, рыба и морепродукты².

Таблица 2

Товарная структура американского импорта с 2000 по 2016 гг., млрд долл. США
[Structure of the American import since 2000 to 2016. (bln. doll. \$)]

Год	Импорт всего	Продукты питания, корма, напитки	Промышленные товары	Капитальные товары	Автомобильный транспорт	Потребительские товары	Другие товары
2000	1218	45,9	298,9	347,0	195,8	281,8	48,3
2005	1673	68,1	523,7	379,3	239,4	407,2	55,5
2010	1913	91,7	603,1	449,3	225,1	483,2	61,2
2011	2208	107,4	755,7	510,7	254,6	514,1	65,1
2012	2276	110,2	730,6	548,7	297,7	516,9	71,9
2013	2267	115,1	681,5	555,6	308,8	531,6	75,2
2014	2356	125,8	667,1	594,0	328,6	557,0	83,6
2015	2248	127,8	485,7	602,0	349,1	594,3	89,1
2016	1810	107,9	362,6	489,7	290,4	484,1	75,1

Источник: составлено автором на основе данных Бюро переписи США, United States Census. Foreign Trade. 2016. URL: <http://web.archive.org/web/20161229110251/https://census.gov/foreign-trade/statistics/historical/SAIMP.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

Анализ товарной структуры *импорта США* за 16 лет выявил практически симметричное соотношение 3-х доминирующих товарных позиций: «Капитальные товары», «Потребительские товары», «Промышленные товары». За указанный период доля «Капитальных товаров» со значительными колебаниями сохранила свои позиции, сократившись всего на 1% с 28% в 2000 г. до 27% в 2016 г.

Доля потребительских товаров увеличилась с 23 до 27%, колеблясь в направлении роста в течение 16 лет. Доля промышленных товаров сократилась с 25 до 20%, при этом колебания в рамках показателя по данной товарной позиции были наиболее значительными: в 2008 г. показатель составил 37%, а далее пошел на спад³.

¹ Бюро переписи США, United States Census. Foreign Trade, 2016 <http://web.archive.org/web/20150906122656/https://www.census.gov/foreign-trade/statistics/historical/SAEXP.pdf> (дата обращения 25.09.2017).

² Бюро экономического анализа США, Статистика внешней торговли США. URL: <https://www.bea.gov/newsreleases/international/trade/tradnewsrelease.htm> (дата обращения: 01.10.2017).

³ Бюро переписи США, United States Census. Foreign Trade. 2016. URL: <http://web.archive.org/web/20161229110251/https://census.gov/foreign-trade/statistics/historical/SAIMP> (дата обращения: 04.10.2017).

Доля автомобильного транспорта с колебаниями (+/– 2%) не изменилась за 16 лет, оставшись на уровне 16%.

Доли товарных групп «Продукты питания, корма, напитки» и «Другие товары», практически не изменились. Показатель «Продуктов питания и др.» увеличился за 16 лет с 4 до 6%, в то время как, «Другие продукты» не изменились, оставшись на уровне 4% от общего объема американского импорта¹.

Анализ товарной структуры импорта США выявил следующее: за 2016 г. в структуре товарной группы «Капитальные товары» доминирует телекоммуникационное оборудование, компьютеры, компьютерные аксессуары, полупроводники, продукция промышленного машиностроения, электрооборудование, медицинское оборудование.

В структуре второй укрупненной товарной группы импорта США («Потребительские товары») за 2016 г. доминирует продукция фармацевтической промышленности, а также мобильные телефоны и другие товары для домохозяйств. Далее следуют продукция легкой промышленности, текстиль, не шерстяные изделия и изделия из хлопка, игрушки, развлекательные и обучающие игры, спортивные товары.

В структуре третьей укрупненной товарной группы «Промышленные товары» по итогам 2016 г. превалирует сырая нефть, далее со значительным отставанием идет продукция промышленного сектора, нефтепродукты, продукция органической химии, готовые металлические изделия, пластиковая продукция и материалы, удобрения, немонетарное золото.

В структуре автомобильного транспорта превалировали пассажирские автомобили (новые и уже ранее использованные), части и аксессуары для транспортных средств, грузовики, автобусы, специальные транспортные средства².

США входят в тройку экспортеров и импортеров коммерческих услуг. Анализ структуры экспорта услуг за период за 16 лет обнаруживает, что большая часть приходится на «Туристические услуги, включая образовательные» — на них приходится 27,4% от общего экспорта услуг США в 2016 г. (или 205,9 млрд долл. США). По данным Всемирной туристической организации (UNWTO) США занимают первое место по объему выручки от туристической деятельности, второе место приходится на Испанию, третье место занимает Таиланд, четвертое — Китай, пятое — Франция. В 2016 г. доходы от туристической деятельности США составили 205,9 млрд долл. США (65% от мирового объема доходов от туристической деятельности)³.

Далее по объему экспорта за рубеж идут «Другие услуги» (18,9%) и «Расходы на использование интеллектуальной собственности» (16,5%). Несмотря на рост

¹ Бюро переписи США, United States Census. Foreign Trade. 2016 <http://web.archive.org/web/20161229110251/https://census.gov/foreign-trade/statistics/historical/SAIMP.pdf> (дата обращения: 04.10.2017).

² Бюро переписи США, United States Census. Foreign Trade. 2016 <http://web.archive.org/web/20161229110251/https://census.gov/foreign-trade/statistics/historical/SAIMP.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).

³ Международной туристической организации, UNWTO, Tourism Highlights, 2017. URL: <http://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284419029> (дата обращения: 18.10.2017).

абсолютных показателей по экспорту услуг США, относительные показатели за 16 лет изменились. Доля экспорта таких услуг, как «Обслуживание и ремонт», «Страховые услуги», «Финансовые услуги», «Другие бизнес услуги» значительно увеличились. Доля «Транспортных услуг» сократилась с 15,7 до 11,2%; доля «Туристических услуг» сократилась с 34,5 до 27,4%.

Анализ структуры импорта услуг выявил изменение соотношения долей услуг в структуре импорта США. Доля туристических услуг сократилась с 30,4 до 24,5%; доля «Транспортных услуг» сократилась с 26,7 до 19,2%; доля «Других бизнес услуг» почти удвоилась (с 11,3 до 19,6%).

Доля услуг «Обслуживание и ремонт» несмотря на рост абсолютных показателей в 4 раза (с 2,2 млн долл. США до 8,8 млн долл. США), в относительном выражении оставалась на уровне от 1,2 до 1,7%. Доли «Финансовых услуг», «Расходов на использование интеллектуальной собственности», «Телекоммуникационных, информационных и компьютерных услуг» и «Государственных услуг» изменились незначительно (+/- 2%)¹.

Главными движущими силами роста объемов внешней торговли США являются технический прогресс, государственная экономическая политика, направленная на либерализацию торговли и деятельность ТНК за рубежом.

Технологические изменения, прежде всего в области транспорта, связи, обработки и передачи информации, заметно сократили издержки на ведение международного бизнеса, тем самым расширив возможности для внешней торговли и инвестиций (Супян В.Б., 2015).

Одним из ключевых факторов либерализации американской экономики и роста значения внешней торговли является роль американских ТНК за рубежом (Долгов С.И., Савинов Ю.А., 2009). По данным БЭА в 2015 г. число размещенных по миру филиалов американских ТНК составило 6264 учреждения. На страны Европы в 2015 г. приходилось 43% всех филиалов американских ТНК, размещенных за рубежом. Почти 1/4 из филиалов, размещенных в Европе, пришлось на Великобританию (628 филиала), второе место заняла Германия (577 филиалов), третье — Франция (314 филиалов). Абсолютный лидер по числу размещенных филиалов американских ТНК — Япония: в стране было расположено 1279 всех филиалов американских ТНК (20,4% от общего числа)².

География внешней торговли США

Анализ географии внешней торговли США выявил, что более 45% товарооборота приходится на Северную и Южную Америки, 31% на страны Азии, 17% на страны Европы и 3% на регион Африки. На страны ЕС по данным 2016 г. пришлось 18,6% от общего объема экспорта США и 19% от общего объема импорта США торговли товарами. Данные по торговле услугами свидетельствуют также

¹ Бюро экономического анализа США. Внешняя торговля товарами и услугами. URL: <https://www.bea.gov/international/index.htm#trade> (дата обращения: 22.10.2017).

² Бюро экономического анализа США, Activities of U.S. Affiliates of Foreign Multinational Enterprises: Preliminary 2015. Statistics. URL: https://www.bea.gov/international/fdius2015_preliminary.htm (дата обращения: 15.10.2017).

о превалировании в географии торговли именно стран ЕС: на них приходится 30,7% от общего объема экспорта услуг, и 35% от общего импорта услуг в США.

Более детальное рассмотрение торговых партнеров США обнаруживает следующее: второе место в географии экспорта американских товаров занимает Канада (партнер США по НАФТА). На Канаду приходится 18,4% от общего экспорта товаров США. Доля Канады очень близка к доле ЕС. Третье место занимает Мексика: на нее приходится 15,8% от общего объема экспорта США. Четвертое место занимает Китай — на нее приходится 8% от общего объема экспорта американских товаров за рубеж. На все остальные страны мира приходится от 4,4% и менее.

Изучение структуры географии импорта товаров США свидетельствует об относительном доминировании среди ключевых торговых партнеров США КНР (на Китай приходится 21% от общего объема импорта США в 2016 г.), 19% приходится на страны ЕС, 13% и 12,8% приходится на Мексику и Канаду, 6,1% — на Японию, доли остальных стран колеблются в промежутке от 5,2% и ниже.

Анализ географии внешней торговли США услугами выявил, что в географии экспорта услуг США наибольшая доля приходится на страны ЕС (30,7%), 8,7% — на Великобританию, по 7,2% — на Канаду и Китай, 5,9% — на Японию, доли остальных стран расположены в диапазоне 4,2% и ниже. География импорта услуг в Штаты представлена теми же партнерами: 35% приходится на страны ЕС, 10,2% — на Великобританию, 6,6% — на Германию, 6,1% — на Японию, 5,9% — на Канаду.

География внешней торговли США отражает общемировые тенденции с доминированием в списке ключевых торговых партнеров развитых экономик (ЕС, Канада, Япония). Наличие Мексики в структуре географии США обосновывается членством республики в НАФТА.

Значительное место в развитии взаимных торгово-экономических отношений занимает «теоретически возможное» соглашение о ТТИП; начало переговоров стартовало в 2013 г. и должно было завершиться в 2014 г., однако соглашение до сегодняшнего дня не подписано и, возможно, не будет подписано в сроки до 2019—2020 гг. Данное соглашение может привести к многостороннему экономическому росту, повышению конкурентоспособности ЕС и США, а также поможет создать новые рабочие места. Вплоть до января 2017 г. США занимались реализацией ТТП, направленного на продвижение торговли США в азиатско-тихоокеанском регионе, которое было подписано 4 февраля 2016 г.

Выводы

С начала 2000-х гг. рост показателей мировой торговли сопровождался трансформацией лидеров. В 2004 г. впервые в тройку лидеров по экспорту товаров вошел Китай, заняв третью позицию. В 2007 г. Китай занял уже вторую позицию, потеснив Штаты. С 2009 г. Китай является лидером по экспорту товаров. На протяжении почти десятилетия состав триады лидеров по экспорту товаров неизменен: Китай, США, Германия.

Анализ структуры внешней торговли США выявил, что товарная структура экспорта и импорта схожа: не сырьевая продукция превалирует над сырьевой в структуре экспорта и импорта США. В товарной структуре экспорта значительно доминируют капитальные товары и промышленные товары. Эти же группы, доминируют в структуре американского импорта.

Особенность структуры торговли услугами заключается в доминировании туристических услуг, США занимают 1-е место по объему выручки от туристической деятельности (65% от общего объема мировой выручки).

Особенностью географии американской внешней торговли является превалирование в ее структуре развитых экономик: стран ЕС, Канады, Японии. Среди развивающихся стран основные партнеры США — Китай и Мексика.

Тенденции последних нескольких лет, обозначив спрос на «мега» интеграции, такие как ТТП и ТТИП, столкнулся с камнем преткновения в лице новой американской администрации и решения Д. Трампа выйти из ТТИ, а также практически невозможностью прийти к консенсусу по вопросам создания ТТИП между США и странами ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергстен К.Ф.* Глобализация свободной торговли: подъем регионализма // *Foreign Affairs*, 1996. URL: <https://www.foreignaffairs.com/authors/c-fred-bergsten>. *Foreign Affairs* (дата обращения: 15.10.2017).
- Давыдов А.Ю.* Экономика США: эволюция модели в условиях глобализации / Аксенов П.А., Кондратьева З.О., Бабич С.Н., Давыдов А.Ю., Зименков Р.И., Комкова Е.Г., Кочетков Г.Б., Федорович В.А., Судакова Н.А., Пороховский А.А., Портной М.А., Рей А.И., Супян В.Б. М.: Институт США и Канады РАН, 2014. С. 396–414.
- Долгов С.И., Савинов Ю.А.* Фундаментальное исследование экономики США // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2009. № 5. С. 66–72.
- Киссинджер Г.* Будущее американо-китайских отношений. Конфликт — это выбор, а не необходимость // *Foreign Affairs*, 2012. URL: <http://www.henryakissinger.com/articles/fa0412.html> — Официальный сайт Г. Киссинджера (дата обращения: 01.10.2017).
- Лебедева Л.Ф.* Позиции США в мировой торговле услугами / *Экономика и управление в сфере услуг: современное состояние и перспективы развития*. XIV Всеросс. науч.-практ. конф. 2017. С. 20–22.
- Моррисон В.М.* Китай — США. Вопросы взаимной торговли // *Congressional Research Service*. URL: <https://fas.org/sgp/crs/gow/RL33536.pdf> — Официальный сайт Федерации американских ученых (дата обращения: 25.09.2017).
- Рогов С.М.* Состояние и перспективы российско-американских отношений // *Вестник Российской академии наук*. 2015. Т. 85. № 5–6. С. 522.
- Спартак А.Н.* Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство: возможные эффекты для России и ЕАЭС // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016. № 6. С. 3–17.
- Супян В.Б.* Глобализация экономики США: масштабы, достижения и проблемы // *Российский внешнеэкономический вестник*. Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ. 2015. Т. 2015. № 9. С. 8–27.
- Супян В.Б.* США и Россия в мировой торговле в начале XXI века: состояние и перспективы // *Россия и Америка в XXI веке*. 2015. № 3. С. 12.

Федякина Л.Н. Интеграция России в мировую экономику: монография: 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н.П. Гусакова. М.: РУДН, 2010. 419 с.

Яковлев П.П. Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 4(8). С. 25—40. URL: http://www.perspektivy.info/oukumena/amerika/transatlanticheskoe_partnerstvo_kontekst_znachenije_problemnyje_aspekty_2016-09-27.htm — Перспективы. Электронный журнал (дата обращения: 01.10.2017).

© Ушанов С.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 октября 2017

Дата принятия к печати: 28 декабря 2017

Для цитирования:

Ушанов С.А. Роль и место Соединенных Штатов Америки в международном обмене товаров и услуг // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 498—509. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-498-509

Сведения об авторе:

Ушанов Степан Андреевич, аспирант кафедры Международных экономических отношений Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: ushanovSA@gmail.com

USA' ROLE AND PLACE IN INTERNATIONAL TRADE

S.A. Ushanov

Peoples' Friendship University of Russia
6, Mikhluko-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. Article is dedicated to the role and place of USA in international trade. The author pays great attention to the transformation of the international trade leaders since 2004, when China got the entrance to the TOP-3 of merchandise trade leaders. At the same time the author described the structure of USA' foreign trade by commodities and services. He underlined the key feature of USA' trade partners — EU countries, Canada, Japan (developed economies) and China, Mexico (developing economies). The author pays great attention to the questions of setting and developing of “mega” integrations, such as TPP and TTIP.

Key words: foreign trade, export, import, goods, conjuncture, destinations of trade, USA, services, balance, international trade

REFERENCES

Bergsten K.F. (1996) Globalizacija svobodnoj trgovli: pod#em regionalizma. Foreign Affairs. URL: <https://www.foreignaffairs.com/authors/c-fred-bergsten> — Oficial'nyj sajt zhurnala Foreign Affairs (accessed: 15.10.2017).

Davydov A.Ju. Jekonomika SShA: jevoljucija modeli v uslovijah globaliza-cii. (2014) Aksenov P.A., Kondrat'eva Z.O., Babich S.N., Davydov A.Ju., Zimen-kov R.I., Komkova E.G., Kochetkov

- G.B., Fedorovich V.A., Sudakova N.A., Porohovskij A.A., Portnoj M.A., Rej A.I., Supjan V.B. Institut SShA i Kanady RAN. Moskva. S. 396—414.
- Dolgov S.I. Savinov YU.A. (2009) Fundamentalnoe issledovanie ehkonomiki SSHA. Rossijskij vneshneehkonomicheskij vestnik. No. 5. S. 66—72.
- Kissindzher G. (2012) Budushhee amerikano-kitajskih otnoshenij. Konflikt — jeto vybor, a ne neobhodimost'. Foreign Affairs. URL: <http://www.henryakissinger.com/articles/fa0412.html> — Oficial'nyj sajt G. Kissindzhera (accessed: 01.10.2017).
- Lebedeva L.F. (2017) Pozicii SShA v mirovoj trgovle uslugami // Jekonomika i upravlenie v sfere uslug: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya. XIV Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija. S. 20—22.
- Morrison V.M. (2017) Kitaj-SShA. Voprosy vzaimnoj trgovli. Congressional Research Service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33536.pdf> — Oficial'nyj sajt Federacii amerikanskih uchenyh. (accessed: 25.09.2017).
- Rogov S.M. (2015) Sostojanie i perspektivy rossijsko-amerikanskih otnoshenij // Vestnik Rossijskoj akademii nauk. T. 85. No. 5—6. S. 522.
- Spartak A.N. (2016) Transatlanticheskoe trgovoe i investicionnoe partnerstvo: vozmozhnye jeffekty dlja Rossii i EAJeS. Rossijskij vneshnejeko-nomicheskij vestnik. No. 6. S. 3—17.
- Supjan V.B. (2015) Globalizacija jekonomiki SShA: masshtaby, dostizhenija i problem. Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. Vserossijskaja akademija vneshnej trgovli Ministerstva jekonomicheskogo razvitiya RF. No. 9. S. 8—27.
- Supjan V.B. (2015) SShA i Rossija v mirovoj trgovle v nachale XXI veka: sostoja-nie i perspektivy. Rossija i Amerika v XXI veke. No. 3. S. 12.
- Fedjakina L.N. (2010) Integracija Rossii v mirovuju jekonomiku: monografija. Pod red. N.P. Gusakova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: RUDN, 419 s.
- Jakovlev P.P. (2016) Transatlanticheskoe partnerstvo: kontekst, znachenie, pro-blemnye aspekty. Perspektivy. Jelektronnyj zhurnal. No. 4(8). S. 25—40. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/transatlanticheskoe_partnerstvo_kontekst_znachenije_problemyje_aspekty_2016-09-27.htm — Perspekti-vy. Jelektronnyj zhurnal (accessed: 01.10.2017).

Article history:

Received: 20 October 2017

Revised: 25 November 2017

Accepted: 28 December 2017

For citation:

Ushanov S.A. (2017) USA' role and place in international trade. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 498—509. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-498-509

Bio Note:

Ushanov Stepan Andreevich, post-graduate student of International economic relations department of the People's Friendship University of Russia. *Contact information*: e-mail: UshanovSA@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-510-517

УДК 331.556.4

THE PROBLEMS OF “BRAIN DRAIN” IN RUSSIA AND MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION (EAEU)

V.A. Iontsev, N.S. Zimova, A.A. Subbotin

Lomonosov Moscow State University
1-51, Lenin Hills, Moscow, Russia, 119992

Abstract. Among many problems that determine current international migration of population, those that are associated with the phenomenon of “brain drain” are of particular importance and topicality. The authors express a fundamental disagreement with those who try to present this phenomenon as a “mutually beneficial process for all countries”, as well as with those Russian authors who identify “brain drain” with “internal transition of people from scientific sphere to real production, business and social sphere” indicating this transition as “internal brain drain”. Particular attention is paid to two modern features, namely: “brain drain” under conditions of demographic crisis and “brain drain” between member states of the EAEU.

Key words: non-return migration, return intellectual migration, “brain drain”, migration policy, demographic crisis, EAEU

Introduction

This year the world community is celebrating some sort of a jubilee — 55 years since international scientific and political debate on non-return migration of highly-skilled specialists started. In the early 1960s this issue was entitled “brain drain” by British journalists, who were troubled by mass exodus of their scientists and engineers to the USA. In Russia this term has been translated in different ways: “brain drain”, “brain theft”, “brain bait”. The problem is not a new one: its distinctive features were shaped in the late 17th — early 18th century, when Peter the Great started a consistent policy of attracting high-skilled specialist to work in Russia. In the beginning of the 20th century V.I. Lenin paid special attention to this phenomenon, making a noteworthy conclusion in his work “Capitalism and workers’ immigration” that “Russia is increasingly lagging behind, giving foreign countries a part of the best workers, while America is moving forward faster, taking from all over the world the most energetic, capable population”. It was written in 1913, but can be easily applied to the present times. Moreover, it does not only concern Russia, but also a lot of other countries positioned far behind developed nations, which is to a large extent defined by the outflow of highly qualified specialists.

With this in mind, it should be noted that in the mid-1960s, when a new immigration law was adopted in the United States, which replaced the system of quotas with that of preferences, the policy of attracting foreign minds was elevated to the level of state policy, which was aimed at all countries. And it is since this time that less developed and developing

countries of the world became the main objects of developed countries' policy in terms of attracting specialists.

However, the relevance and significance of “brain drain” for the modern development of any state has immeasurably increased. At the same time, the understanding of this phenomenon remains rather ambiguous and contradictory, compromise on many methodological aspects has not been achieved so far, despite the fact that non-return migration of highly-skilled specialists has become a global phenomenon.

Theory and methodology of the study

From the theoretical point of view, of great interest to “brain drain” are the theory of human capital (Sjaastad, 1962), the theory of “pull-push” migration factors (Lee, 1966) and the concept of the demographic transition (Van de Kaa, 1987; Coleman, 2006; Iontsev, 2010). It should be emphasized that the demographic factor acquires special significance from the point of view of reproduction of highly-qualified human capital, in fact, one of the modern features of “brain drain”, which will be covered in more detail in the section “Results of the study”.

As for the theory of human capital, it was developed within the framework of the neoclassical theory in the micro-level perspective. Migrations are considered at this level as investment in “human capital” aimed at raising the level of education, income, transition to a higher social level, etc. And migration of highly-skilled specialists can both enrich the total human capital of the receiving country and impoverish it in the country of departure (Iontsev V.A., Magamedova A.G., 2015).

In the context of the “pull-push” theory, migration is often regarded as a function of relative attractiveness of departure and entrance countries, while the presence of obstacles, whose number grows along with the distance between these countries, is considered to limit migration flows. At the same time, for emigration countries, as a rule, one defines the role of “push” factors, which are thought to determine migration movement, while the situation is opposite for immigration countries, where a similar role is assigned to “attracting” factors. And it can be argued that as far as “brain drain” is concerned, the latter factors turn out to be defining due primarily to the policy of attracting specialists. There are numerous examples of this when specialists immigrated to the United States, Israel and other countries at their own risk but could not find a job corresponding to their high level of qualifications¹.

This research offers the definition of “brain drain” as “non-return migration of highly-skilled specialists including potential specialists (students, postgraduates, and trainees) who are purposefully targeted by immigration countries in order to attract them” [Iontsev, 1996; Iontsev, 2010].

This definition requires certain important methodological clarification. First of all, the term “brain” (highly-skilled specialists) should be specified. It rather often includes only those who have higher education, hold an academic degree and work in research and educational fields. There is no doubt how important this category of specialists is,

¹ See e.g. Lobas V. Zheltye koroli. M., 1991. This book recites on the fate of our physicist who emigrated from the USSR to the USA and had to work as a taxi driver in New-York and later engaged in literary work.

especially when taking into account the fact that the world community is entering a new technological level of development.

However, firstly, it is more than 30 years that higher education has observed a growing tendency of producing mediocre specialists. A striking example of this was the 1983 federal report entitled “A Nation at Risk: The Imperative for Educational Reform” by the US National Commission on Excellence in Education, which said that “the educational foundations of our society are presently being eroded by a rising tide of mediocrity that threatens our very future as a Nation and a people”¹.

A similar phenomenon has been especially obvious in Russia for the past 25 years. For example, the number of graduated people has greatly increased (especially in the fields of economics and law), while that of highly-skilled specialists (especially in technological area) has decreased, which has undoubtedly been contributed to by the transplantation of Bologna system to Russia with its “pseudocomputations”, “paid education” and so-called “managerism”.

Secondly, middle-level highly-skilled specialists are of no lesser value in the modern world. For instance, many developed countries find it more significant to hire qualified nurses, rather than doctors. This is very important nowadays as, according to the World Bank estimates, for example, “middle rank” specialists in Latin America have a fairly large share in migration flows (Burns, 2008).

A more precise and detailed definition of what the category “highly-skilled migrants” includes is also important in terms of differentiating the factors that determine the scale of “brain drain”. According to R. Appleyard it is possible to distinguish five types of “highly-skilled migrants”: senior managers and executives; engineers and technicians; scientists; entrepreneurs; students (Appleyard, 2002). To this list one could add artists (writers, painters, actors, etc.), i.e. those who can influence people’s state of mind and inspire the youth. If all these groups of specialists are taken into consideration, they will number in the tens and possibly in hundreds of thousands, rather than just thousands (as most often happens).

The most important characteristic of “brain drain” is non-return migration. Surely, the discrimination between non-return and temporary migration is often relative, but nevertheless this division is very important, especially in terms of the difference between such concepts as “brain drain” and “intellectual migration”. The latter is of temporary nature, a purely positive phenomenon, whose spread can become the locomotive of modern progressive development of the world.

And finally, the third important indication of “brain drain” is the purposeful migration policy aimed at attracting (enticing, stealing) highly-skilled specialists by immigration countries. This policy has received state support since the middle of 1960s.

If every separate criterion of our definition is examined, it is impossible to deny the existence of several alternative concepts with slightly different interpretation of “brain drain”. For example, complementing this notion with so-called “inter-sector mobility” or “internal brain drain”, which means transferring specialists from research area to business and entrepreneur area, deviates from our understanding of “brain drain”

¹ A Nation at Risk. The Imperative for Educational Reform // Report of the National Commission on Excellence in Education. 1983. URL: <https://www2.ed.gov/pubs/NatAtRisk/risk.html>

interpreted as *interstate non-return migration of highly-skilled personnel* (Malakha, 1998). From this point of view one should pay special attention to the transformations of internal labour market, where “mass outflow of personnel from scientific and research organizations to commerce, state institutes and other sectors” takes place or is possible due to a number of factors (Ushkalov, 1999). Therefore, according to some estimates, in the early 1990s in Russia up to 30% (in certain regions up to 50%) of research personnel opted for employment in commercial structures (Valyukov, 1994). However, mass transfer of researchers and artists to business sector and commerce, which in fact implies refusal from genuine scientific activities, is to a greater extent caused by structural shifts in economy and flaws in national labour market, while international migration is a regular process based on the search for better conditions for scientific and research projects (Iontsev, 1998). Apart from that, in the case of “internal brain drain” the damage is mainly of non-material character (waste of scientific potential, decrease of research work prestige in the society, breach of continuity, etc.), whereas immediate losses from underproduction of national product are balanced by directing labour to other sectors.

As to appearance of the notion “internal brain drain” in Russia, it should be emphasized that if in the 1990s it could still be explained, using this term nowadays not only surprises, but also demonstrates that such authors do not understand the idea of “brain drain” and what actually is such complex and diverse phenomenon as international migration of population, to which “brain drain” is inextricably linked. Meanwhile, some of them own doctoral degrees¹, but spread distorted information, which causes great damage to the country. It is a shame that they do not understand this and even worse if this is done intentionally, like it happens in the West, where such terms are more numerous.

For instance, a purely Russian term “internal brain drain”, which misrepresents the true meaning of “brain drain”, is connected with the term “brain waste” interpreted as disuse of labour force or its dissipation inside a state (Taran, 2009).

Surely, over the past years the world has considerably changed, including the sphere of international migration and “brain drain” as its separate area. What have not changed are its negative consequences for the growth of many developing countries, Russia and other post-Soviet states, which have become the main suppliers of “talents” to the developed countries of the West.

This has led to appearance of such definitions as “reverse transfer of technologies”, “brain gain” (Segal, 2007), “intellectual migration”, “diaspora model” (Bhagwati, 2004), and others. Of no coincidence is also the fact that the most significant feature of “brain drain”, namely its non-return character, is misrepresented. For instance, Khadria tries to prove that “the difference between return and non-return migration has lost its importance” (Khadria, 2001). If it is so, “brain drain” is nothing more than just migration

¹ See e.g. Dezhina I. G. “Brain drain” from Russia: myths and reality // Demoskop Weekly. № 59—60. March 18—31 2002.

Yurevich A.V., Tsapenko I.P. *Nuzhny li Rossii uchenie? [Does Russia need researchers?]. “Brain drain” problem.* Moscow: LIBROCOM. 2009.

Ivakhnyuk I.V. *Migration in Russia: economic aspects. Training materials.* Moscow: Spetskniga. 2015. 56 p.

Malakha I.A. *Preface to the Second Edition. Preface // «Brain Drain» — Scale, Reasons, Consequences.* Moscow: LIBROKOM. 2016. P. 5—12.

of specialists, or as stated above “intellectual migration”, which seems to be totally wrong. All mentioned notions are different in terms of consequences and how intensely specialists get transferred, both of which are used in order to present “brain drain” as a mutually beneficial phenomenon¹.

Results of the Study

As to the current features of “brain drain” and its negative consequences for the countries of emigration, it is necessary to pay attention to the role of the demographic factor, especially for those countries facing demographic crisis. As research has shown, in Russia, where this phenomenon has been around since the end of the 1980s, the situation with “brain drain” has only deteriorated. Even though the scale of this phenomenon has reduced, negative consequences are intensified due to negative demographic changes, primarily those of qualitative nature, which in fact characterize such concept as a demographic crisis. The natural decline, which is also typical for it, has been observed in the country for more than 20 years and that, in turn, leads to a decrease in the reproduction of highly-skilled human capital. And it should be taken into account that at the same time there are qualitative negative changes related, in particular, to high-quality professional education (as discussed above).

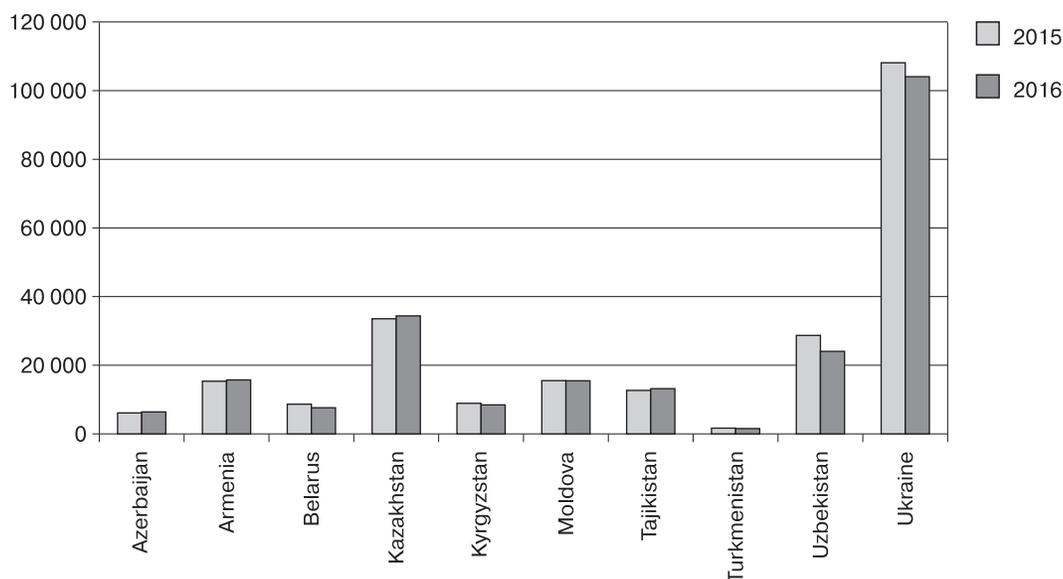

Figure. Immigration of qualified specialists to Russia, people (Federal State Statistics Service)

The second feature to be paid attention to is connected with the fact that since 2010 Russian migration policy has incorporated a separate direction related to attracting highly-skilled specialists to Russia. But this feature is linked to another important issue in terms of equal relations with the countries of the Eurasian space. What is happening now is inevitably a worrying trend, judged by geopolitical and friendly relations with these

¹ See in detail Iontsev V.A., Mogilat A. Contemporary «brain Drain»: Mutually Beneficial Exchange or Highly Skilled Workers or the Process, Increasing Inequality between the Countries // International Migration of Population: Russia and the Contemporary World. 23. 2010.

countries. If the policy of enticing highly-qualified specialists, including potential specialists (students, post-graduate students and partially migrant workers) is continued, it will lead to the situation when Central Asian countries will be drained of resources in the long run and may eventually become easy prey for the Western powers and Turkey, which is in fact already happening.

Therefore, as far as migration of highly-skilled specialists between Russia and the countries of the Eurasian space is concerned, it makes sense to encourage temporary intellectual migration, which will be mutually beneficial for these states.

The creation of the Eurasian Economic Union can aid in developing not only labor migration, but also temporary migration of highly-skilled specialists. As to more distant countries, Russia should pursue a more active policy of attracting specialists from these states. It may refer, in particular, to our former compatriots who have earlier immigrated to distant countries.

Conclusion

Despite numerous attempts to present “brain drain” as a mutually beneficial process, it remains in fact extremely negative, which hampers the development of countries that supply highly-skilled specialists.

The policy of immigration countries acquires an even more pronounced state-led character in stimulating the attraction of foreign minds who play a crucial role in their further development, especially given the negative demographic trends that exist in these countries.

Considering the fact that the system of highly-skilled personnel training is deteriorating, while the demographic crisis is building up, on the one hand, dependence of developed countries on attracting foreign minds grows, on the other hand, the burden of negative consequences for the states that supply their specialists in these conditions is sharply increasing, even if the scale of “brain drain” decreases.

A real counterbalance to “brain drain” may be the expansion of the volume of intellectual migration, which is becoming even more important for the development of the world in the 21st century.

REFERENCES

- Appleyard R.T.* (2002) Skilled Migration in a Globalized World // In: World in the Mirror of International Migration. Scientific Series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World”. Volume 10. Moscow, MAX-Press.
- Bhagwati J.* (2004) In Defense of Globalization // Oxford University Press.
- Burns A., Mohapatra S.* (2008) International Migration and Technological Progress // Migration and Development Brief 4. Development Prospects Group, Migration and Remittances Team. World Bank.
- Coleman D.A.* (2006). Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition. *Population and Development Review* 32 (3): 401—446.
- Federal State Statistics Service.*
- Iontsev V.A.* (1996) “Brain Drain” from Russia (methodological aspects of studying) // *Vestnik MGU. Series “Economics”*. No. 5.

- Iontsev V.A., Kamenski A.N.* (1998) Russia and International Migration of Population // International Migration of Population: Russia and the Contemporary World. Issue 1.
- Iontsev V.A., Magomedova A.G.* (2015) Demographic aspects of the development of human capital in Russia and its regions // R-Economy. No. 3. P. 466—477.
- Iontsev V.A., Mogilat A.* (2010) “Contemporary “brain Drain”: Mutually Beneficial Exchange or Highly Skilled Workers or the Process, Increasing Inequality between the Countries”. International Migration of Population: Russia and the Contemporary World. 23.
- Khadria B.* (2001) Shifting Paradigms of Globalization: The twenty first Century Transition towards Generics in Skilled Migration from India // International Migration. No. 39.
- Lee E.S.* (1966) A Theory of Migration // Demography. No. 3. Pp. 47—57.
- Malakha I.A.* (1998) “Brain Drain” in the Central and Eastern Europe: state and regulation policy // International Migration of Population: Russia and the Contemporary World. Issue 1.
- Segal U.* (2007) United States’ Immigration // In: Migration and Development: Collection of papers of session chairs and key speakers of the International Conference “Migration and Development”, Moscow, 13—15 September 2007: Scientific Series “International Migration of Population: Russia and the Contemporary World”. Volume 20. Moscow, BL Print (in Russian and in English).
- Sjaastad L.* (1962). e Costs and Returns of Human Migration. In: T.W. Schultz (Ed.), Investment in Human Beings. Supplement to the Journal of Political Economy, 70(5), 2.
- Stalker P.* (1995) The Work of Strangers: A Survey of International Labour Migration. Geneva. ILO.
- Taran P., ed.* (2009) Economic migration social cohesion and development: towards an integrated approach. Council of Europe Publishing, Strasbourg Cedex.
- Ushkalov I.G.* (1999) Emigration and Immigration: A Russian Phenomenon // In: International Migration of Population: Russia and the Contemporary World. Volume 2. Moscow.
- Valyukov V.V.* (1994) “Brain Drain” from Russia: problems and ways of regulation // Migration of Russian specialists: reasons, consequences, estimates.
- Van de Kaa D.J.* (1987). Europe’s Second Demographic Transition. Population Bulletin. Washington, e Population Reference Bureau, 42 (1).

© Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A., 2017

Acknowledgements:

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 16-06-0048a).

Article history:

Received: 28 October 2017

Revised: 12 December 2017

Accepted: 28 December 2017

For citation:

Iontsev V.A., Zimova N.S., Subbotin A.A. (2017) The Problems of “Brain Drain” in Russia and Member States of the Eurasian Economic Union (EAEU). *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 510—517. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-510-517

Bio Note:

Iontsev Vladimir, Doctor of Economics, Professor, Head of the Demography Department, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University. *Contact information:* e-mail: vaiontsev@gmail.com

Zimova Natalia, PhD in sociology, Associate Professor, Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University. *Contact information*: e-mail: nzimova@mail.ru

Subbotin Alexander, Master's student in Sociology (Master's programme «Social Demography»), Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty), Lomonosov Moscow State University. *Contact information*: e-mail: aasubbotin@yahoo.com

ПРОБЛЕМЫ «УТЕЧКИ УМОВ» В РОССИИ И ГОСУДАРСТВАХ — ЧЛЕНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

В.А. Ионцев, Н.С. Зимова, А.А. Субботин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, стр. 51, Москва, Россия, 119992

Среди многих проблем, обуславливающих современную международную миграцию населения, особую значимость и злободневность представляют те, что связаны с таким явлением как «утечка умов». Обосновывается принципиальное несогласие авторов с теми, кто пытается представить это явление как «взаимовыгодный для всех стран процесс», как и с теми российскими авторами, которые отождествляют «утечку умов» с «внутренним переходом людей из научной сферы в реальное производство, бизнес и социальную сферу», обозначая этот переход как «внутреннюю утечку умов». При этом особое внимание уделяется двум современным особенностям, а именно: «утечка умов» в условиях демографического кризиса и «утечка умов» между государствами — членами ЕАЭС.

Ключевые слова: безвозвратная миграция, возвратная интеллектуальная миграция, «утечка умов», миграционная политика, демографический кризис, ЕАЭС

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 октября 2017

Дата принятия к печати: 28 декабря 2017

Для цитирования:

Ионцев В.А., Зимова Н.С., Субботин А.А. Проблемы «утечки умов» в России и государствах-членах Евразийского Экономического Союза // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2017. Т. 25. № 4. С. 510—517. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-510-517

Сведения об авторах:

Ионцев Владимир Алексеевич, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация*: e-mail: vaiontsev@gmail.com

Зимова Наталья Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социального конструирования Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация*: e-mail: nzimova@mail.ru

Субботин Александр Алексеевич, магистрант программы «Социальная демография» Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация*: e-mail: aasubbotin@yahoo.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-518-533

УДК 331.556.4

ASYLUM SEEKERS AND SECURITY AT THE NORTHERN FINNISH-RUSSIAN BORDER: ANALYSING THE “ARCTIC ROUTE EPISODE” OF 2015–2016

M. Piipponen, J. Virkkinen

Karelian Institute, University of Eastern Finland
80101, str. Yliopistokatu 2, PL 111, Joensuu, Finland

Abstract. Europe experienced an unprecedented peak in asylum seekers in 2015. Over a million asylum seekers entered the European Union across the Mediterranean Sea and travelled by all means of transport, including by foot, from South to Central and Northern parts of the EU. This “migration crisis” became to define much of the political-territorial atmosphere in the continent with severe impacts on the European security but, significantly, also to the way countries communicated migration related threat images into desires for re-bordering.

Towards the end of 2015 and early 2016, a bit strange episode happened up in the North, when asylum seekers travelled to Northern Norway and Finland through Russian Federation. Despite locating very far from the Mediterranean and Balkan routes to Europe, the Russian North appeared to become part of so-called Arctic route to the Schengen area with over 7000 African, Middle-Eastern and Asian asylum seekers. Due to the history of very strict border management and control, very few illegal border crossings and extremely distant location, the “Arctic route episode” to Norway and Finland became matters of security in many ways.

After describing the overall character of this “Arctic route episode”, we will analyse different perspectives to migration related security. A particular attention will be paid to Finland, Finnish border management and foreign citizens who applied for asylum at one of the “Eastern” border crossing points (Salla or Raja-Jooseppi) in Northern Finland. The Finnish-Russian case illustrates well the networked — but still rather specific — migratory processes in Europe. The public discussion on the episode expresses well many of the international political fears and threats migration poses for those who actually are on the move.

Key words: Arctic route, asylum seekers, border management, European Union, Finland, Russia, security

Introduction

The contemporary literature on migration emphasizes that migration should not be studied just as a once-in-a-lifetime relocation from point A to point B (e.g. Castles, Miller 2009). Migration is rather a complex process that can happen from different origins to different destinations through several steps and phases. Reasons and motivations for migration are not fixed but rather inconsistent and instable, and may change over time and space.

Europe experienced an unprecedented peak of asylum seekers in 2015. Over a million asylum seekers crossed the Mediterranean Sea and travelled by all means of transport,

including on foot and by bicycles, from the South to Central and Northern parts of the European Union. This became to define much of the political-territorial developments in the continent with severe impacts on the Europe's security (see e.g. Virkkunen 2016) and, significantly, on the way the European Union, its member states and neighbours communicated the migration into desires for re-bordering.

Towards the end of 2015 and early 2016, a bit strange episode happened up in the North, when asylum seekers travelled to Northern Norway and Finland through the Russian Federation. Despite locating very far from the Mediterranean and Balkan routes to Northern Europe, the so-called Arctic route became one of the minor, but very much discussed, paths to the Schengen territory with approximately 7200 African, Middle-Eastern and Asian asylum seekers. Due to its distant location and the history of very strict border control, only a very few illegal border crossings had taken place earlier. Therefore, this episode was something new and, thus, became matters of security both in Norway and in Finland as well.

After presenting the overall character of the “Arctic route episode” and placing it to a wider European context, we will analyse different perspectives to migration related security. A particular attention will be paid to Finland and the Finnish Northern borders. The Finnish-Russian case illustrates well the networked, but still rather specific, migratory process in Europe. The public discussion on the “episode” expresses well not only many of the domestic and international political fears, but also threats that migration poses for those who are on the move.

The paper is based on academic and media reports, seminar discussions and information received from publications (news, statistics, etc.) of and meetings with the Finnish Border Guard and the Finnish Immigration Service. In order to gain a better picture of what actually happened during the “Arctic route episode” and what impact it had for Finnish borders and security, these will be analysed by using qualitative content analysis approach.

Migration Routes to Europe: Majority of the over one million asylum seekers to Europe in 2015 came through so-called Mediterranean route from Turkey and North African Egypt and Libya to Greece, Italy and Bulgaria. With the better management of Greek, Turkish and Bulgarian borders, and asylum agreement between Turkey and the European Union, the number of newcomers dropped significantly to under 400,000 in 2016 (see below). Simultaneously, the route moved from the Turkish-Greek maritime border to longer and more dangerous Central Mediterranean, causing the drastic increase in the number of migrant deaths. The International Office of Migration IOM estimates that over 5000 persons went missing or died in the Mediterranean area in 2016 [IOM 2017], which is 35 per cent more than a year before.

Table 1

Immigration to the European Union (IOM 2016; 2017)

	2015	2016	change		2015	2016	change
Greece	857 363	176 906	-79%	Malta	106	—	—
Italy	153 842	181 436	+18%	Cyprus	269	189	-30%
Bulgaria	31 174	15 962	-49%	TOTAL	1 046 599	387 739	-63%
Spain	3845	13 246	+244%	Died/Missing	3770	5082	+35%

Within this context, the international border control and surveillance operations of the European Border Guard Agency FRONTEX turned to rescue operations where surveillance aircrafts and patrol boats detects overcrowded boats and rescue hundreds of migrants on a daily basis. Based on the above figures and stories by migrants, this so-called Mediterranean route is considered not only expensive but also extremely dangerous for migrants. In 2015, majority of the new arrivals to Greece were from the conflicted Syria (50.2%), Afghanistan (20.2%) and Iraq (7.1%). In 2016, the central Mediterranean route to Italy was much more diverse: Nigerians (20.7%), Eritreans (11.4%) and a whole range of other nationalities. (IOM 2016; 2017).

Arctic route from Russia to Norway and Finland: The so-called Arctic route refers to a route that migrants (or later asylum seekers) took to Norway and Finland through the Russian Federation. On one hand, this was an alternative route to the so-called Mediterranean and Balkan routes that turned most popular and, later, difficult due to the re-bordering (and even fencing) of a number East and Central European states such as Serbia and Hungary along the route. On the other hand, approximately one fourth of the persons who entered Norway and Finland in the North, and asked for asylum, had a previous residence or a longer stay in Russia prior migration [Finnish Border Guard 2015b]. In other words, their migration through the “Arctic route” is only partly related to the broader migratory processes and, assumingly, to Russian restrictive asylum, immigration or labour policies that make third-country (not citizens of the Russian Federation or the Eurasian Economic Union) immigrants to relocate.

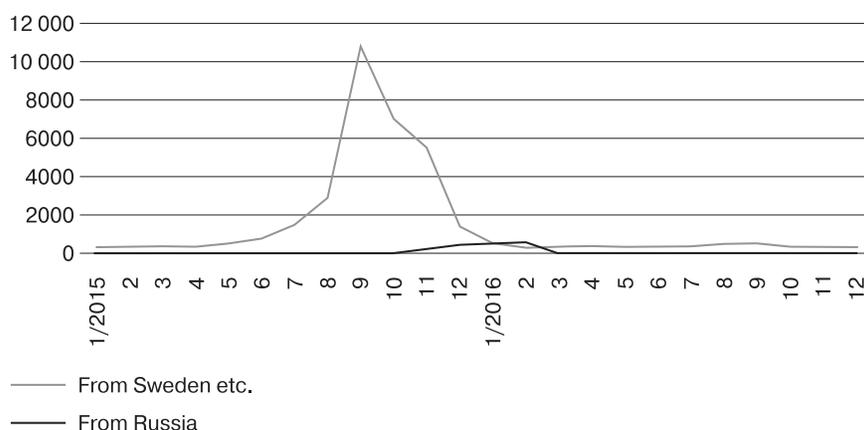

Fig. 1. Asylum seekers in Finland 2015—2016 by point of entry [Finnish Border Guard 2015—2016; Finnish Migration Service 2015; 2016]

The phenomenon of the Arctic route migration lasted mostly from October 2015 to February 2016. First, the migration of mainly Middle-Eastern, African and Asian citizens channelled through Moscow to Murmansk in the Russian North, and further to the Northern Finnmark province of Norway through a tiny border station called Storskog. During the 5 months, about 5500 asylum seekers entered Norway in Storskog to apply for asylum. Due to existing networks in Norway and Norway’s reputation as a wealthy, tolerant and open society, Norway clearly was the destination country number one in the North. The neighbouring Finland was much less-known and became of interest only when Russian border guards began to require a valid Norwegian or Schengen visa from

individuals at the Russian-Norwegian border. In other words, the pressure moved from Storskog to the Northern most border crossing points of Finland Raja-Jooseppi and Salla.

In Finland, the entire migration episode lasted less than a year, from May 2015 to January-February 2016. The peak of the phenomenon timed to August-November 2015 during which from a few up to ten thousand foreign citizens entered and applied for asylum in Finland each month. In total, 38,127 applied asylum in Finland during 2015—2016, out of which only 1756 (4.6%) entered Finland from Russia [Finnish Migration Services 2015; 2016; Finnish Border Guard 2015—2016]. Compared to direct flight or maritime border crossings (by ferry from Estonia, Sweden or Germany), the Swedish-Finnish twin city Haparanda-Tornio with no systematic border control appeared attractive and simple site for border crossing. Before introducing the intensified immigration monitoring in mid-September 2015 and opening the registration centre for asylum seekers a couple of weeks later, the lack of control and surveillance enabled the newcomers to relocate freely to other parts of the country.

During the period of 2015—2016, majority of the asylum seeker in Finland were Syrians (21,732; 57%), Afghan (5971; 16%) and Somali (2413; 6%) [Finnish Migration Service 2015; 2016]. During the same period, citizens of up to 118 countries applied for an asylum in Finland [*ibid.*].

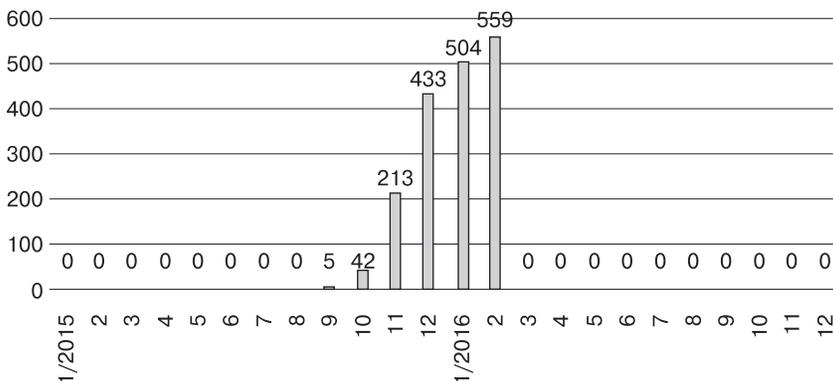

Fig. 2. Asylum seekers from Russia to Finland, 2015—2016, total [Finnish Border Guard 2015—2016]

The growth of asylum applications in late 2015 was evidently linked to Norway’s and Russia’s tightening border control at Storskog: when the traffic on the Norwegian border reduced, it moved to these two Finnish border stations. Even though the traffic started at the Norwegian border earlier, neither Finnish authorities nor non-governmental organisations were prepared to manage such a large quantity of applications. This led to a number of rapid, and even innovative, social, political and administrative solutions, e.g. distribution of snacks and tea for asylum seekers, regulation of incoming cars, that helped authorities and volunteers manage the situation as efficiently as possible.

In the following, we will look at two different aspects of the “Arctic route” at the Finnish-Russian border: Border management and security, and migrant security at and beyond borders. These illustrate the different levels of migration-security nexus and their concrete implications at the Finnish-Russian border. These also reveal some very concrete migration related insecurities in border management and among immigrants that will be studied in more detail in the latter part of this paper.

Asylum Seekers and Border Security at the Northern Finnish Borders

Border Security in the North: As described above, the route to the Northern Finland was two-fold: so-called Balkan and Arctic routes. The former route reaches from the Mediterranean Sea and the Balkans to Central Europe, Denmark, Sweden and Finland, and the latter from the Middle East to Moscow and further to Murmask, Nickel and Kandalaksha in the North from where the migrants organized themselves (with or without assistance) to and across the border to Norway and Finland.

Like along the Balkan and Central and Eastern European routes, the 2015—2016 “migration crisis” discourse in the North was closely related to management and security: How to manage and get control over the border crossings that, to large extent, were illegal? Does that reflect wider political-territorial or human security concerns globally, or close to the Finnish borders? Despite the extremely cold climate during the winter months of arrival, and very peripheral location, the different borders in the North are different in terms of history, function and management. This was clearly manifested in the border related discourses and practices at particular borders.

In the West, the Finnish border to Sweden has been traditionally open for local border traffic. No passports or even ID’s have been required from the citizens of the five Northern countries (Finland, Sweden, Norway, Denmark and Iceland) since 1950’s. Since entering of Schengen area in 2001, the border can be crossed anywhere [Finnish Border Guard 2017; Niemenkari 2002]. All the five Northern countries, as well as most other EU and neighbouring states, are signatories of the Dublin agreement according to which the asylum applications of asylum seekers should be processed and decided in the first country of arrival. In the East, on the other hand, Finnish border to Russia has been relatively closed and very regulated since Soviet times. (see e.g. Laine 2015). Apart from very few special arrangements, the border can only be crossed at the official border crossing points and the border crossers need to carry both a passport and a valid Russian or Schengen visa.

Managing the “internal” borders of the EU: Majority of the asylum seekers during the 2015—2016 “immigration crisis” entered Finland through the “internal” EU border from Sweden with no systematic border control. Finland (and the Finnish Border Guard) did not introduce border checks at the “internal” (EU) borders — like Sweden, Norway and Denmark — but, instead, increased preparedness and capacity for immigration monitoring at the border area. That so-called “intensified immigration monitoring” (in Finnish: *tehostettu ulkomaalaisvalvonta*) opened space for deeper operational cooperation between Police, Finnish Border Guard and Customs in border areas and at international passenger harbours and airports such as Helsinki-Vantaa. The shipping companies were also obligated to comply carefully with their statutory manifests. [Intermin 2015].

As the “border control at internal borders does not prevent asylum seekers entering the country” [Intermin 2015], the aim of the “intensified immigration monitoring” was to gain information about the identity of people who entered and resided already in the country. The plan was to manage the immigration and registration of the asylum application better close to the border so that, as Deputy Department Chief Matti Sarasmaa from the Border and Coast Guard puts it, “*this kind of free, reckless, peregrination [of asylum seekers] around Finland would not happen anymore*” (Hiljanen 2015).

The Police Chief Seppo Kolehmainen and the Deputy Director of the Finnish Border Guard Matti Sarasmaa were rather optimistic with its impact: “*The intensified immigration*

monitoring has the same result as restoration of border controls at the internal border” (Heikinmatti 2015). During 2015, the West Finland Coast Guard (that was responsible for the intensified immigration control in Tornio) patrolled over 2000 hours more than previous year, and conducted 7750 checks, which had an increase of 400% [Finnish Border Guard 2016].

Despite the optimism, the monitoring was rather labour intensive and required temporary transfer of staff members from other sections of the Finnish border, especially from Kainuu and Lapland Border Guard Districts, to the West. (Hiljanen 2015). At the same time, both non-governmental organisations and the official Non-Discrimination Ombudsman’s office criticized the intensified immigration control of possible ethnic profiling. As Senior Adviser Robin Hams from the Non-Discrimination Ombudsman’s office well puts it: “*In today’s Finland it is all too old-fashioned to make any conclusions based on skin colour. We have Finnish citizens with all skin colours. [...] No-one should have to experience that he or she is picked for check because of skin colour. If that takes place, it is a serious offence and misconduct*” (Malminen 2016). Within this respect, the new operational model of the Police, Border Guard and Customs may have a serious impact on the immigrants’ feeling of equality and security in Finland.

The “Eastern border” to Russia: The Finnish-Russian border, often referred to as ‘the Eastern border’ of Finland, was managed in a completely different manner than the Swedish. During the Soviet times, the most sections of the border were completely closed to all forms of traffic, including all forms of tourism and transport. As the forefront between the ‘East’ and the “West”, the border and border areas were closely guarded and monitored both by Finnish and Soviet border guards, and the border could be crossed only in official border crossing points.

In order to ensure a secure well-functioning border, Finland has several bilateral agreements with the Russian Federation (formerly with the Soviet Union) relating e.g. to the order and border incidents from 23 June 1960 (revised in 1969, 1979, and 1998), crime prevention from 5 March 1993, and border crossing points from 11 March 1994. [Kononenko, Laine 2008; Laine 2015]. In addition, the Finnish Border Guard and the Border Service of the Federal Security Service of the Russian Federation compiled a joint protocol in 2006 in order to improve cooperation between the two sides of the border and, especially, to combat cross-border crime activity more effectively. Still today, the Finnish and Russian border guards have intensive cross-border cooperation at four levels: the heads of the countries’ Border Guard organisations, a joint working group, the regional border delegates, and the local control authorities (Laine 2015).

Finnish-Russian cooperation in border control has always been functional by nature (Kononenko, Laine 2008; Niemenkari 2002), which became a one of the questions during the Arctic route migration. As Laine (2015) well puts it, “*the cooperation framework is built on the investigation and resolution of border incidents, exchanging information (7/24), cooperation at BCPs, risk analysis and other operational cooperation in the area of border crossing crimes, joint operations and exercises, and exchanges of experts and practices*”.

Arctic route and “the East”: Due to a long tradition of cooperation between Finnish and Russian border guards at the relatively well-functioning border, there was a clear expectation that the Russian border would not be used as a route for migration into Finland or to the European Union. The very few illegal border crossings that have taken place during the recent years have mainly been incidents caused by tourists’ human errors

in navigation close to the state border or, in some cases, intentional prank-like episodes where a few individuals wanted to have a border experience for fun. These, as well as the very few illegal border crossings where a foreign (and in many cases Russian) citizens have applied for asylum, have all been reviewed in cooperation with Russian authorities.

Within this overall context, the increasing number of asylum seekers at the Storskog border crossing point in Northern Norway gave some indications that some movement of third country nationals may be taking place close to the Finnish border as well. In media publicity (and shared by many authorities), the main threats were not related to illegal border crossings as such but, rather, to global politics and criminal networks, functioning of the Russian border control, and migrant agency:

- **Geopolitics:** Global politics, deteriorating East-West relations and hybrid warfare;
- **Transnational criminal networks:** Human smuggling and criminality in the Arctic route;

- **Border management:** Third-country nationals in Russian border zone, despite high level of trust, professionalism and good relations between Finnish and Russian border guards;

- **Migrant agency:** Migrants' own agency and effort to relocate to the North.

The above concerns related to the Arctic route were clearly formed in the global political setting, experiences related to the Southern borders of the EU, and certain historical threat images where many of the threats in Finland come from “the East”. The Russian relations to the European Union and many of its member states have deteriorated after Russian involvement in Ukraine and Syria, and previously Georgia. Even if the relations between Finland and Russia were formally good, repeating air space violations and the militarisation of the Baltic Sea area, and tougher parlance in international relations, have led to a certain feeling of insecurity and lack of trust.

Related to the issue of trust, the Finnish media paid attention to the Russia's sudden unwillingness to control its borders. According to a very common (but unverified) theory, “*Russian authorities are involved. Without the permission of the security services nothing happens at the border. Local border guards and other authorities do what they are told, they don't apply*” (Leinonen 2016). Even the Minister of the Interior Petteri Orpo encapsulates his the prevalent impression in the Finnish press (Tolkki 2016): “*I do believe [that Russia could stop the asylum seekers crossing the border if it wanted] because the border control has worked for long time and the border crossing points in the South are functioning well. If Russia has a will, it can be organized*”.

As popular as the above-described hybrid warfare interpretation of the “Arctic route episode” in Finland is, a number of scholars do provide alternative explanations for the phenomenon as well. Arild Moe and Lars Rowe [2016] discuss this in the Norwegian context and conclude that the Russian authorities did nothing different from previous years. Instead, groups of transiting migrants waiting nearby the state border were negative for the Russian security as well, and not very cost effective if the state really wanted to have an impact on Norway (or in this case Finland). They rather believe in the actorness of migrants, and interpret the “episode” with the lower price and relative security compared to the Southern route to Schengen (see below).

The interview with Commander Vesa Blomqvist from North Karelia Border Guard District in Newspaper Karjalainen (Huotari 2017) is contradictory. On one hand, he is

very concerned about the decreasing resources and reorganization of the border management in North Karelia: “*We have to strengthen the border control. Cuts in surveillance have to simply come to the end. [...] For years, we have made changes that people cannot really see. We have decreased [personnel] and relocated from the North to the South, from the green border to border checks. Now the situation has to be turned*” [ibid.]. He is rather concerned about the global migratory processes and Russia’s position as one of the transit countries for migrants: “*The world has shrunk. It is useless to think that North Karelia was a safe haven any more, a place that would not face any movement taking place in Europe. If the political atmosphere changes, the taps can open fast*” [ibid.].

On the other hand, he does trust the Russian Border Services across the border: “*The Russians work well and with professional pride, and we have to respond to these situations on our side of the border. [...] As the spring progresses, I assume that the Russian Border Services will start notifying how they have prevented entries in their side*” (Huotari 2017). This is a good example of pragmatic Finnish-Russian cooperation in border management. So was the Finnish-Russian state-level agreement signed by President Sauli Niinistö and Vladimir Putin that was set to close the two Northern border crossing points Raja-Jooseppi and Salla for other than Finnish, Russian and Belarusian citizens for the period of 180 days. Even though the flow of asylum seekers had already stopped when it took effect on 10 April 2016, it was to ensure that the border crossing points would not be used for “illegal” crossings in the future.

Migrant (In)security at and Beyond Borders Along the Asylum Seekers’ Routes

Migrant (in)security and routes: Security is a starting point for asylum seekers’ journeys. When elaborated in the changing contexts of a whole journey, we can actually recognise the multiple ways in which questions of (in)security appear in, travel with and influence from the country of origin to the country of destination, as well as the stops and detours on the way. In this section, we scrutinize migrant security and how it meets border security.

International migration — regular or irregular — is not a straight once-in-a-lifetime movement with clear beginning and end. Routes can include stops and detours, as well as changes in the original motivations of mobility on the way and in relation to the experiences of (in)security. The reported stories of the Arctic route clearly suggest that the episode was not only part of the wider migration phenomenon in Europe but had its specificities too, as migrants with varying and changing motives joined the early movers from Syria and Middle East (Vinogradov 2016). The wider context and migratory infrastructure along the route opened opportunities for people already residing in the Russian Federation.

Experienced security, or lack of it, is one of the basic driving forces when people decide to leave their homes in order to find dignified life and secure living somewhere else. However, this common nominator can be experienced due to variety of reasons, such as political conflicts and war, political and ethnic persecutions, lack of human rights, natural disasters, poor socio-economic conditions, etc. The asylum seekers who crossed the Finnish-Russian border in the North during 2015—2016 represented 30 different nationalities, e.g. Afghans, Syrians, Indians, Bangladeshi, Nepalese and Iraqis, but also for example, Palestinians, Chinese, Ghanan, Cameroonian, Moroccan (Finnish Border

Guard 2015—2016, Saavalainen 2016). In Norway, the situation was similar. There Syrians made up circa 10—20 per cent of the incomers in the end, and many other nationalities were included too, for example Afghans, Iranians, Iraqis, Pakistanis, Somalis, and Ethiopians (Hohman, Laruelle 2016).

In addition, those who already were staying in Russia joined the transit route to Norway and Finland. According to Hohman & Laruelle [2016], many of those who crossed the Norwegian border were in fact already based in Russia. Some Syrians were working in the region of Krasnodar, in southern Russia. Others, such as Afghans, had Russian visas as foreign students or resident's permits. Some had requested refugee status in Russia and, after the applications were turned down, decided to try Norway. In the beginning of 2016, Russian media (Vinogradov 2016) reported from the town of Kandalaksha, almost 200 km from the Finnish-Russian border, of young people from Ghana and Gambia. A group of them told that the financial support they got for their studies in Moscow from a sponsor back in their home country had stopped. They needed to find a way to earn a living and decided to try Finland. A young man told that he had to leave home because of family problems. Many of his acquaintances had told that Finland receives immigrants well, so he decided to try to get there, and had been on the move two months before arriving to Kandalaksha.

Migrants do tend to face threats and uncertainties along their routes. Exposure to inhuman and dangerous conditions offered by the criminal networks of traffickers, as well as to a sporadic information from different sources during the trip and uncertain or over optimistic expectations towards the new life are among the most obvious ones. Migrants do many decisions along their routes, but they can mostly weigh only the least difficult or dangerous options within the limits of imperfect information, or disinformation.

Arctic route as a better and safer choice? The reasons for the appearance of the Arctic route is the most discussed topic in Finland, as well as in Norway. As described above, public discussions have concentrated a lot on international politics. However, migrant security and issues migrants faced along their routes have received less attention. One main suggestion concerning the reasons for this route is that it was considerably cheaper and took shorter time than the Mediterranean route.

According to Laruelle and Hohmann [2016], a trip from Middle East to Murmansk ranged from USD 2000 to 2500 including a tourist visa to Russia and a flight ticket to Murmansk via Moscow, whereas crossing Mediterranean via Greece could have costed USD 18,000. However, because asylum seekers' origins varied a lot, also prices they paid varied. An asylum seeker who entered Finland, for example, told about prices of EUR 5000—6000, and an Afghan family had paid USD 23,000 for their trip to the Russian-Finnish border (Skön 2017). The first users of the route obviously also benefitted most from the short time the 'Arctic route' took — three days at its best (Vinogradov 2016). Then, as the number of comers grew, traffic at the border was controlled, as well as demand for allowed vehicles of border crossing (bicycles, cars) grew and availability decreased, the waiting times of the asylum seekers got longer in the nearest border towns before they could approach the border [ibid.].

City of Murmansk is located still further away from the Norwegian and Finnish border stations (210 km from Storskog border crossing point; 240 km from Raja-Jooseppi and 415 km from Salla). The situation activated local smuggler and business networks too. Transportation costs from Murmansk to the border could sum up to USD 1800 — a driver

usually drove migrants close to the border — or a-week waiting in a local hotel in the nearest border town, Nikel, 40 km to the Norwegian border, to USD 500 (Laruelle, Hohman 2016). And, as crossing on foot is prohibited in these border crossing points, the asylum seekers had to buy a vehicle in order to be able to cross the border in the end. According to Moe & Rowe [2016: 87—91], crossing to Norway in Storskog happened mainly on used and new bicycles, which costed circa USD 200, and to Finland in Raja-Jooseppi and Salla on bicycles and worn-out used cars (that would be abandoned immediately after entering Finland) circa USD 200 per person. Finnish authorities banned bicycles in December, and the only possibility was to cross the border by a car after it [Finnish Border Guard 2015—2016].

If the presented figures are correct, the Arctic route obviously was preferred in some extent instead of the crowded Mediterranean route. In terms of migrant (in)security, the image presented by the media clearly shows how international trafficker networks were involved in organizing the trips, and migrants met also varying local smuggler and business networks who used the opportunities for profiting of the their precarious lives. From the perspective of migration-security nexus, this illustrates well the different levels and scales of security and shows, how the conditions and sources of (in)security and migrant's experiences of them change constantly along their journeys.

The migrants' experiences of security, and safety, was also one of the themes discussed in media reports and academic papers. On one hand, the Arctic route may have been cheaper and safer than the southern route in terms of trafficking. On the other hand, all the frost bites and, even, an incident of death (an Indian man freezing to death in a car) reveal well that the darkest and coldest winter months were something that the most of the immigrants were not aware of.

Nefissa Naguib [2016: 377] depicts a comparison of the different routes in the Norwegian context in the following quote: “*A young Syrian woman is interviewed on the Norwegian evening news. Earlier this year other members of her family had fled to Germany. She stayed in Syria, waiting to hear from them before setting out herself. When she finally managed to get a call through to her family, they recounted the humiliating agonies they had endured on their journey through Turkey and advised her to find another route. She decided to take the new migration route to Europe, the safer and less expensive Arctic route, as far as possible from the horrors of war. She doesn't go into the details of her long journey, other than to say that she has been hungry for a couple of years, often dizzy from hunger. As she is interviewed in the polar night, she stands in front of a building decorated with Christmas lights, a Bethlehem star in each of the windows, skinny pines covered in frost in the background, snow on the ground: “I don't mind that my ears are frozen and that I can see my breath. I want to be safe and have a dignified life. Get a proper education, work, and be able to feed myself”. The camera shows other Syrian families with young children, single men and women, and girls and boys, traveling alone*”.

The turn of the route to the Finnish border changed also the geographic conditions which the migrants needed to deal with. The closest town of Kandalaksha with accommodation capacity and other facilities is located almost 200 km away from the Finnish border. When, compared to the route to the Norwegian border from Nikel, the last section of the journey got longer as the weather conditions turned to the coldest during December-February. Migrants travelled even in -30°C , by car, foot, bicycles or wrecked cars, in many cases without heating or winter tires, or any winter driving

experience. Within this context, it was a miracle that only one person ended up dead because of cold.

Heli Saavalainen, a journalist of the leading newspaper in Finland Helsingin Sanomat, noted during her visit to Salla border crossing point in January 2016: “*The incomers can be recognized quickly: Car with a Russian register plate stops at the border station, and nobody comes to the passport control. This is how also Bangladeshi men do. They step out from the car only when asked to do so. Rucksacks in their backs, they walk to the waiting room. Men tell that they spent six days in the car. They bought the car in Murmansk, and an unknown Russian driver drove them to Kandalaksha, almost 200 km away from the border. From there, men who were not used to the winter, drove to the border*” (Saavalainen 2016).

The same article continues with the words of a Cameroonian man and his fellow travellers who got together in Murmansk in order to buy a car: “*Both Russians and Finns gave food for free, men told. And police helped the men to get to the border by repairing the broken car*” (Saavalainen 2016). Despite incidents of exploitation, some racism and prejudices, migrants faced certain kind of humanity and respect from the local population during their migration process as well.

Migrant (in)security and border security: Border crossing points are interesting sites for the examining migration-security nexus in more concrete. It is a concrete point where migrants’ experiences of security meet border security that is directly linked to formal, strictly authorized and territorially defined security control. Border crossing is a critical place for noticing possible gaps between different forms and layers of security related to migration, and matters migrants have to deal with along their journeys.

As discussed above, the Arctic route episode was a surprise to Finnish authorities. Even after it finished, it is still not completely clear what actually changed and why the Russian Border Services did not perform as expected on the basis of the previous cooperation (Skön 2017). And, the situation was new to the small peripheral border crossing points that were mainly used to deal with local traffic and shopping tourists. Despite the limited resources, Finnish border authorities were persistent in following the statutory border control procedures (of both regular and asylum seeker traffic) and the registration of the asylum applications. The following quotes from the news of the Finnish Border Guard depict this well:

December 4th, 2015: “*In order to maintain border security and fluent border traffic, Raja-Jooseppi border station is prepared to regulate the border crossing traffic so, that we are able to thoroughly take care of our duties with those resources that we have in our daily use. When necessary, the traffic is regulated, if big numbers of asylum seekers arrive from Russia. In order to regulate the border crossing traffic, it is temporarily stopped if necessary and opened again, when the statutory tasks are taken care of at the border station*” [Finnish Border Guard 2015a].

December 28th, 2015: “*... Because cycling has become a modus operandi of illegal entry to the country at Raja-Jooseppi and Salla border stations, without any genuine intention to continue travelling by the bicycle after the border crossing, the Border Delegate of Lapland decided, that, starting on December 23rd, 2015, border crossings are allowed only by cars in Salla and Raja-Jooseppi. In addition to be able to prevent illegal entry to the country, a reason for this is, that persons who are not used to cycling in winter conditions seriously endanger their own and other people’s safety...*” [Finnish Border Guard 2015b]

Even though the emphasis was on formal duties and illegal immigration, the given reasons for tightened regulations consider partly migrant security as well. The border security was decisive for migrants' security (e.g. the waiting time behind and at the border), but all the applied actions of the Border Guard were not consistent. Safety of very inexperienced winter cyclists was considered as a reason for adapting the vehicle restriction, whereas restricting the number of cars at the border — and 10 cars only per day — did actually not add the safety of migrants. The winter conditions were harsh and it was a well-known fact that people were there, approaching the border and waiting.

However, the moment of border crossing and entering from Russia to Finland (and Norway) was obviously significant both for migrants psyche and for their status. After all the experienced uncertainties and threats of the journey, entering the border crossing point was not only exciting but also a big relief. In his documentary film, a Finnish journalist Patrik Skön [2017] interviewed a young man who had travelled all the way from Lebanon to the Finnish border. During the last part of his journey from Murmansk to the border, he experienced threatening and tense moments. Long drive from Murmansk started at night. The hotel owner organised him a sudden departure after two unknown men had harassed him at the hotel. However, the approaching group was not let through the Russian border then, and he needed to turn back and to pay 500 euros extra. Next day, the attempt succeeded and, after being left close to the border, he cycled the last kilometres to Finland: *“When I arrived, there was a polite Finnish border guard receiving us. We told him that we apply for asylum. He took a photo of me, took fingerprints, and we were transported by bus to the reception centre of Rovaniemi”* (Skön 2017).

Before applying for asylum, persons entering Finland without a valid Finnish or Schengen visa are being considered as criminals, and the incident is investigated as illegal border crossing. Based on the United Nations Geneva Convention, and its supplementary protocol, applying for asylum at the border writes however out the illegality of the entry and the investigation follows asylum procedure instead of a criminal investigation. From this perspective, the consistency and reliability of the border authorities in their tasks — in this case asylum registration — enhanced migrants' security. And, for example in the premises of the Salla border station, volunteers of the Finnish Red Cross provided snacks, sandwiches and warm tea to the newcomers after the registration and while they waited for bus transportations to the recently opened registration centre in Tornio close to the Swedish border.

Conclusions

The paper looked at the “Arctic route episode” of the 2015—2016 migration to the Europe North and two major security related approaches to the “episode”, i.e. border security and migrant security. Unlike the main route to the North through the Mediterranean and Balkan states, the Arctic route refers to migration through the Russian Federation. During the peak months of the event, over 5000 migrants entered Norway and 1700 Finland through the three Northernmost border crossing points to Norway and Finland (Storskog, Raja-Jooseppi and Salla) to apply for asylum. This phenomenon was part of the wider European migration process in which migrants from North-African and Middle-Eastern countries entered the EU. However, the Arctic route had also specificities, for example about a quarter of all the applicants had resided in the Russian Federation already for months, or for years.

From security perspective, the Arctic route example demonstrates well the multi-layered character of borders and security. In a European “migration crisis” context, it became clear that the new forms of border and migration management schemes (including border checks, intensified immigration control, restrictions negotiated with the Russian Border Services) were all balanced to manage the situation at the particular “internal” and “external” borders of the European Union in particular ways. Even though only less than five per cent of the 38,000 asylum seekers who entered Finland during the period used the Arctic route, the “Eastern border” to the Russian Federation was clearly portrayed as the bigger threat than the “internal” border to Sweden.

Instead of intensified immigration monitoring, the Raja-Jooseppi and Salla border crossing points to Russia were closed for most third-country nationals (except Belarus) after the “episode” was taken to bilateral state (President) level negotiations. The bilateral approach and, also, the decision were clearly related to Finnish historical interpretations of “the East”, contemporary geopolitical realities in Europe, and certain issues of trust even though the formal relations with Russia were good. For migrants and asylum seekers, the process of migration through the Arctic was, seemingly cheaper and safer than through the Mediterranean. The phenomenon was part of the wider European migration process in which migrants from North-African and Middle-Eastern countries entered the EU. However, the Arctic route had also specificities and generated connections to other migratory processes too. For example, about a quarter of all the asylum applicants had resided in the Russian Federation already for months, or for years.

Overall, the “Arctic route” depicts well how a single migration episode was narrowly politicized and securitized by nation states. Despite contradictory approaches to the topic in most receiver countries, the trend is to reduce immigration and security to the traditional national security that does not leave much space for elaborating the actual multilayered character of security, and the lack of security of those who are on the move (see Virkkunen 2016; Castles, Miller 2009: 211—214). This type of conceptualization blurs the connected and specific nature of global migration processes and, thus, the needs for joint international discourses on the root causes and consequences of, as well as solutions for migration issues. Here, migratory routes, and different forms of security along the routes, should be more in the focus as well. Finding solutions requires much more solid cooperation between domestic and international actors, as well as states affected, in international forums. Building borders and walls may seem effective in the short run but that actually solves nothing.

REFERENCES

- Castles S., Miller M. 2009. *The Age of Migration. International Population Movements in the Modern World.* Fourth Edition. Palgrave Macmillan.
- Finnish Border Guard 2015—2016. *Rajavartiolaitoksen tiedotteet — News from the Border Guard.* URL: <http://www.raja.fi/tietoa/tiedotteet> (accessed: 01.12.2016).
- Finnish Border Guard 2015a. *Raja-Joosepin rajanylitysluonteesta mahdollisia katkoksia.* Tiedote 4.12.2015. URL: <http://www.raja.fi/tietoa/tiedotteet> (accessed: 07.04.2016).
- Finnish Border Guard 2015b. *Sallan ja Raja-Joosepin rajanylityspaikoilla sallitaan vain autojen rajanylitykset.* Tiedote 28.12.2015. URL: <http://www.raja.fi/tietoa/tiedotteet> (accessed: 07.04.2016).

- Finnish Border Guard 2016. Länsi-Suomen merivartiostolla vilkas vuosi 2015. Tiedote 27.1.2016. URL: <http://www.raja.fi/tietoa/tiedotteet> (accessed: 19.02.2017).
- Finnish Border Guard 2017. Border Crossing. URL: http://www.raja.fi/guidelines/border_crossing (accessed: 08.11.2017).
- Finnish Migration Service 2015. Statistics on asylum and refugees. URL: http://www.migri.fi/about_us/statistics/statistics_on_asylum_and_refugees (accessed: 08.11.2017).
- Finnish Migration Service 2016. Statistics on asylum and refugees. URL: http://www.migri.fi/about_us/statistics/statistics_on_asylum_and_refugees (accessed: 05.11.2017).
- Heikinmatti A. 2015. Poliisi ja Rajavartiolaitos: Tehostettu ulkomaalaisvalvonta tuo saman tuloksen kuin sisärajatarkastukset. Helsingin Sanomat, 18.9.2015. URL: <http://yle.fi/uutiset/3-8315543> (accessed: 08.11.2017).
- Hiljanen P. 2015. Tehostettu ulkomaalaisvalvonta käynnistetään — raja, poliisi ja tullit yhteistyöhön Torniossa. YLE 15.9.2015. URL: <http://yle.fi/uutiset/3-8306444> (accessed: 20.10.2017).
- Hohmann S., Laruelle M. 2016. From the Mediterranean to the Far North: A Refugees Corridor at the Russian-Norwegian Border. The Arctic Institute, Center for Circumpolar Security Studies. URL: <http://www.thearcticinstitute.org/refugees-corridor-russian-norwegian-border/> (accessed: 05.06.2017).
- Huotari V. 2017. Karsimisen tie on nyt käyty loppuun: Rajojen valvontaa on pakko vahvisata, jyrähtää Pohjois-Karjalassa rajavartioston komentaja Vesa Blomqvist. Karjalainen, 27.3.2017.
- Intermin 2015. Norjan rajatarkastuksia vastaavat toimet käytössä Suomessa jo syyskuusta lähtien. URL: http://intermin.fi/artikkeli/-/asset_publisher/norjan-rajatarkastuksia-vastaavat-toimet-kaytossa-suomessa-jo-syyskuusta-lahtien (accessed: 20.12.2016).
- IOM 2016. Mixed Migration Flows in the Mediterranean and Beyond: Compilation of Available Data and Information 2016. URL: <http://doe.iom.int/docs/Flows%20Compilation%202015%20Overview.pdf> (accessed: 20.12.2016).
- IOM 2017. Mixed Migration Flows in the Mediterranean and Beyond: Compilation of Available Data and Information 2016. URL: http://migration.iom.int/docs/2016_Flows_to_Europe_Overview.pdf (accessed: 14.09.2016).
- Kononen V., Laine J. 2008. Assessment of the Finnish-Russian Border: The Case of Vaalimaa Border Crossing Point. The Finnish Institute of International Affairs Working Paper No. 57, Helsinki.
- Laine J. 2015. Threats, Challenges, and Finnish-Russian Cross-Border Security Cooperation: a Finnish Perspective. — *Eurolimes* 20, P. 125—142.
- Leinonen N. 2016. Näkökulma: Venäjä luo epävakautta Suomen rajalla. *Iltalehti*, 26.1.2016. URL: http://www.iltalehti.fi/pakolaiskriisi/2016012621021223_cm.shtml (accessed: 08.09.2016).
- Malminen U. 2016. Poliisin tehostettu ulkomaalaisvalvonta joutuu selvitykseen — etnistä profilointia ei saisi tapahtua. *YLE*, 21.4.2016. URL: <http://yle.fi/uutiset/3-8826698> (accessed: 20.02.2017).
- Moe A., Rowe L. 2016. Asylstrømmen fra Russland til Norge I 2015: Bevisst russisk politik? *Nordisk Østforum*, 30 (2), 80—97.
- Naguib N. 2016. Humanitarian Pluralism: The Arctic Passage in an Age of Refugees. — *International Journal Middle East Studies* 48(2), 377—381.
- Niemenkari A. 2002. The Finnish Border Security Concept. Geneva Centre for the Democratic Control of Armed Forces (DCAF) Working Paper Series No. 7. Geneva. URL: <https://www.ciaonet.org/catalog/11813> (accessed: 20.04.2017).
- Saavalainen H. 2016. Puolet turvapaikanhakijoista tulee itärajan yli Lappiin — “Maahantuloa pyörittää selvästi järjestäytynyt rikollisuus”. Helsingin Sanomat 16.1.2016. URL: <http://www.hs.fi/kotimaa/art-200002880264.html> (accessed: 03.09.2017).

- Skön P. 2017. Spotlight. Kun itäraja vuoti. Yle/Fem. URL: <http://areena.yle.fi/1-3797243#autoplay=true> (accessed: 08.10.2016).
- Tolkki K. 2016. Haluaako Venäjä näpäyttää Suomea päästämällä turvapaikanhakijoita Lappiin? YLE, 16.2.2016. URL: <http://yle.fi/uutiset/3-8676927> (accessed: 20.04.2017).
- Vinogradov I. 2016. Мигранты массово скупают в Заполярье машины, но многие ездят без прав. ТАСС. Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/obschestvo/2649226> (accessed: 03.09.2016).
- Virkkunen J. 2016. Borders, Extremisms, and the Feeling of Security: Uncovering the Migration-Security Nexus in Finland. In Riazantsev S., Pismennaya E. (edt.) *New Directions of Demographic Policy of the Russian Federation in the Conditions of Economic Crisis*. M.: Econ-Inform, Moscow. P. 292—301.

© Piipponen M., Virkkunen J, 2017

Acknowledgements:

The study was conducted with support of KONE Foundation and the Strategic Research Council of the Academy of Finland

Article history:

Received: 10 November 2017

Revised: 05 December 2017

Accepted: 30 December 2017

For citation:

Piipponen M., Virkkunen J. (2017) Asylum Seekers and Security at the Northern Finnish-Russian Border: Analysing “Arctic Route Episode” of 2015—2016. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 518—533. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-518-533

Bio Note:

Piipponen Minna, Dr. (Human Geography), Researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland. *Contact information:* e-mail: minna.piipponen@uef.fi

Virkkunen Joni, Dr. (Human Geography), Research Manager, Karelian Institute, University of Eastern Finland. *Contact information:* e-mail: joni.virkkunen@uef.fi

БЕЖЕНЦЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ НА СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ФИНСКО-РОССИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ: АНАЛИЗ «АРКТИЧЕСКОГО МАРШРУТА» В 2015—2016 гг.

Минна Пииппонен, Йони Вирккунен

Университет Восточной Финляндии,
ул. Улиопистокату 2, ПЛ 111, Йозенсуу, Финляндия, 80101

Европа испытала беспрецедентный пик притока беженцев в 2015 году. Более миллиона просителей убежища поступили в Европейский Союз через Средиземное море, а затем, используя все виды транспорта, в том числе пешком, из Южной — в Центральную и Северную части ЕС. Этот «миграционный кризис» стал определять большую часть политико-территориальной атмосферы на континенте с серьезным воздействием на европейскую безопасность.

Важно то, какую информацию транслировали страны о данных миграционных потоках. К концу 2015 года и в начале 2016 года появились беженцы, которые отправились в Северную Норвегию и Финляндию через Российскую Федерацию. Несмотря на то, что российский Север, находясь очень далеко от Средиземного и Балканского маршрутов в Европу, оказался частью так называемого арктического маршрута в Шенгенскую зону с более чем 7000 африканскими, ближневосточными и азиатскими беженцами. «Арктический маршрут» в Норвегию и Финляндию изучается с позиции безопасности, в силу достаточно строгого пограничного контроля.

Описав общий характер этого «арктического маршрута», авторы проанализировали различные перспективы безопасности, связанные с миграцией. Особое внимание уделено Финляндии, финскому пограничному управлению и иностранным гражданам, которые подали ходатайство о предоставлении убежища на одном из «восточных» пунктов пересечения границы в Северной Финляндии. Финско-российский эпизод хорошо иллюстрирует сетевые, но все же довольно специфические миграционные процессы, характерные для Европы в целом. Общественная дискуссия по этому эпизоду отражает многие международные политические опасения и угрозы, связанные с миграцией. Ключевые слова: арктический маршрут, беженцы, пограничное управление, Европейский союз, Финляндия, Россия, безопасность

Ключевые слова: арктический маршрут, беженцы, пограничное управление, Европейский союз, Финляндия, Россия, безопасность

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 ноября 2017

Дата принятия к печати: 30 декабря 2018

Для цитирования:

Пииппонен М., Вирккунен Й. Беженцы и национальная безопасность на северной части финско-российской границы: анализ «арктического маршрута» в 2015—2016 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 518—533. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-518-533

Сведения об авторах:

Минна Пииппонен, доктор географических наук, исследователь карельского института Университета Восточной Финляндии. *Контактная информация:* e-mail: minna.piipponen@uef.fi

Йони Вирккунен, доктор географических наук, ведущий исследователь карельского института Университета Восточной Финляндии. *Контактная информация:* e-mail: Joni.virkkunen@uef.fi

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-535-542

УДК 658.11

КЛАССИФИКАЦИЯ И КРИТЕРИИ ОТБОРА СИСТЕМООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.А. Анисенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Актуальность данной статьи заключается в том, что в кризисный период, системообразующие компании разных отраслей особенно нуждаются в государственной поддержке в связи с активной санкционной политикой. Целью работы была систематизация различных подходов к классификации таких предприятий, для потенциального упрощения системы мониторинга их деятельности. В ходе исследования использовались различные методы, такие как анализ, синтез, классификация, формализация, а также были изучены самые последние опубликованные статьи на соответствующую тематику, что делает ее наиболее актуальной по сравнению с другими аналогичными исследованиями. Результат работы был представлен в виде подробного описания всех видов изучаемых предприятий в разрезе значимости для бюджета страны, объемов налоговых отчислений, создания рабочих мест и доли в отрасли. В заключении приводятся выводы о том, что существующая система мониторинга деятельности стратегических компаний устарела и нуждается в модификации и актуализации под реалии сегодняшнего экономического положения страны. Для этого необходимо не только разрабатывать более актуальные критерии отбора и систему классификации, но и доработать уже существующие методологические рекомендации по мониторингу со стороны правительства.

Ключевые слова: системообразующие предприятия, государственное регулирование, санкции, внешнеэкономическая политика

Введение

В начале 1990-х гг. постановлением правительства было определено, что на системообразующем предприятии работает не менее 30% жителей населенного пункта, а имеющее на своем балансе объекты социально-коммунальной сферы и инженерной инфраструктуры, обслуживают не менее 30% населения города (поселка)¹. Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве) от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) были внесены корректировки — стали применять термин «градообразующие организации», а доля численности работающих должна составлять не менее 25% численности работающего населения населенного пункта.

¹ Постановление Правительства РФ от 29 августа 1994 г. № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими» — «Общие положения» п. 3.

Этим же законом был введен термин «стратегическое» предприятие, а перечень таких предприятий стал ежегодно утверждаться правительством. Под такими предприятиями было решено понимать: 1) федеральные ГУПы и АО, акции которых находятся в федеральной собственности и которые осуществляют производство продукции (работ, услуг), имеющей стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов российских граждан; 2) организации оборонно-промышленного комплекса — производственные, научно-производственные, научно-исследовательские, проектно-конструкторские, испытательные и другие организации, осуществляющие работы по обеспечению выполнения государственного оборонного заказа¹. Для таких предприятий были введены различные преференции, в том числе был установлен особый порядок банкротства.

Впоследствии, в наши дни, стали применять термин «системообразующее предприятие», что, по сути, является синонимом «стратегического предприятия». Бирюков О., глава инжиниринговой компании Лиман-трейд, отмечает, что «системообразующие — это все-таки крупные частные корпорации и холдинги, которые вносят существенный вклад в развитие экономики страны и являются градообразующими в некоторых регионах. Они представляют собой вертикально интегрированные производственные цепочки, создающие многочисленные рабочие места»².

Стратегические предприятия имеют огромное значение для всех аспектов социально-экономической системы. Как пишет экономист Селезнева О.А., «Системообразующее предприятие можно определить, как предприятие, отвечающее критерию значимости производимой продукции и оказываемых услуг для жизнеобеспечения той или иной территории или функционирования той или иной отрасли...» (Селезнева О.А., 2016).

Однако не все экономисты положительно высказываются о системообразующих предприятиях. Так, в своей работе авторы Шаститко А., Авдашева С., Голованова С. утверждают, что поддержка крупных стратегических предприятий только нарушает естественную конкуренцию, и может быть, возвращает экономику к докризисному периоду, но точно не помогает ей прогрессировать (Шаститко А., Авдашева С., Голованова С., 2009).

Системообразующее предприятие — это субъект хозяйствования, отвечающий набору определенных критериев. Среди качественных характеристик системообразующих предприятий принято выделять такие:

- высокий уровень технологического потенциала, т.е. наличие технологий, обеспечивающих возможности инновационного развития;
- существенная роль в обеспечении инфраструктуры производства;
- значимое воздействие в обеспечении занятости населения региона;
- высокий удельный вес экспортных поставок в совокупных продажах.

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.) «О несостоятельности (банкротстве)» — ст. 190.

² Системообразующие предприятия: спасать или нет? // Деловой Петербург. URL: <http://blog.dp.ru/post/9101> (дата обращения: 15.11.2016).

Кроме качественных характеристик выделяют и количественные параметры системообразующих предприятий (таблица).

Таблица

Количественные параметры системообразующих предприятий России
[Quantitative parameters of Russian systemically important companies]

Параметр	2014 г.	2015 г.	2017 г.
Количество системообразующих предприятий	304	199	197
Объем выручки, млрд руб.	Более 10	Зависит от отрасли (минимум — машиностроение пищевой промышленности 50 млн руб., максимум — не менее 1 млрд руб. для торговых сетей)	Более 70% совокупного национального дохода
Сумма налоговых поступлений в бюджет, млрд руб.	Более 5	Более 5	Более 5
Численность персонала, чел.	Более 4000	25% от общего числа занятых в регионе (не менее 50 чел.)	20% от всей численности занятых (на весь список)
Методические рекомендации по включению в перечень системообразующих организаций	Обновлены в текущем году	Не было обновления	Не было обновления

Источник: составлено автором.

Современное состояние системообразующих предприятий

Показатели деятельности системообразующих предприятий и их возможности по формированию источников финансирования несколько ухудшились с 2014 года, после введения западными странами санкций в отношении российских компаний.

Например, одним из пострадавших стал лидер нефтегазовой отрасли — «Газпром». Агентство Standard & Poor's понизило его рейтинг кредитоспособности до «BB+/B» с негативным прогнозом на будущее (Гусев В.В., Малый В.И., 2016). На деятельность этого стратегического предприятия повлияли еще и такие факторы, как, например, отказ некоторых партнеров (государственного уровня) работать по предоплате или ограниченность доступа к проектам, развивающимся за рубежом (проект «Южный Поток»). Помимо этого, значительно увеличилась задолженность по оплате со стороны покупателей и заказчиков.

Главным образом, можно выделить три основных направления санкций, которые принесли наибольший ущерб системообразующим компаниям.

Во-первых, — это значительное ухудшение отношений с другими странами. Так, в 2014 г. Россия потеряла 153 млрд долл. США, в 2015 г. — 57,5 млрд долл. США, а в 2016 г. — 15,4 млрд долл. США. Но это касается не только инвестиций. Таким образом, с 2015 г. товарооборот со странами РФ упал на 40% и роста пока не намечается. Отсутствие сотрудничества с ранее важнейшим партнером — Украиной, так же нанесло сильный ущерб крупнейшим российским экспортерам. Отток иностранного капитала пусть и уменьшается с каждым годом, однако по-прежнему очень высок.

Помимо прямого воздействия от санкций, есть еще и косвенное — через банковский сектор и снижение платежеспособности населения. Отсутствие финансирования и сокращения возможностей для кредитования еще сильнее ухудшают положение страны.

Наукоемкие и технические предприятия получили дополнительный санкционный «бонус» в виде запрета на использование зарубежных технологий. «Из-за прекращения поставок украинских газотурбинных агрегатов предприятия “Зоря-Машпроект” (Николаев) Россия не может завершить строительство ряда кораблей для своего военно-морского флота» — как пишут в «Россия сегодня» в одной из своих статей 26.07.2017¹.

В качестве мер антикризисного управления правительством было принято решение о корректировке перечня таких предприятий.

Системообразующие компании получили некоторую помощь от государства в этой непростой ситуации. В первую очередь — дотации и субсидии. Это не всегда прямое финансирование, иногда это льготные условия кредитования от банков с государственным участием. Госзаказы также нередкое явление в антикризисной политике, так как крайне выгодны для каждой из сторон.

Один из спорных методов поддержки стратегических компаний — ограничение зарубежного спроса. Это конечно хорошо для экономики, так как стимулирует импортозамещение, способствует развитию сельскохозяйственной отрасли, но вызывает негативную реакцию у потребителей, ведь таким образом их лишают выбора.

Помимо предыдущих направлений по поддержке, не менее важно создание соответствующей инфраструктуры для крупных компаний. Это может быть как строительство транспортных путей, так и информационных систем. Все это значительно упрощает жизнь для основных производителей разных отраслей.

Вместе с тем, помимо позитивной роли системообразующих предприятий следует признать и некоторые негативные моменты. Ведь понятно, что именно эти компании обладают большими возможностями участия в выводе капитала из страны, а также заимствования на внешних рынках, что в конечном счете создает угрозу экономической безопасности страны. Для решения данной проблемы С. Глазьев, помощник президента РФ, предлагает в целях деофшоризации (как следствие существенного оттока капитала из страны) создать для системообразующим предприятий условия получения внутренних ресурсов на условиях проектного финансирования, аналогичных условиям зарубежных стран (Глазьев С.Ю., 2015). Так, по данным отчетности, начиная с 2000 г., в ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» главным собственником является Минта Холдинг Лимитед (доля 87,26%), а в ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат», начиная с 2014 г. — Fletcher Group Holdings Limited (доля 84%).

Помимо этого, было предложено всем владельцам системообразующих предприятий зарегистрировать свои права собственности в российских регистраторах.

¹ Новые санкции против России: крушение произойдет абсолютно точно // Россия Сегодня. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170726/239903258.html> (дата обращения: 26.07.2017).

Классификация системообразующих компаний

Системообразующие компании — основа российской экономики. Их актуальный перечень был разработан еще в начале 2015 г., однако он значительно короче предыдущего, существовавшего с 2008 г. Первая версия включала в себя 304 организации, в то время как следующая сократилась более чем на треть — до 197. В какой-то момент правительство пришло к выводу, что для выхода из кризиса недостаточно поддерживать лишь банковский сектор, необходимо «точечное» вмешательство в различные направления экономики. Таким образом, более 40% списка приходится на представителей четырех сфер — *агропромышленной* (и пищевой), *энергетической*, *металлургической* и *транспортной*. Также немало участников из *нефтегазовой сферы*, *ракетно-космической* и *химической* отраслей. Предприятия ведущие свою деятельность в других направлениях, таких как *автомобильное* или *розничной торговли*, также фигурируют в перечне, однако их доля значительно меньше.

Основное предназначение перечня — смягчение негативных последствий кризиса путем государственной поддержки его фигурантов. Однако гарантировать такую поддержку никто не может, но шанс на ее получение у системообразующих компаний гораздо выше, чем у менее крупных конкурентов. Такое положение вещей вызвало споры о целесообразности перечня среди экономистов и сомнения по поводу вступления в него со стороны потенциальных участников, которые должны были помимо выполнения ряда количественных и качественных критериев, провести ряд мер повышения финансовой эффективности, мероприятия по реструктуризации.

Помимо государственной поддержки, участники списка подвергаются мониторингу финансовой деятельности, что позволяет избежать неверных управленческих решений, принимаемых менеджментом предприятий. Ведь нестабильное положение системообразующей компании может оказать существенное влияние и на всю экономическую ситуацию, если не в стране, то в регионе точно.

На федеральном уровне существует ряд критериев, которые должны соблюдать желающие попасть в список или не выбыть из него. Первоначально необходимо было соответствовать двум требованиям — годовой оборот не менее 15 млрд руб. и численность персонала не менее 4000. На сегодняшний день правила немного поменялись. Компания-претендент должна соответствовать ряду обязательных количественных критериев и хотя бы одному качественному. Количественные критерии затрагивают *налоговые отчисления*, которые должны быть не менее 5 млрд руб. в бюджеты всех уровней, годовую выручку не менее 10 млрд руб. и *численность сотрудников* не менее 4000. Эти показатели применимы ко всем отраслям, кроме сельского хозяйства, которому необходимо отчислять 2 млрд руб., иметь оборот 4 млрд руб. и иметь штат не менее 1,5 тыс. человек.

Качественные критерии более расплывчатые. В первую очередь это компании, обладающие технологическим потенциалом в социально-экономической сфере или для военного производства. Но есть и другие, которые могут играть важную роль в сохранении инфраструктуры, создании рабочих мест или для привлечения инвестиций. Несложно отметить, что множество компаний на территории РФ

подходят по качественным критериям и, таким образом, основной ограничительный барьер — количественные критерии.

На сегодняшний день существуют перечни системообразующих предприятий *регионального* значения. В основном в них входят те, что являются необходимыми для процветания и развития именно этого региона. Например, компания «Мечел» — даже при колоссальных долгах фигурирует в списке, так как имеет огромное значение, как минимум для социальной составляющей региона.

Региональный перечень также обладает своими требованиями к потенциальным участникам. В отличие от федерального списка, региональный требует выполнения только количественных критериев. Выделяется три основных — суммарный объем полученных доходов от 2 до 20 млрд руб., среднесписочная численность работников должна превышать 50 человек и сумма активов должна составлять от 100 млн руб. до 20 млрд руб. (или суммарный объем начислений федеральных налогов и сборов согласно данным налоговой отчетности находится в пределах от 75 млн руб. до 1 млрд руб.). Не редкость, что региональные списки имеют больше участников, чем федеральный. Так, например, в Республике Татарстан 393¹ системообразующих компании, а в Московской области — 301².

Системообразующие компании принято разделять на три группы — отраслеобразующие, градообразующие и бюджетобразующие.

Отраслеобразующие — это компании, чья доля в совокупном объеме производства товаров и услуг в отрасли превышает 20%.

С градообразующими предприятиями ситуация немного усложняется, по сравнению с отраслеобразующими. Несмотря на то, что основным критерием является то, что доля компании в ВВП страны должна превышать 20%, существует и ряд альтернативных признаков градообразующих предприятий. Один из них требует того, чтобы численность сотрудников (вместе с их членами семьи) превышала половину численности населенного пункта, где функционирует предприятие³. А, например, в Постановлении Правительства «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностям продажи предприятий-должников, являющимися градообразующими» от 29 августа 1994 г. № 1001 сказано, что численность сотрудников предприятия должна превышать 30% от всех работающих людей в населенном пункте, а на балансе компании должны присутствовать социально-культурные, инженерные или инфраструктурные объекты, обслуживающие более 30% жителей населенного пункта. Также региональные органы управления вправе выдвигать свои собственные требования к компаниям, желающим попасть под определение градообразующих. Регионов с индивидуальными критериями не мало, среди них, например, Тверская область, Липецкая область, Забайкальский край и многие др.

¹ Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан от 20.06.2017 г. № 1363-р. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/952743.htm> (дата обращения: 18.10.2017).

² Перечень системообразующих предприятий Московской области. Министерство инвестиций и инноваций московской области. URL: http://mii.mosreg.ru/dokumenty/razvitie_promyshlennosti/sistemoobrazuyuschie_predpriyatiya_moskovskoy (дата обращения: 18.10.2017).

³ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.).

Бюджетообразующие компании — это крупнейшие налогоплательщики. К ним относят предприятия, отвечающие хотя бы одному их количественных критериев. Первое — суммарный объем начислений федеральных налогов должен превышать 1 млрд руб./г., при этом суммарный объем начислений федеральных налогов организаций, осуществляющих деятельность в сфере оказания услуг связи, а также по реализации и (или) предоставлению в пользование технических средств, обеспечивающих оказание услуг связи, организаций, осуществляющих деятельность в сфере оказания транспортных услуг — не менее 300 млн руб./г. Второй и третий критерии — суммарный объем полученных доходов или активы должны превышать 20 млрд руб./г.

Заключение

Подводя итог, автор отмечает, что при всей важности роли системообразующих компаний, отсутствие *гарантий* государственной поддержки и устаревшая система мониторинга¹, значительно снижают эффективность перечня системообразующих предприятий. Официальные методологические рекомендации по включению предприятий в перечень системообразующих не обновлялись с 2014 г. Представленные в работе система классификации и разработка критериев отбора предназначены для усовершенствования подходов к мониторингу и для выбора потенциальных участников перечня в последующие годы. Помимо этого, необходимо провести ряд модификаций в системе регулирования и стимулирования деятельности системообразующих компаний на всех уровнях, что позволит повысить устойчивость экономики РФ в такое сложное (со стороны внешней политики) время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Глазьев С.Ю. Доклад Совбезу РФ. Мир тесен. 2015. URL: [http://sobityadnya.ru/blog/43464056003/Doklad-Sovbezu-RF-Sergeya-Glazeva-\(polnyiy-tekst\)](http://sobityadnya.ru/blog/43464056003/Doklad-Sovbezu-RF-Sergeya-Glazeva-(polnyiy-tekst)) (дата обращения: 18.09.2015).
- Гусев В.В., Малый В.И. Российские системообразующие компании под действием экономических санкций: социальные вызовы и новые возможности (на примере ПАО «Газпром») // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 1 (33). С. 63—75. DOI: 10.17223/1998863X/33/8.
- Новые санкции против России: крушение произойдет абсолютно точно // Россия Сегодня. URL: <http://inosmi.ru/politic/20170726/239903258.html> (дата обращения: 26.07.2017).
- Перечень системообразующих предприятий Московской области. Министерство инвестиций и инноваций московской области. URL: http://mii.mosreg.ru/dokumenty/razvitie_gromyshlennosti/sistemoobrazuyuschie_predpriyatiya_moskovskoy (дата обращения: 18.10.2017).
- Постановление Правительства РФ от 29 августа 1994 г. № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими» — «Общие положения» п. 3.
- Распоряжение Кабинета Министров Республики Татарстан от 20.06.2017 г. № 1363-р. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/952743.htm> (дата обращения: 18.10.2017).

¹ Разработана в 2015 г.

Селезнева О.А. Влияние системообразующих хозяйствующих субъектов на социально-экономическое развитие муниципальных образований // Молодой ученый. 2016. № 11. С. 967–970.

Системообразующие предприятия: спасать или нет? // Деловой Петербург. URL: <http://blog.dr.ru/post/9101> (дата обращения: 15.11.2016).

Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 29.07.2017 г.).

Шаститко А., Авдашева С., Голованова С. Конкурентная политика в период кризиса // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 54–69.

© Анисенко Н.А., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 октября 2017

Дата принятия к печати: 27 декабря 2017

Для цитирования: Анисенко Н.А. Классификация и критерии отбора системообразующих предприятий РФ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 534–542. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-534-542

Сведения об авторе:

Анисенко Никита Андреевич, аспирант кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: Anisenko.nikita@gmail.com

CLASSIFICATION AND SELECTION CRITERIA OF RUSSIAN SYSTEMICALLY IMPORTANT COMPANIES

N.A. Anisenko

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. During the crisis, systemically important companies from various industries were in need of state support as a result of sanctions policy. This report aims to systematise the different classifications for such enterprises, thereby facilitating the monitor of their activities. This study draws upon recently published articles in the field and used a range of methods, including analysis, synthesis, classification and formalization. The results of this investigation are presented in the form of detailed descriptions of the types of enterprises studied and; their significance for the state budget, volume of tax revenues, jobs created and market share. In conclusion, the findings reveal that the existing system for monitoring the activities of strategic companies is outdated and needs updating in light of Russia's present economic situation. Alongside the development of more relevant selection criteria and classification systems, it is equally important to refine the existing methodologies to facilitate government monitoring.

Key words: the backbone of the enterprise, government regulation, sanctions, foreign economics

REFERENCES

- Federal'nyj zakon «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)» ot 26.10.2002 № 127-FZ (red. ot 29.07.2017) (In Russ).
- Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29 avgusta 1994 g. № 1001 «O porjadke otnesenija predpriyatij k gradoobrazujushhim i osobennostjah prodazhi predpriyatij-dolzhnikov, javljajushhhsja gradoobrazujushhimi» — «Obshhie polozhenija» punkt 3. (In Russ).
- Selezneva O.A. (2016) Vlijanie sistemoobrazujushhiih hozjajstvujushhiih sub#ektov na social'no-jekonomicheskoe razvitie municipal'nyh obrazovanij. *Molodoj uchenyj*. 2016. Vol. 11. P. 967—970. (In Russ).
- Shastitko A., Avdasheva S., Golovanova S. (2009) Konkurentnaja politika v period krizisa. *Voprosy jekonomiki*. 2009. № 3. P. 54—69. (In Russ).
- Sistemoobrazuyushchie predpriyatija spasat ili net? Delovoj Peterburg URL: <http://blog.dp.ru/post/9101> (accessed: 15.11.2016) (In Russ).
- Guseev V.V., Mal'j V.I. Rossijskie sistemoobrazujushhie kompanii pod dejstviem jekonomicheskiih sankcij: social'nye vyzovy i novye vozmozhnosti (na primere PAO «Gazprom»). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2016. Vol. 1 (33). P. 63—75. DOI: 10.17223/1998863X/33/8 (In Russ).
- Novye sankcii protiv Rossii: krushenie proizojdet absoljutno tochno. *Rossija Segodnja* (Inosmi.ru) URL: <http://inosmi.ru/politic/20170726/239903258.html> (accessed: 26.07.2017). (In Russ).
- Glazev S.YU. Doklad Sovbezu RF. Mir tesen 2015. URL: [http://sobityadnya.ru/blog/43464056003/Doklad-Sovbezu-RF-Sergeya-Glazeva-\(polnyiy-tekst\)](http://sobityadnya.ru/blog/43464056003/Doklad-Sovbezu-RF-Sergeya-Glazeva-(polnyiy-tekst)) (accessed: 18.09.2015) (In Russ).
- Rasporyazheniem Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 20.06.2017 № 1363-r. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/952743.htm> (accessed: 18.10.2017) (In Russ).
- Perechen sistemoobrazuyushchiih predpriyatij Moskovskoj oblasti Ministerstvo investicij i innovacij moskovskoj oblasti URL: http://mii.mosreg.ru/dokumenty/razvitie_promyshlennosti/sistemoobrazuyushchie_predpriyatija_moskovskoy (accessed: 18.10.2017) (In Russ).

Article history:

Received: 30 October 2017

Revised: 01 December 2017

Accepted: 27 December 2017

For citation:

Anisenko N.A. (2017) Classification and selection criteria of Russian systemically important companies. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 534—542. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-534-542

Bio Note:

Anisenko N.A. Post-graduate student of the department of national economy of the Peoples Friendship University of Russia. Contact information: e-mail: Anisenko.nikita@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-543-552

УДК 332.1

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР КАК ПРИЧИНА РЕГИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСТАНА)

А.И. Даньшин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ул. Ленинские Горы, 1, Москва, Россия, 119991

Прошедшие 20 лет со времени переноса столицы Казахстана в Астану требуют осмысления процессов формирования сельского хозяйства в связи наличием государственных документов, предполагающих создание вокруг Астаны продовольственного пояса.

Цель. Рассмотреть в сравнительном анализе процессы, происходящие в сельском хозяйстве столичных регионов Казахстана.

Материалы и методы. Использование факторного анализа, картографического метода исследований на основе материалов официальной статистики позволило выявить тренды, определяющие современное развитие пристоличного сельского хозяйства.

Итоги. Определено, что и в условиях малопересеченного рельефа (Астана), и в районах значительных перепадов высот (Алматы) институциональный фактор чаще всего определяет специфику сельскохозяйственного производства на фоне планетарной широтной зональности, что приводит к асимметрии в развитии. Влияние крупного города на сельское хозяйство (пригородная специализация), при отсутствии государственных документов замыкается в пределах административных областей, а при наличии указов и постановлений расширяет границы до необходимых пределов.

В работе показаны территориальные векторы формирования агропроизводства вокруг этих крупных городов. Оценен вклад административных единиц второго порядка в создание пригородной специализации сельского хозяйства.

Ключевые слова: сельское хозяйство, институциональный фактор, пригородный тип сельского хозяйства, продовольственный пояс, региональная асимметрия

Введение

Сельское хозяйство, развиваясь на основе базисных принципов, подвержено влиянию ряда факторов, основные из которых определяются природными и социально-экономическими условиями. Часто процесс изменений в системе сельскохозяйственного производства некоторых территорий связывают с происходящими трансформациями в стране и в ее окружении. В Казахстане существенным потрясением для всей экономики страны стал распад Советского Союза и, как результат, необходимость формирования собственной государственной политики в области национальной продовольственной безопасности (независимости).

До этого участие республики в общесоюзном разделении труда позволяло ориентировать агропроизводство на выполнение тех функций, которые были детер-

минированы географическим положением территории, определяемом как зона южного рискованного земледелия с существенным распространением пастбищных отраслей животноводства. На протяжении второй половины советского периода (после Великой отечественной войны и поднятия целины) новые привнесенные культуры, да даже целиком отрасли, выдвинули Казахстан на одно из первых мест в СССР по производству сельскохозяйственной продукции. Невысокая плотность населения, особенно в северных и центральных частях республики требовала неинтенсивных отраслей сельского хозяйства ориентированных на культуры, способные давать урожай в условиях низких показателей влагообеспеченности. На юге, где условия теплообеспеченности были лучше, а плотность населения гораздо выше, выделялись интенсивные отрасли. К тому же смещенный к юго-востоку самый крупный город — столица предполагал усиление специализации в сторону пригородных, также интенсивных отраслей. Значение севера в производстве сельскохозяйственной продукции было связано в основном с зерновым хозяйством. В советское время из 19 областей Казахстана в верхней половине рейтинга по валовой продукции сельского хозяйства было равное количество северных и южных областей. В душевых показателях южные области, естественно, сильно проигрывали. Но все же, к концу советского периода региональное пространство Казахстана по своим климатическим и экономико-хозяйственным признакам оставалось чрезвычайно вариабельным. Последующие процессы привели к усилению неравенства в социально-экономической составляющей экономики.

Методы и подходы

Необходимость изучения сельского хозяйства пристоличных (Акмолинской и Алматинской) областей с географической точки зрения требует проведения факторного анализа показателей, определяющих тренды, формирующие новую специализацию. Картографический метод позволяет увидеть пространственную дифференциацию отрасли в пределах как административных единиц первого порядка, окружающих столичные города (области), так и в случае ассиметричного влияния институционального фактора за пределами этих областей. Переход в исследованиях на более мелкие административные единицы (районы), приводит к возможности учета мезофакторов, таких как элементы рельефа, возможности орошения и др.

Результаты

Самостоятельное развитие Казахстана в начальном периоде привело к резкому уменьшению площадей обрабатываемых земель. Именно эта республика наряду с Россией оказалась в самом сложном положении в сельском хозяйстве. Невозможность выйти в первые годы последнего десятилетия XX в. на мировой рынок зерна заставило Казахстан резко сократить его производство. Валовая продукция сельского хозяйства в стране к середине 1990-х гг. составила только 50% советского периода. Потребовалось почти 15 лет, чтобы довести показатели до уровня советских. На севере значительно уменьшилась численность сельского

населения, что привело к деинтенсификации во всех отраслях сельского хозяйства. На юге сельское хозяйство стало ориентироваться на те продукты, которые позволили бы обеспечить потребности растущего здесь населения и одновременно определить общегосударственную специализацию как южных районов страны.

Основным программным документом, регламентирующим развитие современного сельского хозяйства, является принятая в 2013 г. программа «Агробизнес-2020», предполагающая общий тренд развития отрасли, ориентацию на обеспечение продовольственной безопасности страны и создание зон, ответственных за производство определенных продуктов питания. Особая роль отводится югу с его благоприятными условиями для сельского хозяйства. Но для отдельных регионов, в качестве элементов опережающего развития отрасли имеются свои программы, в первую очередь, для столицы, утвержденная сессией областного маслихата «Комплексная программа развития продовольственного пояса вокруг города Астана на 2015—2018 годы», в которой сказано о необходимости создания определенной зоны сельскохозяйственного обеспечения с радиусом примерно 300 км. Естественно, значительная часть продовольственного обеспечения должна лечь на прилегающие районы и чаще всего в границах имеющихся областей. Это в свою очередь приведет к росту показателей вокруг Астаны и формированию нового мощного центра производства сельскохозяйственной продукции.

Если природная компонента развития сельского хозяйства для всех территорий Казахстана осталась примерно такой же, как и в советский период, то социально-экономические условия на протяжении последних 30 лет существенно менялись. Динамика численности населения в разных частях Казахстана абсолютно разная. Северные области, интенсивно терявшие население в начальный период постсоветского развития до сих пор не восстановили численность советского времени. Существенное влияние на показатели всего Северного Казахстана оказала миграция 1990-х гг. На фоне этого явный рост виден в Астане (в 3 раза), Алматы и южных областях Казахстана. При рассмотрении динамики численности населения правильнее говорить не о четком делении областей на «север-юг», а скорее на «северо-запад (Западно-Казахстанская область как северная) — юго-восток (Алматинская область как южная)». То есть, севернее этой границы до сих пор численность населения меньше советских показателей, южнее — больше. По подсчетам автора рубеж советского периода в приастанинских районах (население вместе с Астаной) будет преодолен в 2017 г. в основном за счет резкого увеличения численности населения столичного города. Очень важно, что в пристоличных районах Астаны численность сельского населения уменьшилась более чем в 2 раза. Это привело к сокращению трудового потенциала в сельской местности, а самое главное, к снижению образовательного и профессионального уровня сельских тружеников.

Экономика, находившаяся в состоянии кризиса после распада СССР, также повлияла на сельское хозяйство и на наличие продовольственных ресурсов. Самостоятельное развитие государства требовало создания основ продовольственной независимости, но финансовая составляющая заставляла экономить на всем. На начальных этапах постсоветского развития уменьшение площадей обрабатываемых земель коснулось в первую очередь всех северных районов. В определен-

ной степени снизились показатели доли орошаемых пашен. Изменившиеся земельные отношения также не способствовали росту производства. Не ясно, что произойдет после введения новых положений Земельного кодекса.

Предложение Президента Н.А. Назарбаева о переносе столицы в Астану для возможного смещения политической и экономической активности в центр страны предполагало изменить региональную асимметрию развития государства с помощью институциональных процессов.

Это привело, в первую очередь, к резкому росту численности населения в новой столице и в районах вокруг нее, но не уменьшило показатели в южных районах, в том числе и в приалматинских. Сейчас и Алматы, как старая столица (иногда ее называют южной столицей) и Астана — крупнейшие города Казахстана (на втором месте по численности населения в данный момент стоит Шымкент), концентрирующие в себе почти 15% населения страны (соответственно 1716,7 тыс. чел. и 880,0 тыс. чел.). Причем и в том и в другом случае рост населения продолжается. В мае 2016 г. была принята «Межрегиональная схема территориального развития Алматинской агломерации», предполагающая увеличение численности в этом образовании до 3,5 млн чел. В агломерацию Астаны должны войти 127 населенных пунктов. Общая площадь Астанинской агломерации составит 2175 тыс. га с населением около 1,5 млн чел.

Такие значительные планы формирования агломераций потребуют совершенствования обеспечения потребностей жителей этих территорий продуктами питания, создания определенных зон, ответственных за производство тех или иных сельскохозяйственных продуктов, поиска путей роста и интенсификации производства. Два потенциала роста, возможно, станут ядрами новой интенсификации сельского хозяйства, изменив полюс тяготения только к Алматы.

Прошедшие 20 лет (когда Астана стала столицей) привели к значительным изменениям в специализации сельского хозяйства прилегающих к этим крупнейшим городам страны территориям, обеспечивающих растущие агломерации необходимыми продовольственными ресурсами.

Начальные позиции формирования современной специализации сельского хозяйства связаны с заключительным этапом советского развития. В условиях перестройки, значительных преобразований агропромышленного комплекса СССР были созданы предпосылки для становления сельскохозяйственного производства. В конце советского периода на севере Казахстана преобладала зональная зерновая специализация (пшеница, ячмень) с мясо-молочным скотоводством и тонкорунным овцеводством, сменявшаяся в южных частях исследуемого региона на животноводческое направление с уменьшением значения зернового хозяйства. В непосредственной близости от Целинограда располагалось несколько хозяйств, обеспечивающих пригородную специализацию.

В Семиречье, за счет южного положения и орографических особенностей территории дифференциация специализации была более существенной:

— на равнинных участках без использования горных пастбищ — овцеводство (грубошерстное и полутонкорунное), коневодство, с очагами земледелия;

— в хозяйствах, использовавших предгорные и горные участки пастбищ — тонкорунное и полутонкорунное овцеводство, мясо-молочное скотоводство. Как

и в предыдущем типе специализации, здесь пахотные земли использовались для создания страховых запасов кормов;

— в районах орошаемого земледелия — зерновое хозяйство (пшеница, ячмень, кукуруза), свекловодство, производство кормовых культур для молочно-мясного скотоводства. В Балхашском и Каратальском районах в поймах рек выращивался рис. Имели место плантации табака и сады;

— в пригородной зоне Алма-Аты — интенсивное овощеводство, молочно-мясное скотоводство, сады.

Все это, в конечном счете, определяло обеспеченность важнейшими продовольственными ресурсами оба исследуемых района, но в разной степени (таблица).

Таблица

Обеспеченность основными продовольственными ресурсами пристоличных регионов (вместе со столичными городами) Казахстана, на одного человека
[Provision of basic food resources of the sub-regions (together with the capital cities) of Kazakhstan, per person]

Продовольствие	Приастанинские регионы		Приалматинские регионы		Средние значения по Казахстану	
	1987	2015	1987	2015	1987	2015
Зерно, кг	4256	2742	741	321	1659	1072
Картофель, кг	230	160	88	194	125	202
Овощи, кг	50	40	116	261	72	88
Мясо, кг	125	32	67	52	85	53
Молоко, кг	508	223	209	189	314	298
Яйцо, шт.	375	485	231	290	253	272

Источник: составлено автором на основе: Сельское хозяйство СССР: стат. сб., 1988; Сельское, лесное и рыбное хозяйство в Республике Казахстан: стат. сб., 2016.

В связи с меньшей численностью населения большие показатели обеспеченности характерны для северного региона, исключение — овощи, при этом все значения на севере превышают среднереспубликанские, а на юге они меньше этой величины. В настоящее время роль столичного города постепенно усиливается на севере, и в определенной степени уменьшается на юге. Как явный показатель столичности в приастанинских и приалматинских регионах выступает производство яиц. Значительный рост в первом случае связан и с увеличивающимися местными потребностями, и с институциональным фактором столичности, во втором, скорее, с местными потребностями. Существенный рост производства овощей и картофеля в южных районах страны — результат создания продовольственной независимости в целом по республике с использованием более благоприятных для выращивания ранних картофеля и овощей природных условий. Но собственно в городе Алматы в овощной продукции значительна доля китайского экспорта. Определенное снижение обеспеченности в динамике на севере может быть связано с уменьшившейся численностью трудовых ресурсов в сельской местности.

Общерегionalные показатели не отражают те различия, которые сформировались к настоящему времени внутри пристоличных территорий. Необходимо понять, действуют ли центр-периферийные модели в эти регионах, образовались ли зоны изменения интенсивности производства и четко ли определяется при-

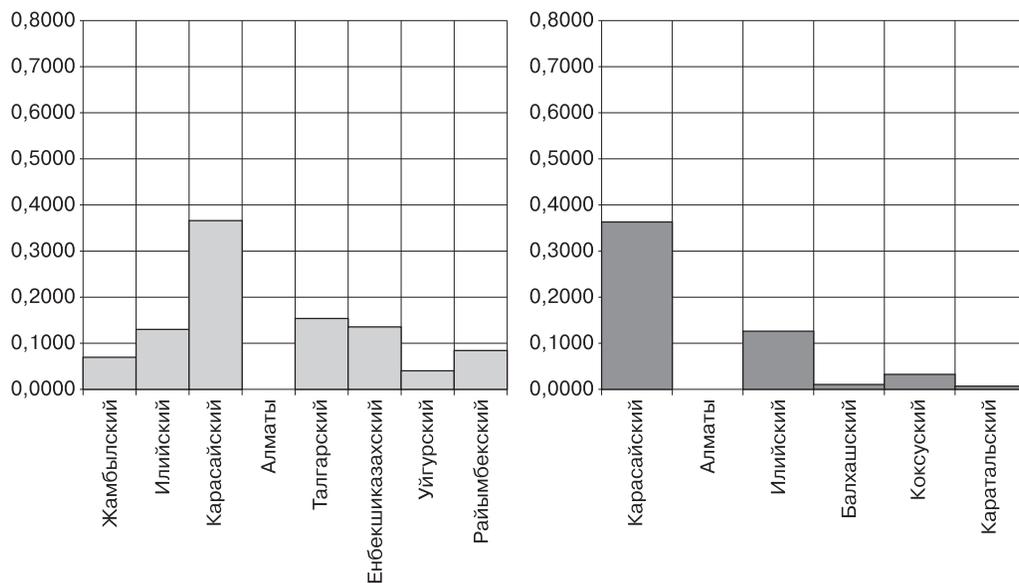
городная специализация в рамках областных административных границ. В агрогеографии при типологии сельского хозяйства применяется несколько показателей, характеризующих территориальную дифференциацию интенсивности. Такие подходы сформировались достаточно давно (Ракитников, 2003).

Для многих исследователей в прошлом важно было понять, как влияет территория на производство и распределение продукции, что ложится в основу формирования цены продукции у потребителя: низкая себестоимость, получаемая за счет экстенсивного хозяйствования на периферии, но с дополнительными затратами на перевозку к потребителю, или высокая стоимость производства при небольшом транспортном плече.

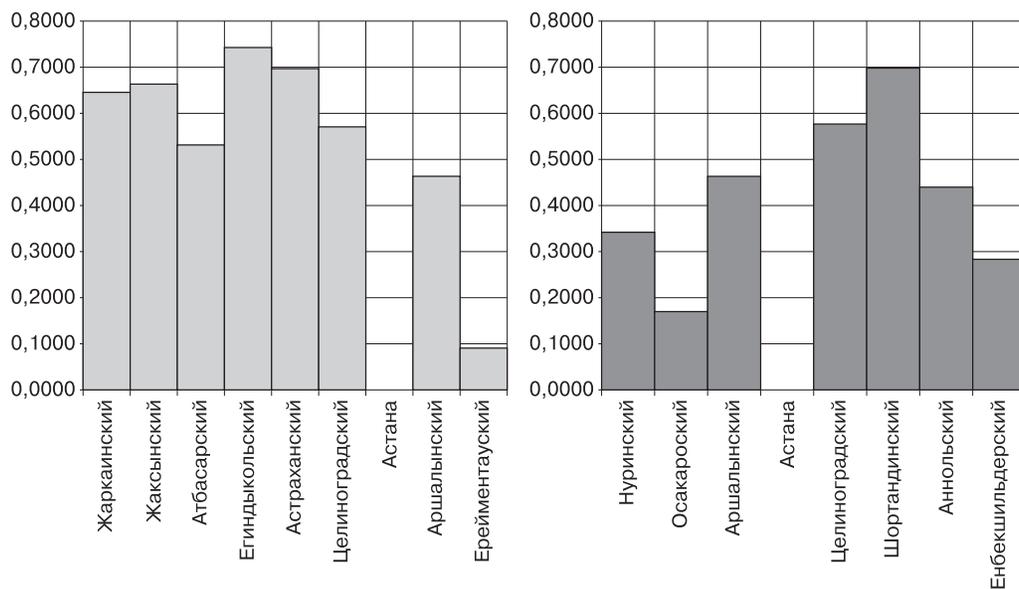
Наиболее простым индексом, характеризующим изменение интенсивности производства в сельском хозяйстве для этих территорий, является доля пашни в площади сельскохозяйственных угодий (рисунок). В Алматинской области четко прослеживаются центр-периферийные тренды, тогда как целинные территории в основном оказываются в значительной степени повсеместно распаханы и ведется экстенсивное зерновое хозяйство, что характерно практически для всех районов Северного Казахстана. Если в приалматинских местностях прослеживается и западно-восточный, и юго-северный тренд, то в приастанинских — восточные части оказываются менее пригодными для земледелия (Ерейментауский и Осакаровский районы), хотя в определенной степени это можно сказать и о восточных частях Алматинской области. Но на юге большое значение имеет рельеф. Хотя приподнятый межгорный Райымбекский район оказывается более земледельческим, чем предгорный Уйгурский (к тому же в данном районе полностью отсутствуют богарные земли).

Углубление специализации и в животноводстве, и в растениеводстве, в том числе на южных культурах в Алматинской области есть результат государственной политики создания продовольственной безопасности и возможности интенсификации сельского хозяйства на орошаемых землях. К настоящему времени в сельском хозяйстве этого региона незначительно преобладает продукция растениеводства. Парадоксально, но самая высокая доля растениеводства характерна для северо-восточных районов Алматинской области, что, скорее всего, связано здесь со сложностями ведения пастбищного хозяйства. В целом по области в производстве продукции наибольшее значение имеют хозяйства населения, дающие более 52% всей сельскохозяйственной продукции. В хозяйствах населения и сельхозпредприятиях преобладает животноводство (соответственно 59% и 62%). А вот в фермерских хозяйствах почти 85% продукции — отрасли растениеводства.

По соотношению животноводства и растениеводства, также как и по другим показателям, Акмолинская область контрастирует с Алматинской. Растениеводство в северном из рассматриваемых сегментов дает почти 3/4 всей продукции сельского хозяйства в областном разрезе, а районы с показателями выше среднего располагаются в западной части региона. Тогда как «животноводческие» районы четко «прикреплены» к северо-восточной границе. В Акмолинской области, в отличие от Алматинской доля сельскохозяйственных предприятий превышает 50%, тогда как хозяйства населения дают всего около 30%, остальное приходится на фермерские хозяйства.

Доля пашни в площади сельскохозяйственных угодий по районам Алматинской области по векторам запад-восток (левый), юг-север (правый)

Доля пашни в площади сельскохозяйственных угодий по районам Акмолинской области по векторам запад-восток (левый), юг-север (правый)

Рисунок. Изменение интенсивности сельского хозяйства по векторам развития Алматинской и Акмолинской областей¹

[Figure. Change in the intensity of agriculture in the development vectors of the Almaty and Akmola regions]

Источники: Статистическая отчетность Акмолинской области, 2017; Статистическая отчетность Алматинской области, 2017.

¹ Для Акмолинской области (юг-север) использованы данные трех районов Карагандинской области, официально включенных в состав Продовольственного пояса Астаны.

Заключение

В Алматинской области сложилась отраслевая и территориальная организация производства продовольственных ресурсов. К настоящему времени она продолжает углубляться за счет своего южного положения с усилением специализации на культурах, требующих большего количества тепла. В Акмолинской области за последние 20 лет в определенной степени начинают формироваться теоретически возможные «кольца» интенсивной специализации вокруг крупного города. Но в связи с тем, что на расстоянии примерно 500 км располагаются три крупных города (Кокшетау, Астана, Караганда), кольцеобразные структуры оказываются более сложной конфигурации, плюс к этому существенную роль играют особенности мезофизико-географического положения. Но все же наблюдается рост производства по некоторым продовольственным ресурсам. По сравнению с 1999 г. почти на всей территории увеличилось производство картофеля. Выращивание овощей в больших объемах теперь характерно только для районов, примыкающих в основном к крупным городам, тогда как на остальной территории валовые сборы этого вида продукции снизились. Это еще связано с уменьшением численности сельского населения — основного производителя овощей. По животноводству существенной территориальной трансформации увидеть не удалось. Как уже говорилось ранее, четко видна динамика по росту поголовья птицы, причем строительство птицефабрики, например в Енбекшильдерском районе (2008 г., 1 млн гол. несушек) дает всплеск показателя в несколько десятков раз. Производство молока и мяса четкой локализации не имеет. В перспективной специализации все районы области определены как важные для производства молока и мяса крупного рогатого скота. То есть, институциональные факторы в дальнейшем будут определять формирование продовольственной независимости страны и усиление пристоличной (пригородной) специализации исследованных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ракитников А.Н.* Методы сельскохозяйственного районирования. Избранные труды / под ред. В.Г. Крючкова. Смоленск: Ойкумена. 2003. С. 287—298.
- Сельское хозяйство СССР: стат. сб. / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1988. 535 с.
- Сельское, лесное и рыбное хозяйство в Республике Казахстан: стат. сб. / на казахском и русском языках. Астана: Министерство национальной экономики Республики Казахстан, Комитет по статистике. 2016. 148 с
- Статистическая отчетность Акмолинской области. URL: <http://www.uzo.akmol.kz/otcheti.html> (дата обращения: 08.10.2017).
- Статистическая отчетность Алматинской области. URL: <http://alm.obl.kz/#> (дата обращения: 14.09.2017).

© Даньшин А.И., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 октября 2017

Дата принятия к печати: 29 декабря 2017

Для цитирования: Данышин А.И. институциональный фактор как причина региональной асимметрии сельского хозяйства (на примере Казахстана) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 543—552. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-543-552

Сведения об авторе:

Данышин Александр Иванович, кандидат географических наук, доцент, географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. *Контактная информация:* e-mail: alivda@yandex.ru

INSTITUTIONAL FACTOR AS A REASON FOR REGIONAL ASYMMETRY IN AGRICULTURE (ON THE EXAMPLE OF KAZAKHSTAN)

A.I. Danshin

Moscow State University
1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991

Abstract. The past 20 years since the relocation of Kazakhstan's capital to Astana will require understanding of the formation processes of agriculture due to the availability of government documents, involving the creation around Astana food belt. Aim. To consider in a comparative analysis of the processes taking place in agriculture in Metropolitan regions (capital) of Kazakhstan. Materials and methods. The use of factor analysis, cartographic method of research based on materials of official statistics has helped to identify trends that shape the modern agricultural development near these major cities. Results. Determined that in terms of the relief with a small relative height (Astana), and in areas of significant elevation changes (Almaty) institutional factor often determines the specificity of agricultural production on the background of planetary latitudinal zonality, which create to asymmetry in development. The impact of large cities on agriculture (local specialization), in the absence of state documents formed within the boundaries of administrative areas, and in the presence of such documents is expanded to the necessary size of the territory. It is shown the territorial vectors, the formation of agricultural production around these major cities. Shows the evaluation of the contribution of administrative units of the second order in the creation of suburban agricultural specialization.

Key words: agriculture, institutional factor, suburban type of agriculture, the food belt, regional asymmetry

REFERENCES

- Raktinikov A.N. (2003) Metody sel'skoxozyajstvennogo rajonirovaniya. *Izbroannye trudy*. Pod red. V.G. Kryuchkova. Smolensk: Ojkumena. S. 287—298 (In Russ).
- Sel'skoe xozyajstvo SSSR: Statisticheskij sbornik. Goskomstat SSSR. M.: *Finansy i statistika*. 1988. 535 s. (In Russ).
- Sel'skoe, lesnoe i rybnoe xozyajstvo v Respublike Kazaxstan. Statisticheskij sbornik / na kazaxskom i russkom yazykax. Astana: Ministerstvo nacional'noj e'konomki Respubliki Kazaxstan, Komitet po statistike. 2016. 148 s. (In Russ).

Statisticheskaya otchetnost' Akmolinskoj oblasti. URL: <http://www.uzo.akmol.kz/otcheti.html> (accessed: 08.10.2017). (In Russ).

Statisticheskaya otchetnost' Almayinskoj oblasti. URL: <http://alm.obl.kz/#> (accessed: 14.09.2017). (In Russ).

Article history:

Received: 15 October 2017

Revised: 28 November 2017

Accepted: 29 December 2017

For citation:

Danshin A.I. (2017) Institutional factor as a reason for regional asymmetry in agriculture (on the example of Kazakhstan). *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 543—552. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-543-552

Bio Note:

Danshin A.I. Cand. Geog. Sci., associate professor of Faculty of Geography of the Lomonosov Moscow State University. *Contact information:* e-mail: alivda@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-553-565

УДК 332.1

ТИПЫ ГОРОДОВ ТРАНССИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ РОССИИ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ФУНКЦИЙ¹

М.Н. Миронова, Н.Г. Кузнецова, А.Н. Шолудько

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу изменений в промышленности в разных типах городов по людности Транссибирской магистрали (Транссиба) в постсоветский период. Выявлены преобладающие типы городов по современной численности населения и специфике ее динамики в 1990–2015 гг. Оценены ключевые тренды развития промышленности на основе анализа количества закрытых и вновь появившихся промышленных предприятий и производств в этих городах. Определены взаимосвязь динамики градообразующих промышленных предприятий с изменением людности в городах Транссиба в этот период. Установлены основные закономерности смены промышленных функций в разных типах городов.

Ключевые слова: типы городов, Транссиб, людность города, градообразующие функции, промышленные предприятия

Введение

Города, расположенные вдоль железнодорожной трассы Транссиба, различны по времени возникновения, численности населения, хозяйственной специфике и экономико-географическому положению, но объединены транспортной составляющей. В постсоветское время экономические связи между городами, регионами и соседними с Россией странами претерпели изменения, что оказало безусловное влияние на их развитие.

В современной России в целом замечена тенденция концентрации экономической активности в наиболее крупных городах страны при снижении в небольших. В городах страны в последние десятилетия происходят сдвиги в хозяйственной деятельности, в частности промышленной, определяющие динамику численности, миграции и структуру занятости населения. Представлялось интересным исследовать с этой точки зрения города Транссиба и определить совпадают ли трансформации в них с общероссийскими тенденциями.

Обзор литературы

Данная проблематика рассматривалась в специальной литературе: в целом для выявления особенностей численности населения и экономики городов совре-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

менной России (Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., 2010), ее крупных регионов (Антонов Е., 2016), региональных центров (Качурина Л.Б., Мкртчян Н.В., 2016), и на примере развития промышленности отдельных городов, в частности Иркутска (Белькова Г.Д., 2012), а также при анализе трансформации отраслевой структуры промышленности страны (Rodionova I., Kokuytseva T., 2011; Часовский В.И., 2015).

Теоретико-методологической базой работы также послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых, которые внесли значительный вклад в понятие «градообразующие функции» города, разработали различные классификации городов страны, концепции классических факторов формирования городов (Саушкин Ю.Г., 2001; Лаппо Г.М., 1997), тенденции и модели оптимального развития и размещения городов, взаимосвязи хозяйства и населения в городах и др. (Хаггет П., 1979; Fujita, M., Krugman, P. and Venables, T., 2001).

Методы и подходы

Анализируются развитие городов Транссибирской магистрали в целях исследования ключевых закономерностей в смене основных промышленных градообразующих функций в разных их типах. Для раскрытия этой цели поставлены следующие задачи: провести типологию городов Транссибирской магистрали по их людности, выявить их лидирующие градообразующие функции; определить основные тенденции изменения численности населения в них в постсоветский период и выявить специфику изменений промышленной специализации в разных типах городов.

Информационной основой экономического анализа данной работы стали данные народной энциклопедии «Мой город», Каталога организаций России, интернет-порталов «Сделано у нас» и городов Транссибирской магистрали и др. Использовались методы: типологий- для классификации городов по людности; сравнительного балансового анализа статистики — для определения масштабов и специфики изменений в промышленном секторе этих городов на основе расчетов по количеству закрытых и открытых промышленных предприятий в этих городах; сравнительно-исторического анализа — для выявления процессов во времени и различных подотраслях промышленности.

Типы городов Транссиба по людности и их динамики

Среди всех городов, расположенных на Транссибирской железнодорожной магистрали, в 2015 г. большую часть составляли малые (43,6%) и средние (15,4%), но и к крупнейшим и миллионерам относятся 25,6% от их общего количества (табл. 1). В азиатской части Транссиба находятся почти все крупнейшие города и миллионеры (за исключением Ярославля и Перми); он проходит через треть современных городов-миллионеров России.

Около половины городов магистрали были образованы в годы ее строительства, что обусловило резкий приток жителей, а также появились в годы советской индустриализации и дальнейшего освоения Сибири и Дальнего Востока страны (Лаппо Г.М., 1997). Перспективы развитие получили наиболее крупные города, расположенных на транзите сырья и готовой продукции, вблизи природных ре-

сурсов, что влекло создание и новых городов вокруг появляющихся производств (Саушкин Ю.Г., 2001; Тургель И.А., 2014). Например, Петровск-Забайкальский образован на основе чугунолитейного завода, Юрга получил развитие после открытия машиностроительного завода, Анжеро-Судженск своим появлением город обязан разработкам угольных месторождений (Каталог организаций России). В годы Великой Отечественной войны много заводов были переведены из западных частей страны на Урал и Сибирь (Тюмень, Омск и др.), что вызвало увеличение их людности и усилило доминирование промышленных градообразующих функций (Город и деревня в Европейской России, 2001).

Таблица 1

Типы городов Транссибирской магистрали по людности в 2015 г.
[Types of cities of the Trans-Siberian Railway by population in 2015]

Тип*	Людность, тыс. жителей	Количество городов, ед.	Доля от всех, %	Города
Малые	до 50	17	43,6	Называетсявск, Вяземский, Могоча, Балезино, Данилов, Иланский, Петровск-Забайкальский, Слюдянка, Боготол, Верещагино, Шарья, Буй, Барабинск, Зима, Тайшет, Лесозаводск, Мариинск
Средние	50—100	6	15,4	Кунгур, Белогорск, Анжеро-Судженск, Биробиджан, Юрга, Канск
Большие	100—250	3	7,7	Ачинск, Первоуральск, Уссурийск
Крупные	250—500	3	7,7	Чита, Улан-Удэ, Киров
Крупнейшие	500—1000	5	12,8	Ярославль, Владивосток, Хабаровск, Иркутск, Тюмень
Миллионеры	более 1 000	5	12,8	Пермь, Красноярск, Омск, Екатеринбург, Новосибирск
Всего:		39	100,0	

* Типология городов по людности — по Лаппо Г.М. (Лаппо Г.М., 1997).

Источник: составлено авторами по данным народной энциклопедии «Мой город» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mojgorod.ru> (дата обращения: 25.07.2016).

Анализ динамики численности населения разных типов городов Транссиба в постсоветский период выявил следующие закономерности. Людность малых и средних городов заметно снижалась, в наибольшей мере — в первых. Максимальная убыль населения отмечена в г. Петровск-Забайкальском (–39,4% в 2015 г. по отношению к 1992 г.), минимальная — Мариинске (–4,5%). Снижение численности населения в средних городах ниже, чем в малых: самое большое произошло в Анжеро-Судженске (–30,7% за период), меньшее — Белогорске (–10,4%). Неоднозначна динамика людности в больших городах: отрицательный прирост населения имеют Ачинск и Первоуральск, являющиеся моногородами (–12,4% и –7,7% соответственно), положительный — Уссурийск (на 6,4%). Позитивная динамика людности отмечается во всех крупных (наибольший прирост — +19,1% в Улан-Удэ), крупнейших городах (+43,4% — в Тюмени) и городах-миллионерах (+20% — в Красноярске).

Согласно информации справочного портала России и сайтов городов Транссиба, установлено, что для современных малых и средних городов свойственна монопрофильная специализация с ведущими градообразующими транспортно-

логистическими и промышленными функциями (наиболее значимы машиностроение, химическая и лесная промышленность). В крупнейших городах и «миллионниках» — многофункциональная структура экономики с несколькими градообразующими функциями. Наиболее крупные изучаемые города имеют часто статус административных центров субъектов РФ (Ярославль, Киров, Екатеринбург, Тюмень, Иркутск и др.), также в них представлены и финансовые, научные, культурные, образовательные и прочие функции.

В постсоветский период прослеживается тенденция увеличения численности населения в более крупных и снижения — в менее крупных городах Транссиба, что в целом соответствует общим закономерностям динамики людности в городах страны (Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., 2010). Сокращение населения коснулось более 3/4 городов Транссиба, что напрямую связано с изменением их основной градообразующей функции — промышленности, которая оказывает, в свою очередь, влияние на расширение или сужение обслуживающего персонала, согласно теории городского мультипликатора Лоури (Хаггет П., 1979).

Трансформация градообразующих промышленных функций

После распада СССР многие градообразующие предприятия пришли в убыток и были ликвидированы по причине банкротства, так как уровень их производства не предоставлял возможности производить товары в нужном количестве и качестве при открытой конкуренции с зарубежными (Rodionova I., Kokuuytseva T., 2011). В связи с этим в городах Транссиба в 1990—2015 гг. были закрыты одни и появились другие предприятия, оказав разную степень влияния на специализацию промышленности.

Почти все предприятия, прекратившие свою деятельность в данных городах, относятся к обрабатывающей промышленности: машиностроению (28,2%), пищевой (25,6%) и легкой промышленности (12,8%) (рис. 1). Наименьшее их количество приходится на 1990-е гг. Большая часть (36%) заводов в наиболее крупных городах была закрыта в 2000—2009 гг., главным образом это — заводы машиностроения. Предприятия малых и средних городов проходят длительную процедуру банкротства и ликвидации, вплоть до настоящего времени (Каталог организаций России), 16% из них прекратили свою деятельность в 2011—2013 гг. (в Биробиджане, Тайшете, Зиме, Первоуральске).

Однако, за 1990—2015 гг. открылось в 1,7 раз больше предприятий, чем закрылось, что говорит в целом об усилении промышленной функции в городах Транссиба. Подавляющая их часть — заводы нефтехимии (23,4%), по производству стройматериалов (20,3% от всех новых), пищевой (18,8%) и машиностроения (9,3%) продукции. Всплеск появления новых заводов отмечается с 2011 г. (39%), меньшее их количество (17,2%) открывалось в 2002—2006 гг. и преимущественно в малых и средних городах, например, в Тайшете или Канске.

Заметно выросла роль *промышленность стройматериалов* и *нефтехимии*. Характер новых *строительных материалов* (в Перми, Ярославле, Чите, Белогорске и др.) говорит об активизации жилищного строительства, связанного с возросшим потребительским спором населения, близостью транспортных путей и рынков

сбыта продукции (ТехноНИКОЛЬ). К примеру, созданы заводы сухих строительных смесей в Тюмени и Омске, крупнопанельного домостроения в Омске и Новосибирске, теплоизоляций, кровельных и фасадных материалов в Тюмени, цемента с использованием золошлаковых отходов в Омске и керамики в Новосибирске (Справочный портал России). *Нефтехимическая промышленность* в городах Транссиба развивалась на основе местного сырья или транзитно транспортируемого и, как правило, наращивала производство, не меняя существовавший состав промышленности. Так, около половины всех новых заводов сосредоточены в Омске и Перми. Всего открылось в 4,3 раза больше предприятий, чем закрылось, они выпускают продукцию оргсинтеза, различные пластики, шины, фармацевтику, смазочные масла и др.

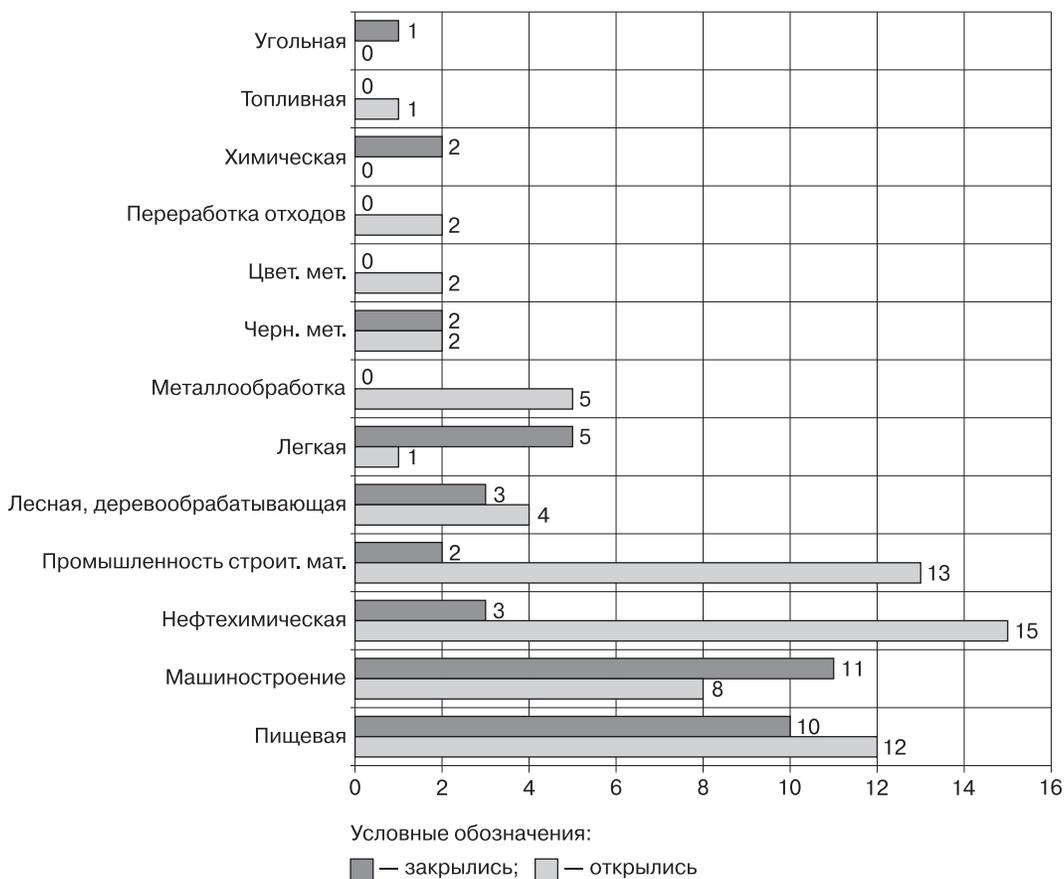

Рис. 1. Количество открывшихся и закрывшихся предприятий промышленности в городах Транссибирской магистрали в 1990—2015 гг., ед.

[Fig. 1.] The number of opened and closed industrial enterprises in the cities of the Trans-Siberian Railway in 1990—2015, units

Источник: составлено авторами по данным Каталога организаций России [Электронный ресурс]. URL: www.list-org.com; Новостного бизнес-портала BusinessLife. [Электронный ресурс]. URL: <http://businesslife.today/news/kakie-zavody-inostrannye-kompanii-zakroyut-v-rossii/> (дата обращения: 15.02.2017); Списку уничтоженных предприятий России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rospisatel.ru/predpriyatija.htm> (дата обращения: 05.03.2017) и веб-сайту «Сделано у нас» [Электронный ресурс]. URL: <http://sdelanounas.ru/> (дата обращения: 20.02.2017).

Пищевая промышленность и *машиностроение* характеризуются нестабильностью. Новые производства *продуктов питания* связаны с расширением ассортимента продукции на местном сырье: в Улан-Удэ открыт новый мясоперерабатывающий комплекс одного из крупнейших предприятий региона «Бурятмяспром», на заводе ОАО «Молоко Бурятии» — цех по розливу ультрапастеризованного молока, в Омске — цех по переработке мяса индейки ООО «Руском-Агро» и третий хлебозавод компании «Хлебодар», Новосибирске — линия по розливу йогуртов «Сибирское молоко» (филиал ОАО «Вимм-Биль-Данн» (Каталог организаций России)). Закрытие заводов обусловлено стремлением зарубежных производителей размещать филиалы вблизи массового потребителя, поэтому, например, «КокаКола» и «Карлсберг» из Красноярска и Новосибирска переехали в Самарскую, Орловскую, Московскую и другие области (Новостной бизнес-портала BusinessLife). В отрасли произошли наибольшие изменения по количеству закрытых и открытых предприятий.

Среди всех ликвидированных заводов *машиностроения* треть относится к приборостроению (расположены в Иркутске, Красноярске, Хабаровске) и выпускали телевизоры, радиоприемники и аппаратуру, не смогли конкурировать с более дешевыми импортными аналогами (Энциклопедия Иркутской области), появившимися после распада СССР, как и в целом по стране. Предприятия были в значительной степени сокращены, хотя часть производств была перепрофилирована и существует до сих пор, например, ООО «Байкал-оптика» в Иркутске, «Красспромснаб» в Красноярске и др. (Справочный портал России). Новые машиностроительные предприятия специализируются на сложной продукции, часто оборонного назначения (например, в Свердловске организовано сборочное производство металлообрабатывающих станков на «ГРС Урал», Перми — токарных обрабатывающих центров АО «Совместное технологическое предприятие»), большая часть выпуска которых осуществляется благодаря государственным заказам (Государственный архив Пермского края).

Тенденции развития промышленности в разных типах городов

В таблице 2 отражено, в каких типах городов по людности происходили важнейшие изменения в отраслях обрабатывающей промышленности, на которых специализируются города Транссиба.

Предприятия *пищевой промышленности* закрывались в разных типах городов. Более половины закрытых сосредоточена в больших городах, в основном в Ачинске (кондитерская фабрика, мясокомбинат, пивзавод и др.) (Новости Красноярского края), а также других — малом городе Слюдянке Южно-Байкальский рыбозавод не выдержал конкуренции с другими компаниями Дальнего Востока и был признан банкротом, в среднем по людности в Канске в упадок пришел Канский ликероводочный завод (Энциклопедия Иркутской области). Развитие отрасли в большей степени происходит в городах-миллионерах, Омске и Новосибирске (41,6%), активно развивается отрасль и в крупных и больших городах за счет расширения действующих заводов в крупных городах (Улан-Удэ, Чите).

Бурное развитие производства *строительных материалов* максимально затронуло крупные города и города-миллионеры Транссиба с наиболее явной поло-

жительной динамикой численности населения — в них сосредоточено 86,7% новых заводов или цехов данного профиля.

Таблица 2

Изменение количества предприятий в основных отраслях промышленности в разных типах городов Транссиба в 1990–2015 г.
[Change in the number of enterprises in key industries in different types of Trans-Siberian cities in 1990–2015]

Тип города	Количество предприятий промышленности, ед.							
	стройматериалов		пищевой		нефтехимической		машино-строительной	
	открыты	закрыты	открыты	закрыты	открыты	закрыты	открыты	закрыты
Миллионеры	6	—	5	2	9	1	6	3
Крупнейшие	6	—	1	—	2	1	1	3
Крупные	—	—	3	—	1	—	—	—
Большие	—	2	1	6	1	1	—	3
Средние	1	—	1	1	2	1	1	1
Малые	—	—	1	1	1	—	1	1

Источник: составлено авторами по данным Каталога организаций России [Электронный ресурс]. URL: www.list-org.com; Новостного бизнес-портала BusinessLife. [Электронный ресурс]. URL: <http://businesslife.today/news/kakie-zavody-inostrannye-kompanii-zakroyut-v-rossii/> (дата обращения: 15.02.2017); Списку уничтоженных предприятий России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gospisatel.ru/predpriyatija.htm> (дата обращения: 05.03.2017) и веб-сайту «Сделано у нас» [Электронный ресурс]. URL: <http://sdelanounas.ru/> (дата обращения: 20.02.2017).

Новые цеха и производства *нефтехимической промышленности* открывались преимущественно в городах-миллионерах (70%), больше всего — в Омске (31%), где данная специализация традиционна. Это — Омские заводы полипропилена ООО «Полиом» и компании «Титан», производство композитного материала на основе сверхвысокомолекулярного полиэтилена «НПО Гелар» в Красноярске, «Гипсополимер» в Перми и др. (Справочный портал России).

Предприятия *машиностроения* в основном возникали (75%) в городах-миллионерах с устоявшейся ролью в отраслевой структуре промышленности: в Екатеринбурге, Перми, Омске (например, новый завода по производству ультразвуковых медицинских аппаратов в Омске). Это не оказывало значительного влияния на промышленную функцию городов, в ряде случаев ее расширявших. Поэтому отрасль наиболее сохранилась в крупных городах и «миллионниках», хотя и оказалась представлена другими предприятиями, например, ООО «Байкал-оптика» в Иркутске, «Краспромснаб» в Красноярске и др. (Каталог организаций России). Более половины закрывшихся производств концентрировались также в наиболее крупных городах, например, Иркутский завод карданных валов, прекративший свое существования из-за нарушения технологической кооперации (Энциклопедия Иркутской области), Пермские «Велозавод» и машиностроительный завод им. Ф.Э. Дзержинского (Государственный архив Пермского края) и ОАО «ХК ДАЛЬЗАВОД» (г. Владивосток), объявленные банкротами. Среди городов Транссиба, в которых происходила рокировка машиностроительных заводов, — 36% крупных городов и 27% городов-миллионеров.

Другие отрасли промышленности отличаются незначительными изменениями в количестве закрытых и открытых предприятий, но это также в касается наи-

более крупных городов. В целом прослеживается положительный баланс предприятий деревообработки, металлообработки, металлургии и переработки отходов при уменьшении роли легкой и добывающей промышленности (рис. 2).

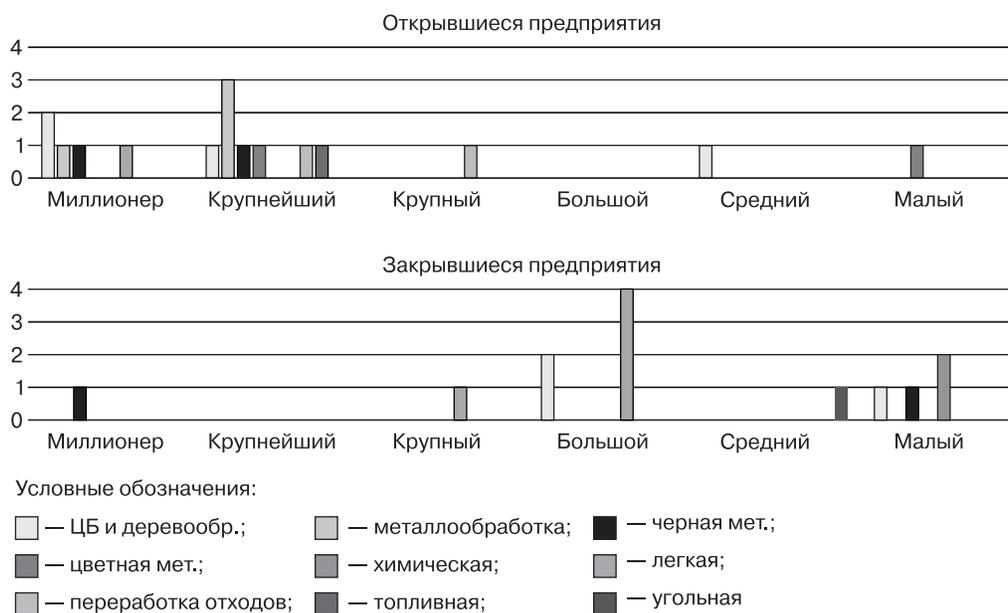

Рис. 2. Количество открывшихся и закрывшихся предприятий в других отраслях промышленности по типам городов Транссиба в 1990—2015 гг., ед.
[Fig. 2. The number of opened and closed enterprises in other industries by types of Transsib cities in 1990—2015, units.]

Источник: составлено авторами по данным Каталога организаций России [Электронный ресурс]. URL: www.list-org.com; Новостного бизнес-портала BusinessLife. [Электронный ресурс]. URL: <http://businesslife.today/news/kakie-zavody-inostrannye-kompanii-zakroyut-v-rossii/> (дата обращения: 15.02.2017); Списку уничтоженных предприятий России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gospisatel.ru/predpriyatija.htm> (дата обращения: 05.03.2017) и веб-сайту «Сделано у нас» [Электронный ресурс]. URL: <http://sdelanounas.ru/> (дата обращения: 20.02.2017).

Многие небольшие города Транссиба кардинально изменили свои градообразующие промышленные функции, а для некоторых прекращение деятельности завода означало наступление кризиса. В первую очередь, это — малые и средние города с предприятиями угольной и химической промышленности, черной металлургии, что способствовало оттоку населения и сокращению их численности. Так, в Петровск-Забайкальском прекратил деятельность металлургический завод, что объясняет максимальное сокращение его численности среди городов Транссиба в 1990—2015 гг. В Анжеро-Судженске, среднем по размеру моногороде и занимающим второе место по сокращению численности населения, ликвидированы нерентабельные шахты угледобывающей промышленности, которые были градообразующими. В Ачинске, лидере по уменьшению численности среди больших городов, прекратили функционирование заводы по деревообработке и производству строительных материалов, выпуску одежды, обуви, кондитерских изделий; наиболее крупные предприятия сейчас — глиноземный комбинат и нефтеперерабатывающий завод, новые предприятия не появлялись за исследуемый период,

из чего следует вывод о сужении и изменении его градообразующих промышленных функций (Новости Красноярского края).

Примерами городов с трансформацией промышленности являются и более крупные города. В Усурийске, единственном из больших городов Транссиба, зафиксирован прирост людности за постсоветский период в связи с появлением мусороперерабатывающего завода и предприятия по производству канализационных труб, что расширило его функции. Открытие мебельных фабрик в Красноярске, обувной фабрики в Новосибирске и комбикормового завода в Омске способствовало диверсификации промышленности и росту населения (Сделано у нас).

Таким образом, новые предприятия открывались в основном в наиболее крупных городах Транссиба, закрытие предприятий наблюдается во всех типах городов, но преимущественно в больших. В наиболее крупных городах диверсифицировались промышленные функции, в небольших — произошла их смена.

Заключение

Преобладающий тип городов Транссиба — это малые — со специализацией на обрабатывающей промышленности и железнодорожном транспорте. Упадок градообразующего сектора промышленности в малых, средних и больших городах Транссиба за постсоветский период предопределил резкое сокращение их численности населения, что согласуется с общероссийскими реалиями. Новая специализация обрабатывающей промышленности формируется в них часто за счет появления новых заводов (мебельных и легкой промышленности). В большинстве крупных, крупнейших городов и городах-миллионерах наблюдалась положительная динамика людности за счет миграций населения из-за активизация промышленной деятельности. В них, произошло расширение имевшихся градообразующих функций и их трансформация — развитие производства строительных материалов, нефтехимии и пищевой промышленности при деградации машиностроения и легкой промышленности, что во многом похоже на то, что происходило в таких городах в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов Е.* Демографическая и экономическая асимметрия городов Урала, Сибири и Дальнего Востока в 1991—2014 гг. // *The Journal of Siberian and Far Eastern Studies*. 2016. № 2. С. 8—53.
- Белькова Г.Д.* Анализ структуры промышленности г. Иркутска / Основные тренды социально-экономического развития г. Иркутска: материалы межрег. конф. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 54—57.
- Государственный архив Пермского края [Электронный ресурс]. URL: <http://web.archive.org/web/20131113070453/>; <http://www.archive.perm.ru/page.php?id=277> (дата обращения: 10.02.2017).
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: монографический сб. / ред. Т. Нефедова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 560 с.
- Каталог организаций России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.list-org.com> (дата обращения: 25.01.2016).

- Качурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Роль миграционных процессов в демографическом развитии региональных центров России // *Вопросы географии.* Сб. 141. Проблемы регионального развития России / отв. ред. В.М. Котляков, В.Н. Стрелецкий, О.Б. Глезер, С.Г. Сафонов М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 200—233.
- Ланно Г.М.* География городов: учеб. пособие для географических факультетов ВУЗов. М.: Гуманит.; изд. центр ВЛАДОС, 1997. С. 42—43.
- Народная энциклопедия «Мой город» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mojgorod.ru> (дата обращения: 05.01.2017).
- Новости Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: <http://krsk.sibnovosti.ru/> (дата обращения: 15.02.2017).
- Новостной бизнес-портал BusinessLife [Электронный ресурс]. URL: <http://businesslife.today/news/kakie-zavody-inostrannye-kompanii-zakroyut-v-rossii/> (дата обращения: 15.03.2017).
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И.* Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // *Региональные исследования.* 2010. № 2. С. 42—57.
- Сайт компании «ТехноНИКОЛЬ» [Электронный ресурс]. URL: http://www.tn.ru/about/o_tehnonikol/industry/factories/tehnonikol_jurga/ (дата обращения: 20.02.2017).
- Сайт «Сделано у нас» [Электронный ресурс]. URL: <http://sdelanounas.ru/> (дата обращения: 20.02.2017).
- Саушкин Ю.Г.* Избранные труды. Смоленск: Универсум, 2001. 416 с.
- Список уничтоженных предприятий России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rospisatel.ru/predpriyatija.htm> (дата обращения: 05.03.2017).
- Справочный портал России (СПР): компании Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://sfo.spr.ru/> (дата обращения: 18.02.2017).
- Тургель И.А.* Монофункциональные города России: от выживания к устойчивому развитию. М.: Директ-медиа, 2014. 127 с.
- Хаггет П.* География: синтез современных знаний. М: Прогресс, 1979. 686 с.
- Часовский В.И.* Основные тренды территориально-отраслевых изменений в промышленности России // *Балтийский регион.* 2015. Т. 25. № 3. С. 154—172.
- Энциклопедия Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/irkutskiy_zavod_kardannyh_valov (дата обращения: 10.02.2017).
- Fujita, M., Krugman, P. and Venables, T.* (2001). *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Rodionova I., Kokuytseva T.* Current state and development prospects of the Russian economy // *Quaestiones Geographicae.* 2011. V. 30. № 2. С. 23—34.

© Миронова М.Н., Кузнецова Н.Г., Шолудько А.Н., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 октября 2017

Дата принятия к печати: 23 декабря 2017

Для цитирования:

Миронова М.Н., Кузнецова Н.Г., Шолудько А.Н. Типы городов транссибирской магистрали России: динамика численности населения и промышленных функций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.* 2017. Т. 25. № 4. С. 553—565. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-553-565

Сведения об авторах:

Миронова Марина Николаевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: mironova_mn@pfur.ru

Кузнецова Наталия Геннадьевна, бакалавр экономического факультета РУДН, кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: nataliya.kuznetsova95@yandex.ru

Шолудько Александр Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и географии Российского университета дружбы народов. *Контактная информация:* e-mail: sholudko_an@pfur.ru

TYPES OF CITIES OF THE TRANS-SIBERIAN RAILWAY: DYNAMICS OF POPULATION AND INDUSTRIAL FUNCTIONS

M.N. Mironova, N.G. Kuznetsova, A.N. Sholudko

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article is devoted to the analysis of changes in industry in different types of cities by the Trans-Siberian Railway (Transsib) in the post-Soviet period. The prevailing types of cities in terms of the current population and the specifics of its dynamics in 1990—2015 are estimated. Key trends in the development of industry are evaluated on the basis of an analysis of the number of closed and newly emerged industrial enterprises and industries in these cities. The interrelation between the dynamics of city-forming industrial enterprises and the change in the population in the cities of the Trans-Siberian during this period was determined. The main regularities of the change of industrial functions in different types of cities are established.

Key words: types of cities, Transsib, city population, town-forming functions, industrial enterprises

REFERENCES

- Antonov E. (2016) Demograficheskaya i ekonomicheskaya aimmetriya gorodov Urala, Sibiri i Dalnego Vostoka v 1991—2014 gg. *The Journal of Siberian and Far Eastern Studies*. № 2. S. 8—53 (In Russ).
- Belkova G.D. (2012) Analiz struktury promyshlennosti g. Irkutsk: materialy mezhhregionalnoy konferentsii. Irkutsk: Izd-vo IGU. S. 54—57 (In Russ).
- Chasovskiy V.I. (2015) Osnovnye trendy territorialno-otraslevykh izmeneniy v promyshlennosti Rossii. *Baltiyskiy region*. V. 25. № 3. S. 154—172 (In Russ).
- Entsiklopediya Irkutskoy oblasti. Retrieved from: http://irkipedia.ru/content/irkutskiy_zavod_kardannyh_valov (In Russ).
- Fujita, M., Krugman, P. and Venables, T. (2001) *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge, MA: MIT Press.

- Gorod i derevnya v Evropeyskoy Rossii* (2001): sto let peremen: monograficheskiy sbornik. Red. T. Nefedova, P. Polyani, A. Treyvish. M.: OGI. 560 s. (In Russ).
- Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraya. Retrieved from: <http://web.archive.org/web/20131113070453/http://www.archive.perm.ru/page.php?id=277> (In Russ).
- Haggett P. (1979) *Geografiya: sintez sovremennykh znaniy*. M.: Progress. 686 s. (In Russ).
- Katalog organizatsiy Rossii. Retrieved from: <http://www.list-org.com> (In Russ).
- Kachurina L.B., Mkrtchyan N.V. (2016) Rol migratsionnykh protsessov v demograficheskom razvitiy regionalnykh tseftrov Rossii. *Voprosy geografii. Sb. 141. Problemy regionalnogo razvitiya Rossii*. Otv. red. V.M. Kotlyakov, V.N. Streletskiy, O.B. Glezer, S.G. Safonov M.: Izd. dom «Kodeks», S. 200–233 (In Russ).
- Lappo G.M. (1997) *Geografiya gorodov*. Uchebnoe posobie dlya geograficheskikh fakul'tetov VUZov. M.: Gumanit. Publishing Center VLADOS. S. 42–43. (In Russ).
- Narodnaya entsiklopediya «Moy gorod». Retrieved from: <http://www.mojgorod.ru> (In Russ).
- Novosti Krasnoyarskogo kraya. Retrieved from: <http://krsk.sibnovosti.ru/> (In Russ).
- Novostnoy biznes-portal BusinessLife. Retrieved from: <http://businesslife.today/news/kakie-zavodyinostranye-kompanii-zakroyut-v-rossii/> (In Russ).
- Nefedova T.G., Treyvish A.I. (2010) Goroda i selskaya mestnost: sostoyanie i sootnoshenie v prostranstve Rossii. *Regionalnye issledovaniya*. № 2. S. 42–57 (In Russ).
- Rodionova I., Kokuytseva T. (2011) Current state and development prospects of the Russian economy. *Quaestiones Geographicae*. V. 30. № 2. S. 23–34.
- Saushkin Yu.G. (2001) *Izbrannye trudy*. Smolensk: Universum. 416 s. (In Russ).
- Sayt kompanii «TehnoNIKOL». Retrieved from: http://www.tn.ru/about/o_tehnonikol/industry/factories/tehnokol_jurga/ (In Russ).
- Sayt «Sdelano u nas». Retrieved from: <http://sdelanounas.ru/> (In Russ).
- Spisok unichtozhennykh predpriyatiy Rossii. Retrieved from: <http://www.rospisatel.ru/predpriyatija.htm> (In Russ).
- Spravochnyy portal Rossii (SPR): Kompanii Sibiri. Retrieved from: <http://sfo.spr.ru/> (In Russ).
- Turgel I.A. (2014) Monofunktsional'nye goroda Rossii: ot vyzhivaniya k ustoychivomu razvitiyu. M.: Direkt-media. S. 127 (In Russ).

Article history:

Received: 24 October 2017

Revised: 20 November 2017

Accepted: 23 December 2017

For citation:

Mironova M.N., Kuznetsova N.G., Sholudko A.N. (Moscow, Russia) Types of Cities of the Trans-Siberian Railway: Dynamics of Population and Industrial Functions. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 553–565. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-553-565

Bio Note:

Mironova Marina Nikolaevna, associate professor, PhD in Geographical Sciences, associate professor of the Department of Regional Economics and Geography of Faculty of Economics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contact information*: e-mail: mironova_mn@pfur.ru

Kuznetsova Natalia Gennadijevna, Bachelor of the Department of Regional Economics and Geography of Faculty of Economics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contact information*: e-mail: nataliya.kuznetsova95@yandex.ru

Sholudko Aleksandr Nikolaevich, associate professor, PhD in Economic Sciences, associate professor of the Department of Regional Economics and Geography of Faculty of Economics of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). *Contact information*: e-mail: sholudko_an@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-566-574

УДК 332.02

ГОРОДА КАК ОБЪЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: ОПЫТ ЕВРОПЫ И РОССИИ

О.В. Кузнецова

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»

Российской академии наук

пр-т 60-летия Октября, 9, Москва, Россия, 117312

Одной из тенденций региональной политики европейских стран является возрастание роли городов как объектов этой политики, что связано, как показывает анализ литературы, как с обострением проблем городов, так и увеличением их значимости для экономического развития стран (в силу наличия креативного класса, лучших возможностей кластеризации и др.). Возрастание роли городов в региональной политике служит также отражением продолжающейся децентрализации принятия управленческих решений. Проведенный анализ нормативно-правовой базы и данных статистики показывает, что в России идут аналогичные процессы, в частности, развитие крупных городских агломераций названо необходимым условием обеспечения экономического роста, уже оказывается значимая федеральная поддержка социально-экономического развития Москвы. Однако эти процессы в России связаны с рядом проблем: отсутствием конкретных шагов по реализации политики городского развития, углублением территориальных диспропорций в результате децентрализации, «непрозрачностью» федеральной политики в отношении Москвы.

Ключевые слова: региональная политика, городское развитие, децентрализация, гипертроефированный рост столиц, Москва, Германия

Введение

Относительно новой тенденцией в общеевропейской региональной политике стало повышение внимания к городской проблематике. Одним из примеров тому служит Германия — страна, известная своей хорошо разработанной и в целом стабильной региональной политикой, основы которой сформировались еще в 1969 г. и не пересматривались даже с объединением западных и восточных земель (Региональная политика, 2015). Тем не менее, новацией региональной политики Германии стал запуск в стране в 2009 г. национальной политики городского развития, имеющей свое бюджетное финансирование. Этому событию предшествовало принятие в 2007 г. Лейпцигской хартии устойчивого развития европейских городов (Leipzig Charter, 2007) и ряда других документов. У возрастающей роли городов есть как политические, так и экономические мотивы. Традиционно в литературе больше обсуждаются политические мотивы (Довбыш Е.Г., 2016), автор же в данной статье обобщает сложившиеся представления об экономических мотивах.

Основная задача данной статьи — оценить, насколько свойственные европейским странам процессы трансформации региональной политики характерны и для России, происходит ли и в российской региональной политике возрастание роли городов, в чем особенности российской ситуации.

Факторы возрастания роли городов в региональной политике

Анализ многочисленной литературы по вопросам зарубежного опыта региональной политики показывает, что социально-экономическая ситуация в городах в рамках региональной политики экономически развитых стран учитывается по меньшей мере с 1970-х гг., когда сформировались теоретические представления о центрo-периферийных закономерностях развития территорий. Поскольку в этих теориях утверждается, что экономический рост концентрируется в городах (выступающих в роли точек роста), тогда как периферия развивается за счет позитивного влияния городов, в рамках региональной политики нередко принимались решения о концентрации средств именно в городах, но в городах проблемных регионов. К тому же в экономически развитых странах анализ социально-экономического развития территорий ведут обычно по местным административно-территориальным единицам, включая города.

В целом города рассматривались как преимущественно благополучные территории, а проблемными считались прежде всего сельскохозяйственные районы, получавшие значительные объемы средств на свое социально-экономическое развитие. Вместе с тем выделялись старопромышленные и депрессивные города, которые тоже становились объектами поддержки в рамках региональной политики. Кроме того, в ряде стран отдельным направлением такой политики становилось сдерживание гипертрофированного роста крупнейших агломераций, чаще всего столиц (для Германии эта проблема не была актуальной в силу особенностей исторического развития).

Нельзя также сказать, что в предшествующие десятилетия власти не занимались проблемами развития городов как таковыми. Вопросы и проблемы субурбанизации, реновации территорий, джентрификации и др. стоят на повестке дня властей разных стран тоже как минимум с 1960—70-х гг. Но все-таки до последнего десятилетия городская политика не была в столь явном виде встроена в региональную, эти два направления деятельности властей существовали во многом независимо друг от друга.

В последние годы картина представляется более сложной. С одной стороны, обострились проблемы самих городов. К старым проблемам негативных последствий возрастающей концентрации населения в городах и их гипертрофированного роста (это транспортные проблемы, жилищные, экологические) добавилась новая: приток мигрантов, которые концентрируются именно в городах (эта проблема и политическая, и экономическая).

С другой стороны, еще больше усиливается роль городов в экономическом развитии стран, причем идет переосмысление этой роли. Казалось бы, постиндустриализация привела к вымыванию промышленности из городов с замещением ее сферой услуг. Однако на самом деле крупные города оказались наиболее привлекательными территориями для развития высокотехнологической промыш-

ленности, для которой ключевое значение имеет человеческий капитал (креативный класс). Эти процессы идут и в германских городах (Findeisen S., Suedekum J., 2007). Еще одно преимущество крупных городов для развития промышленности — лучшие возможности для очень важной в современных условиях кластеризации, в том числе в силу достаточности в крупных городах трудовых ресурсов, развитости системы профессионального образования (Urbanization and Development, 2016).

Встраивание политики городского развития в региональную политику — это и отражение продолжающегося процесса децентрализации принятия управленческих решений. В Германии основным инструментом региональной политики является так называемая совместная задача «Совершенствование региональной экономической структуры», а совместные задачи — это задачи федеральных и региональных властей. Национальная политика городского развития — это уже совместная деятельность федеральных, региональных и местных властей. И это следствие не только развития политических процессов, но и новых экономических вызовов. Экономические решения становятся все более индивидуальными, т.е. в большей степени учитывающими особенности (в том числе конкурентные преимущества и недостатки) определенных территорий. Это характерно и для кластерной политики, и для получающей в настоящее время все большую популярность концепции «умной специализации». Последняя изначально связывалась с регионами, ее внедрение тоже идет именно на региональном уровне (Foray D., 2015).

Таким образом, в последние годы возникла объективная потребность комплексно решать проблемы и городской среды, и экономического развития городов. И, действительно, поддержка городов осуществляется по целому ряду разнообразных направлений (Nationale Stadtentwicklungspolitik, 2013).

Методы и подходы

Оценку роли городов в региональной политике России целесообразно проводить по двум направлениям:

- на основе анализа российских нормативно-правовых актов по вопросам региональной политики,
- на основе анализа статистических данных по объемам распределяемых по регионам федеральных средств на поддержку социально-экономического развития отдельных территорий.

Сочетание анализа и нормативно-правовой базы, и федеральных бюджетных расходов необходимо в силу того, что декларируемые и фактические объекты региональной политики могут различаться. Например, хорошо известно, что в России значительные объемы средств получали территории, где планировалось проведение крупных международных мероприятий (саммита АТЭС во Владивостоке, Олимпийских игр в Сочи и др.), но в качестве официальной цели региональной политики поддержка таких территорий никогда не декларировалась.

Провести полномасштабный анализ федеральных средств, выделяемых на поддержку социально-экономического развития городов, российская статистика, к

сожалению, не позволяет. Поэтому автор остановилась на оценке масштабов федеральной поддержки Москвы, но этого уже достаточно для иллюстрации возрастающей роли городов в федеральной политике, поскольку поддержка Москвы однозначно не может считаться поддержкой экономически отсталого или депрессивного региона. Если федеральные власти действительно уделяют Москве немалое внимание, то это как раз служит подтверждением противоречивости процессов социально-экономического развития крупнейших городов и необходимости особого к ним внимания со стороны центральных правительств.

Оценка места городов в российской региональной политике

Возрастающее внимание к городской проблематике в России. В первом российском нормативно-правовом акте по региональной политике — Указе Президента РФ от 03.06.1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» — города, как и прежде в экономически развитых странах, рассматривались прежде всего в качестве точек роста. На практике была федеральная поддержка отдельных типов городов — реструктуризация шахтерских городов (как пример поддержки депрессивных городов), развивалось законодательство о наукоградах (хотя масштабы их поддержки были скромными), сохранялась с советских времен поддержка закрытых административно-территориальных образований (которые были городами и поселками). Но поддержки городов как целостной системы не было, основными объектами федеральной региональной политики стали субъекты Федерации (Кузнецова О.В., 2013).

С экономическим кризисом 2008 г. ситуация в России изменилась: острые социальные проявления кризиса оказались характерны прежде всего для моногородов (монопрофильных населенных пунктов), в силу сильной зависимости их экономики от состояния одного градообразующего предприятия (или нескольких, но одной отрасли или технологически взаимосвязанных). Поэтому постепенно стала выстраиваться система федеральной поддержки моногородов, являющаяся в настоящее время одним из приоритетов в деятельности правительства. Немаловажно и то, что к настоящему времени сформировался комплексный подход к развитию моногородов: речь идет не только о решении их сугубо экономических проблем, но и об улучшении качества городской среды. Такой подход закреплен в паспорте приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов», утвержденном президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30 ноября 2016 г.

Возрастание интереса федеральных властей к городской проблематике в целом нашло отражение в Указе Президента РФ от 13.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». Одним из ожидаемых результатов реализации такой политики названо «дальнейшее развитие процесса урбанизации, в частности развитие крупных городских агломераций, как необходимое условие обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках». Правда, как именно будет обеспечиваться достижение этого резуль-

тата — пока непонятно. И проблема не только в отсутствии конкретных инструментов городской политики, но и чрезвычайной слабости российской городской статистики, о чем российские специалисты говорили уже много раз.

Что касается децентрализации, то в России по меньшей мере с середины 2000-х гг. внедряются подходы, типичные для экономически развитых стран: выделение федеральных денег на проекты, разрабатываемые на местах. В качестве одного из примеров можно привести федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации». Решение о создании ОЭЗ в субъекте РФ принимают федеральные власти, они же могут выделить средства федерального бюджета на обустройство инфраструктуры ОЭЗ, однако инициатива создания ОЭЗ в субъекте РФ, разработка проекта ОЭЗ — задачи региональных властей (совместно с муниципальными).

Но, к сожалению, реализация по идее корректных и используемых в других странах подходов в России сталкивается с тем, что они способствуют скорее увеличению дифференциации регионов по уровню их социально-экономического развития, нежели сокращению. Федеральные органы власти не поддерживают регионы, которые не могут инициировать качественные проекты. А такая ситуация чаще всего возникает в регионах с низким уровнем социально-экономического развития, что можно объяснить тем, что у властей проблемных регионов нет обширного опыта работы с инвесторами, нет свободных средств для привлечения внешних экспертов для выработки грамотных решений. В итоге получается «замкнутый круг»: нет инвесторов — нет федеральной поддержки — идет еще большее отставание в экономическом развитии. И поиск решений этой проблемы — одна из актуальных задач современной федеральной региональной политики России.

Москва как объект федеральной региональной политики. Гипертрофированный рост столиц, как уже было сказано, заставляет правительства многих стран в рамках своей региональной политики обращать особое внимание именно на столичные города. Связано это с тем, что наряду с преимуществами агломерационного эффекта, очевидны и негативные последствия чрезмерного роста городов — перегруженность транспортной и другой инфраструктуры, экологические проблемы, в ряде случаев дефицит жилищного фонда.

Как показывает существующий опыт, при гипертрофированном росте столиц центральные власти могут реализовывать разные варианты действий:

— сдерживать рост столичных городов с помощью разного рода ограничительных мер региональной политики, но эти меры, как показывает опыт, малоэффективны;

— перенести столицу в другой город для разделения функций экономического и политического центров страны, но реализация подобного рода решения заведомо непростая и дорогая;

— вкладывать значительные средства непосредственно в столичный город для сохранения в нем комфортных условий для жизни и ведения предпринимательской деятельности;

— способствовать экономическому росту, созданию высокооплачиваемых рабочих мест в разных регионах страны для сокращения миграционных потоков в столицу.

Европейские страны, отличающиеся хорошей разработанностью региональной политики, пришли к необходимости сочетания мер по поддержке экономического развития как непосредственно столиц, так и разных регионов по всей территории страны для создания множества точек роста (Артоболевский С.С., 2003).

Как показывают оценки автора (Кузнецова О.В., 2016), масштабы федеральной поддержки Москвы отнюдь не малые. Так, доля Москвы в общем объеме выделяемых всем региональным бюджетам федеральных межбюджетных трансфертов в 2011—2012 гг. превышала 5% (без учета субвенций — 4,5%). В 2013—2015 гг. федеральная поддержка Москвы сместилась в инвестиционную сферу, и доля столицы в общем объеме федеральных инвестиций в основной капитал составляла в среднем порядка 15%. Кроме того, есть еще целый ряд механизмов федеральной поддержки Москвы, которые невозможно оценить количественно в силу закрытости соответствующих данных. Это особенности российского налогового законодательства, приводящего к концентрации налоговых платежей в Москве; так называемые прямые расходы федерального бюджета в Москве (на финансирование находящихся в столице объектов федеральной собственности, федеральных госслужащих и работников бюджетной сферы и др.).

Но даже по имеющимся данным можно с уверенностью говорить о том, что де-факто федеральные власти реализуют политику создания в Москве благоприятных условий для ее социально-экономического развития, хотя де-юре такой цели федеральной региональной политики не существует. Вместе с тем, если судить по потоку информации в СМИ, подобного рода федеральная политика в отношении столицы вполне осознана. Причины этого вполне понятны. Во-первых, население Москвы предъявляет повышенные требования к уровню жизни, а обеспечение социально-политической стабильности — это общепризнанная в мире цель региональной политики. Во-вторых, возникающие инфраструктурные проблемы развития Москвы (прежде всего транспортные) не позволят столице реализовать названные преимущества экономического развития крупного города. А это, в свою очередь, может привести к замедлению темпов экономического роста не только в самой Москве, но и в стране в целом. Поэтому, учитывая поставленную в президентском указе цель дальнейшего развития крупных городских агломераций, а также сохранение сопряженных с чрезмерной концентрацией населения проблем в столице, вполне логично предположить, что федеральная поддержка Москвы продолжится и в ближайшие годы.

Заключение

Таким образом, как было показано в данной статье, основным экономическим мотивом возрастания роли городов в региональной политике европейских стран стал противоречивый характер развития городов: с одной стороны, обостряются их проблемы, с другой стороны, возрастает роль в современном экономическом развитии. В России наметились те же тенденции — возрастающего и изменяющегося внимания к городской тематике. Вместе с тем в России эти процессы пока отличаются целым рядом проблем:

— необходимость развития крупных городских агломераций продекларирована, но конкретные шаги в этом направлении пока не определены;

— децентрализация, неизбежная при возрастании роли территориальных единиц более низкого иерархического уровня, часто приводит к дальнейшему углублению территориальных диспропорций (власти проблемных регионов и муниципалитетов не могут предложить проекты социально-экономического развития для поддержки в рамках региональной политики);

— федеральные власти оказывают активную поддержку социально-экономическому развитию Москвы, однако эта поддержка во многом «непрозрачна», что всегда имеет известные негативные последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
- Leipzig Charter on Sustainable European Cities. Final Draft. 02 May 2007. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/themes/urban/leipzig_charter.pdf (accessed: 17.04.2015).
- Довбыш Е.Г.* Города как субъекты интеграции в Европейском Союзе: дисс. ... канд. полит. наук. М.: ИМЭМО РАН, 2016.
- Findeisen S., Suedekum J.* Industry Churning and the Evolution of Cities: Evidence for Germany / IZA DP No. 3180. Bonn, 2007.
- Urbanization and Development: Emerging Futures. World Cities Report 2016 / UN-Habitat. Nairobi, 2016.
- Foray D.* Smart Specialisation: Opportunities and Challenges for Regional Innovation Policy. London, New York, 2015.
- Nationale Stadtentwicklungspolitik. Eine Gemeinschaftsinitiative von Bund, Ländern und Gemeinden / Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, Bau und Reaktorsicherheit. Berlin, 2015; Stadtentwicklungsbericht 2012 / Deutscher Bundestag. Berlin, 2013.
- Кузнецова О.В.* Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Артоболевский С.С.* Крупнейшие агломерации и региональная политика: от ограничения роста к стимулированию развития (европейский опыт) // Крупные города и вызовы глобализации / под ред. В.А. Колосова и Д. Эккерта. Смоленск: Ойкумена, 2003.
- Кузнецова О.В.* Москва как объект федеральной региональной политики / Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС-Пресс, 2016.

© Кузнецова О.В., 2017

Благодарности и финансировании:

При подготовке раздела «Москва как объект федеральной региональной политики» использованы результаты исследования, выполненного за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10324) «Человек в мегаполисе: экономические, демографические и экологические особенности» в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 октября 2017

Дата принятия к печати: 29 декабря 2017

Для цитирования:

Кузнецова О.В. Города как объекты региональной политики: опыт Европы и России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 566–574. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-566-574

Сведения об авторах:

Кузнецова Ольга Владимировна, доктор экономических наук, профессор, профессор РАН, главный научный сотрудник Института системного анализа Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук. *Контактная информация*: e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

CITIES AS OBJECTS OF FEDERAL REGIONAL POLICY: THE EXPERIENCE OF EUROPE AND RUSSIA

O.V. Kuznetsova

Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences
9, Prospect of the 60th of October, Moscow, Russia, 117312

Abstract. One of the trends of regional policy in the European countries is the increasing role of cities as objects of that policy. As the analysis of literature shows, this is due to the increasing problems of the cities, and the growth of their importance for the economic development of countries (due to the presence of the creative class, the best conditions for clustering etc.). The increasing role of cities in regional policy is also a reflection of the ongoing decentralization of decision-making. The analysis of the regulatory framework and statistical data shows that in Russia there are similar processes, in particular, the development of large urban agglomerations. Significant federal support for socio-economic development of Moscow already exists. However, these processes in Russia are associated with a number of problems: lack of concrete steps in the implementation of policies of urban development, the deepening of the territorial disparities as a result of decentralization, and non-transparency of federal policy toward Moscow.

Key words: regional policy, urban development, decentralization, a dramatic increase of capitals, Moscow, Germany

REFERENCES

- Regional'naja politika: zarubezhnyj opyt i rossijskie realii (2015). Ed. by A.V. Kuznersov, O.V. Kuznetsova. Moscow: IMEMO RAS. (in Russ.).
- Leipzig Charter on Sustainable European Cities. Final Draft. 02 May 2007. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/themes/urban/leipzig_charter.pdf (accessed: 17.04.2015).
- Dovbysh E.G. (2016) *Goroda kak sub'ekty integracii v Evropejskom Sojuz*. Thesis of candidate of political sciences. Moscow: IMEMO RAS. (in Russ.).
- Findeisen S., Suedekum J. (2007) *Industry Churning and the Evolution of Cities: Evidence for Germany*. IZA DP No. 3180. Bonn.
- Urbanization and Development: Emerging Futures. World Cities Report 2016. UN-Habitat. Nairobi.
- Foray D. (2015) *Smart Specialisation: Opportunities and Challenges for Regional Innovation Policy*. London, New York.

Nationale Stadtentwicklungspolitik. (2013) Eine Gemeinschaftsinitiative von Bund, Ländern und Gemeinden / Bundesministerium für Umwelt, Naturschutz, Bau und Reaktorsicherheit. Berlin, 2015; Stadtentwicklungsbericht 2012. Deutscher Bundestag. Berlin.

Kuznetsova O.V. (2013) Regional'naja politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti. Moscow: LIBROKOM. (in Russ).

Artobolevskij S.S. (2003) Krupnejšie aglomeracii i regional'naja politika: ot ogranichenija rosta k stimulirovaniju razvitija (evropejskij opyt). Krupnye goroda i vyzovy globaliza. Ed. by V.A. Kolosov, D. Jekkert. Smolensk: Ojkumena. (in Russ).

Kuznetsova O.V. (2016) Moskva kak ob'ekt federal'noj regional'noj politiki. *Nauchnye trudy: In-t narodnohozjajstvennogo prognozirovanija RAN*. Ed. by A.G. Korovkin. Moscow: MAKS-Press. (in Russ).

Acknowledgements:

In preparation of the section “Moscow as an object of federal regional policy”, the results of a study carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation (project No. 16-18-10324) “Man in a megapolis: economic, demographic and environmental features” at the Institute for Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences.

Article history:

Received: 28 October 2017

Revised: 04 December 2017

Accepted: 29 December 2017

For citation:

Kuznetsova O.V. (2017). Cities as objects of federal regional policy: the experience of Europe and Russia. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 566—574. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-566-574

Bio Note:

Kuznetsova O.V. Dr. Econ. Sci., Prof., Professor of RAS, Principal Researcher of the Federal Research Center Computer Science and Control of the Russian Academy of Sciences. *Contact information:* e-mail: kuznetsova_olga@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-575-582

УДК 338.467.6 (540)

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ИНДИЙСКОЙ МЕДИАИНДУСТРИИ В МИРОВОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ИТОГИ 2016—2017 гг.

В.В. Матвиенко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В данной статье рассмотрены основные статистические показатели развития ИИМР в 2016—2017 гг. в аналитическом сравнении; выявлена динамика развития индийской медиаиндустрии в азиатском и мировом медиапространстве; показаны инициативы, предпринимаемые правительством Индии в сфере развития национальной системы коммуникаций.

Ключевые слова: Индия, национальный медиарынок, медиакомпании, инвестиции, диверсификация, медиаконцерны, прибыль, правительственные инициативы, реклама, медиа-сотрудничество

Введение

Индийская индустрия медиа и развлечений (ИИМР) — быстрорастущий сектор национальной экономики, стабильно демонстрирующий высокие темпы развития. Доказав свою устойчивость на фоне становления глобальной медиасферы, ИИМР сегодня находится в фазе роста благодаря повышению потребительского спроса и доходов от рекламы.

В течение последнего десятилетия главные характеристики ИИМР такие: тотальная оцифровка контента, диджитал-маркетинг и доступность интернет-коммуникаций. Для большинства людей в Индии Интернет стал практически основным развлекательным медиаресурсом.

Обзор литературы

В основе проведенного исследования лежит анализ данных крупнейшей в Индии интернет-платформы по обмену профессиональной финансово-аналитической информации CAclubindia.com, отчетов Федерации индийских торгово-промышленных палат, официальных сведений департамента промышленной политики и развития Министерства промышленности и торговли Индии (ibef.org), публикаций в ведущих индийских газетах The Economic Times, Mirror India, The Hans India.

Методы и подходы

В данной работе предусмотрены системный и комплексный подходы. В качестве методов использованы метод интерпретации и анализа дискурса, диахронный

метод, методы анализа, обобщения и синтеза, единства логического и частного. При анализе материалов СМИ задействованы такие методы эмпирического исследования, как политико-дискурсный и контент-анализ.

Результаты

Динамика индийского медиарынка. К 2020 году, в соответствии с прогнозом Федерации индийских торгово-промышленных палат и на основе данных международной аудиторской компании КПМГ (FICCI-KPMG), среднегодовой темп роста индийской индустрии медиа и развлечений вырастет на 14,3%, что в денежном измерении составит 2, 26 трлн индийских рупий (33,9 млрд долл. США). Доходы от рекламной деятельности вырастут на 15,9% — 99,400 крор¹ (14,91 млрд долл. США) соответственно².

Сектор радиовещания в среднем вырастет на 16,9%, а цифровая реклама — на 33,5%. Крупнейший медиасегмент Индии — телевидение — покажет ежегодный темп роста в 15%. На фоне мировой тенденции сокращения рынка печатных СМИ, предполагается, что сектор индийской периодической печати вырастет в среднем годовом показателе на 8,6%³.

Индийский рынок рекламы — один из самых быстрорастущих рынков в мире. Расходы страны на рекламу оцениваются в 15,5% в 2016 году и, как ожидается, вырастут еще на 11,2% в 2017 году благодаря таким важным медиасобытиям, как Кубок мира по крикету T20, Индийская премьер-лига (крикет) и выборы президента страны. Ожидается, что сегмент ТВ, который доминировал на медиарынке в 2016 году, в 2017 году вырастет еще на 11%, что обусловлено увеличением расходов на потребительский брендинг, рекламные интернет-кампании и коммерческие операции с помощью сети Интернет⁴.

Согласно данным, опубликованным департаментом промышленной политики и развития Министерства промышленности и торговли Индии, приток прямых иностранных инвестиций в индийский медиасектор (включая печатные СМИ) с апреля 2000 года по декабрь 2016 года составил 6,3 млрд долл. США⁵.

¹ 1 крора равняется 10 млн индийских рупий. 99,400 крор = 0,994 трлн рупий.

² Indian media & entertainment business to be around Rs 2.26 lakh crore by 2020 // The Economic Times [Электронный ресурс]. URL: [//economictimes.indiatimes.com/articleshow/51617621.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst](http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/51617621.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst) (дата обращения: 18.08.2017).

³ Complete guide on impact of GST on media & entertainment // India's largest network for finance professionals [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caclubindia.com/articles/complete-guide-on-impact-of-gst-on-media-entertainment-30818.asp> (дата обращения: 01.09.2017).

⁴ Indian advertising industry at a glance in 2016—2017 // Indian Mirror [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indianmirror.com/indian-industries/2017/advertising-2017.html> (дата обращения: 01.09.17).

⁵ India in Business. Ministry of External Affairs, Govt. of India. Investment and Technology Promotion Division [Электронный ресурс]. URL: http://indiaibusiness.nic.in/newdesign/index.php?param=industryservices_landing/381/3 (дата обращения: 13.09.2017).

Инвестиционные проекты индийской медиандустрии в 2016—2017 годах. За минувший год в ИИМР были внедрены следующие крупные инвестиционные проекты¹.

— Hotstar, цифровая стриминг-платформа, принадлежащая компании Star India Ltd, заключила соглашение о партнерстве с Zapr Media Labs, медиакомпанией, расположенной в третьем по величине населения городе Индии — Бангалоре. Целью созданного партнерства стал анализ мобильной аудитории для развития персонализированных брендинг-коммуникаций.

— Компания Bigtree Entertainment Pvt. Ltd, владеющая проектом Bookmyshow, приобрела 75% долю в Townscript, онлайн-платформе продажи билетов в крупном штате Махараштра.

— Компания PE major Warburg Pincus, частная акционерная компания, приобрела 14% долю в крупнейшей индийской мультиплекс-сети PVR Ltd за 123 млн долл. США.

— Глобальная спортивная консалтинговая и управляющая компания ITW Consulting появилась на индийском рынке, открыв развлекательную медиакоммуникационную компанию ITW Playworx. Главный офис компании находится в самом населенном городе Индии — Мумбаи (Бомбее), другие офисы — в Дели, Бангалоре, Ченнаи (Мадрасе) и Колкате (Калькутте).

— Carnival Cinemas, третья по величине крупная киносеть-мультиплекс в Индии, в партнерстве с правительством штата Одиша (Орисса) ведет строительство 30 развлекательных центров на территории штата площадью более 1—1,5 акров (более 0,4 га) в каждом районе.

— 7 независимых ангел-инвесторов инновационных предприятий² вложили в индийскую виртуальную платформу потокового видео Dekkho 1,2 млн долл. США для дальнейшего наращивания технологической инфраструктуры и инвестиций в лицензирование контента этой стриминг-платформы.

— Amazon запустила в Индии услугу Prime Video по конкурентоспособной годовой цене подписки в размере 499 рупий (7,4 долл. США) с одномесячной бесплатной демоверсией, включающей голливудские, а также европейские фильмы, телешоу и 9 индийских шоу в качестве пробного предлагаемого контента.

— Компания Reliance Capital, входящая в медиаконгломерат Reliance Group под руководством богатейшего человека в Индии Анила Амбани, объявила о продаже своих радио- и телевизионных вещательных компаний Reliance Broadcast Network другой крупной индийской медиагруппе Zee за 1900 крор (285 млн долл. США).

— Министерство информации и телерадиовещания Индии изложило планы по созданию Фонда поощрения национального кино, цель которого — оказывать финансовую поддержку индийским фильмам, отобранным для участия в любой

¹ Media and Entertainment Industry // India Brand Equity Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibef.org/pages/37639> (дата обращения: 12.09.2017).

² Ангел-инвестор — инвестор, готовый вкладывать средства в компанию на начальном этапе ее функционирования; меценат-инвестор.

секции международных кинофестивалей, или официально номинированным от Индии на премию «Оскар» в категории «лучший иностранный фильм».

— Компания в сфере медиа и цифровых коммуникаций Dentsu Aegis Network Ltd, базирующаяся в Великобритании, приобрела независимую компанию по связям с общественностью Perfect Relations Group, что позволило ей еще больше укрепить свое положение на индийском рынке.

— KidZania, мексиканская сеть семейных развлекательных центров, планирует к концу 2017 началу 2018 гг. расширить свой охват в южной части Индии, инвестировав 100 крор (15 млн долл. США) для создания тематического парка, который будет простираться на территории в 75 000 кв. футов (около 7 км²).

— LeEco, китайская технологическая компания, инвестирует около 1330 крор (199,5 млн долл. США) в разработку контента для Индии, включая внедрение собственного контента в ближайшие 2—3 года.

— Vice Media LLC, американская цифровая медиа- и вещательная компания, заключила соглашение о совместном предприятии с индийским медиахолдингом Times Group, чтобы открыть новый производственный центр в Мумбаи, запустив таким образом собственный цифровой, телевизионный и мобильный контент в Индии.

— ЗАО Cinopolis India Private Limited, индийское отделение мексиканской сети кинотеатров Cinopolis, продолжает расширение своего присутствия на медиарынке Индии, создав более 400 своих киноэкранов в стране.

— Китайская корпорация Dalian Wanda Group приобрела активы индийских мультиплексов PVR Ltd и Carnival.

— Американский хедж-фонд Tiger Global Management владеет 25%-ной долей индийского цифрового онлайн-развлекательного канала The Viral Fever.

— Обеспечивающий Индию высокоскоростной интернет-связью международный сервис Netflix позволил 1/5 населения Индии (270 млн человек) постоянно находится онлайн.

— Индийское подразделение Turner Broadcasting System наряду с уже имеющимися каналами Cartoon Network and POGO, принадлежащих Time Warner, запустило третий детский мультипликационный канал Toonami, который зарабатывает 500 крор (75,52 млн долл. США) за счет рекламы.

Правительственные инициативы. Правительство Индии продолжает целенаправленную поддержку индустрии медиа и развлечений посредством принятия различных инициатив. Это оцифровка сектора кабельного распространения для привлечения большей институциональной поддержки, снятие ограничений прямых иностранных инвестиций с 74 до 100% в сфере кабельного и прямого спутникового вещания, предоставление кинопроизводству особого статуса для облегченного доступа к институциональному финансированию¹.

¹ Government Mulls Raising FDI Cap To 100 per cent In DTH, Cable Networks // The Hans India [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thehansindia.com/posts/index/Business/2015-09-20/Government-mulls-raising-FDI-cap-to-100-per-cent-in-DTH-cable-networks/176769> (дата обращения: 10.08.2017).

Министр по вопросам жилищного строительства и борьбы с городской бедностью, развития городов, информации и телерадиовещания Индии (Minister of Housing and Urban Poverty Alleviation, Urban Development and Information and Broadcasting) В. Наиду изложил план по внедрению национальной политики в области коммуникаций. Он заявил, что правительство выделило 100 крор (15 млн долл. США) для возрождения общинных радиостанций в стране¹.

Кабинет Министров (Объединенный совет министров Индии) одобрил модель закона Shops and Establishment Act, направленного на повышение перспектив трудоустройства и расширение занятости населения. В соответствии с этим законом кинозалы, рестораны, магазины, банки и подобные места оказания услуг в Индии должны оставаться открытыми круглосуточно².

Министерство информации и телерадиовещания Индии продолжает работать над законопроектами, которые должны содействовать ведению медиабизнеса в стране за счет снижения контролируемых мер и обеспечить саморегулирование этого сегмента национального рынка.

В планах Правительства Индии запуск Национального центра превосходства (National Centre of Excellence) для СМИ, цель которого — обучение, переподготовка и повышение квалификации специалистов медиаотрасли.

Индийское правительство, как это уже было упомянуть, выделяет дополнительное финансирование фильмам за счет госбюджета, включая продукцию Голливуда, для их участия в международных кинофестивалях.

Бюджетом 2016—2017 гг. было предусмотрено освобождение от базовой таможенной пошлины на газетную бумагу. Таможенная пошлина на древесину в виде щепок или стружки для производства бумаги, строительного картона и печатной бумаги снизилась с 5% до 0³.

Кроме того, правительством Индии одобрено получение лицензий на 45 дополнительных новостных и развлекательных каналов в Индии. Среди тех, кто добились получения новых лицензий, такие авторитетные глобальные медийные гиганты, как Star India (21st Century Fox), Sony, Viacom и Zee. Сегодня в Индии существует 350 вещательных организаций, обслуживающих 780 каналов. Как заявил секретарь Министерства информации и телерадиовещания Индии Бимал Джулка «Нам необходимо больше конкуренции, которая должна быть направлена на соблюдение интересов общественности. Мы утвердили лицензии 45 новых каналов, представляющих смесь новостного и развлекательного контента. Но это только начало»⁴.

¹ Media and Entertainment Industry // India Brand Equity Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibef.org/pages/37639> (дата обращения: 12.09.2017).

² Model Shops & Establishments Act 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.citehr.com/551128-model-shops-establishments-act-2015-a.html> (дата обращения: 15.09.2017).

³ Union Budget 2016—2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibef.org/economy/union-budget-2016-17> (дата обращения: 21.08.2017).

⁴ Media and Entertainment Industry // India Brand Equity Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibef.org/pages/37639> (дата обращения: 12.09.2017).

Заключение

Рассмотрев статистические данные индийской индустрии медиа и развлечений, можно с уверенностью констатировать, что индийский национальный медиасектор, используя существующие классические типы диверсификации, не просто занимает лидирующее положение в южноазиатском регионе, а уверенно движется на глобальный рынок как самостоятельно, так и образуя совместные медиаконгломераты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Indian media & entertainment business to be around Rs 2.26 lakh crore by 2020 // The Economic Times [Электронный ресурс]. URL: [//economictimes.indiatimes.com/articleshow/51617621.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst](http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/51617621.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst) (дата обращения: 18.08.2017).
- Complete guide on impact of GST on media & entertainment//India's largest network for finance professionals [Электронный ресурс]. URL: <https://www.caclubindia.com/articles/complete-guide-on-impact-of-gst-on-media-entertainment-30818.asp> (дата обращения: 01.09.2017).
- Indian advertising industry at a glance in 2016—2017 // Indian Mirror [Электронный ресурс]. URL: <http://www.indianmirror.com/indian-industries/2017/advertising-2017.html> (дата обращения: 01.09.2017).
- India in Business. Ministry of External Affairs, Govt. of India. Investment and Technology Promotion Division [Электронный ресурс]. URL: http://indiainbusiness.nic.in/newdesign/index.php?param=industryservices_landing/381/3 (дата обращения: 13.09.2017).
- Media and Entertainment Industry // India Brand Equity Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibef.org/pages/37639> (дата обращения: 12.09.2017).
- Government Mulls Raising FDI Cap To 100 per cent In DTH, Cable Networks // The Hans India [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thehansindia.com/posts/index/Business/2015-09-20/Government-mulls-raising-FDI-cap-to-100-per-cent-in-DTH-cable-networks/176769> (дата обращения: 10.08.2017).
- Model Shops & Establishments Act 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.citehr.com/551128-model-shops-establishments-act-2015-a.html> (дата обращения: 15.09.2017).
- Union Budget 2016—2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ibef.org/economy/union-budget-2016-17> (дата обращения: 21.08.2017).

© Матвиенко В.В., 2017

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 1 ноября 2017

Дата принятия к печати: 25 декабря 2017

Для цитирования:

Матвиенко В.В. Динамика развития индийской медиаиндустрии в мировом медиапространстве: итоги 2016—2017 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*. 2017. Т. 25. № 4. С. 575—582. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-575-582

Сведения об авторе:

Матвиенко Валентин Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: matvienko_vv@rudn.university

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF INDIAN MEDIA INDUSTRY IN THE WORLD MEDIA SPACE: RESULTS OF 2016—2017

V.V. Matvienko

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The Indian Media and Entertainment (M&E) industry is a sunrise sector for the economy and is making high growth strides. Proving its resilience to the world, the Indian M&E industry is on the cusp of a strong phase of growth, backed by rising consumer demand and improving advertising revenues.

The industry has been largely driven by increasing digitisation and higher internet usage over the last decade. Internet has almost become a mainstream media for entertainment for most of the people.

This article analyzes the main indicators of IMEI (Indian Media and Entertainment Industry) development in 2016—2017 years with the help of analytical comparison; also there is a dynamics of the Indian media industry development in the Asian and world media space; moreover, this article demonstrates initiatives taken by the Government of India in the sphere of the national communications system development.

Key words: India, the national media market, media companies, investments, diversification, media concerns, income, government initiatives, advertising, media cooperation

REFERENCES

- Indian media & entertainment business to be around Rs 2.26 lakh crore by 2020 // The Economic Times. Available at: [//economictimes.indiatimes.com/articleshow/51617621.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst](http://economictimes.indiatimes.com/articleshow/51617621.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst) (accessed: 18 August 2017).
- Complete guide on impact of GST on media & entertainment // India's largest network for finance professionals. Available at: <https://www.caclubindia.com/articles/complete-guide-on-impact-of-gst-on-media-entertainment-30818.asp> (accessed: 01 September 2017).
- Indian advertising industry at a glance in 2016—2017 // Indian Mirror. Available at: <http://www.indianmirror.com/indian-industries/2017/advertising-2017.html> (accessed: 01 September 2017).
- India in Business. Ministry of External Affairs, Govt. of India. Investment and Technology Promotion Division. Available at: http://indiainbusiness.nic.in/newdesign/index.php?param=industryservices_landing/381/3 (accessed 13 September 2017).
- Media and Entertainment Industry // India Brand Equity Foundation. Available at: <https://www.ibef.org/pages/37639> (accessed: 12 September 2017).
- Government Mulls Raising FDI Cap To 100 per cent In DTH, Cable Networks // The Hans India. Available at: <http://www.thehansindia.com/posts/index/Business/2015-09-20/Government-mulls-raising-FDI-cap-to-100-per-cent-in-DTH-cable-networks/176769> (accessed: 10 August 2017).
- Model Shops & Establishments Act 2015. Available at: <http://www.citehr.com/551128-model-shops-establishments-act-2015-a.html> (accessed: 15 September 2017).
- Union Budget 2016—2017. Available at: <http://www.ibef.org/economy/union-budget-2016-17> (accessed: 21 August 2017).

Article history:

Received: 1 November 2017

Revised: 30 November 2017

Accepted: 25 December 2017

For citation:

Matvienko V.V. (2017) Dynamics of Development of Indian Media Industry in the World Media Space: Results of 2016-2017. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 575—582. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-575-582

Bio Note:

Matvienko Valentin Viktorovich, PhD in Philology, Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia. *Contacts information*: e-mail: matvienko_vv@rudn.university

DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-583-
УДК 620.92

ВЛИЯНИЕ SMART GRID И ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ НА ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В.М. Матюшок¹, Серджио Бруно²,
С.А. Балашова¹, К.Г. Гомонов¹

¹ Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

² Гарвардский университет
Кембридж, Массачусетс, США, 02138

В статье анализируется зарубежный опыт повышения энергоэффективности за счет таких факторов, как повышение уровня производства энергии из возобновляемых источников и внедрение умных технологий в энергосетях. Выдвинут ряд гипотез о влиянии «умной энергетики» на энергоэффективность, эмпирическая проверка которых проведена для США, Китая, Индии, Германии с использованием эконометрического инструментария, проведено сравнение с Россией. Обоснована необходимость перехода к новому энергетическому укладу на основе активного внедрения энергоэффективного оборудования, передовых энергетических и информационно-коммуникационных технологий, возобновляемых источников энергии, комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики, построенных на открытой сетевой архитектуре.

Ключевые слова: умные сети, Smart Grid¹, интеллектуальные энергосети, экономическая эффективность электроэнергетики, энергоэффективность

Введение

С ростом численности населения Земли до 10 млрд к 2050 году и дальнейшей урбанизацией, обостряются проблемы обеспечения населения не только продовольствием и водой, но и электроэнергией. В настоящее время города потребляют около 75% всех энергоресурсов при удельном весе городского населения около 53%. Согласно прогнозам Schneider Electric, доля городского населения к 2050 году увеличится до 86%, что приведет к повышению энергопотребления на 56–58%. Кроме того, дополнительный рост спроса на электроэнергию предъявят почти 1,3 млрд человек, которые раньше доступа к электроэнергии не имели. В тоже время современные экономики и традиционная энергетика сталкиваются

¹ Умные сети энергоснабжения.

ся с проблемой низкой энергоэффективности¹, которая имеет в своей основе разную природу: износ оборудования и инфраструктуры, высокие потери в сетях, загрязнение окружающей среды.

Ключевую роль в повышении энергоэффективности играют современные концепции развития электроэнергетических отраслей, которые предполагают большую автоматизацию, развитие умных сетей и внедрение возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Появление новых векторов развития энергетики продиктовано неразрывной связью отрасли с возможностями экономического роста. На сегодняшний день традиционный путь развития энергетической отрасли путем наращивания мощностей, расширения количественного состава энергетического оборудования и увеличение добычи ресурсов уступает интенсивному, инновационному и прорывному пути развития посредством активного внедрения энергоэффективного оборудования, передовых энергетических и информационно-коммуникационных технологий, возобновляемых источников энергии, комплексных систем и сервисов интеллектуальной энергетики, построенных на открытой сетевой архитектуре и означает начало перехода к следующему энергетическому укладу.

Новые технологии уже дают ощутимые результаты. Так, например, ВВП Германии за 1990—2016 годы вырос в постоянных ценах 2011 года на 48,4%, а годовое потребление электроэнергии — только на 10,3%. Удельный вес производства электроэнергии из первичных энергоресурсов (углеводородов) сократился с 68,6% до 53,9%, при этом энергоемкость ВВП сократилась в 1,6 раза (Всемирный банк, 2017). Показатели для других стран не столь наглядны, однако тенденция к повышению энергоэффективности на основе внедрения новых технологий и возобновляемой энергетики складывается в последние десятилетие. В России Президентский совет по модернизации и инновационному развитию экономики в начале 2017 года утвердил дорожную карту EnergyNet, предусматривающую определенные мероприятия по развитию рынка «умной энергетики» до 2035 года.

В научной литературе и бизнес-аналитике формированию этих новых тенденций уделяется большое внимание. Издаются профильные журналы (например, Energy Efficiency², научный журнал издательства Springer, Smart Grid and Renewable Energy — специализированный журнал, посвященный последним достижениям в развитии интеллектуальных энергосетей), регулярно выпускаются аналитические отчеты Международного энергетического агентства³ (которое действует в

¹ Под энергоэффективностью понимается рациональное использование энергетических ресурсов (в том числе за счет внедрения энергосберегающих технологий), которое приводит к снижению энергозатрат на единицу выпускаемой продукции, снижению вредных выбросов в атмосферу, сбережению природных ресурсов, сокращению потерь в энергосетях. Для измерения энергоэффективности используют такие показатели как величина ВВП (в стоимостном выражении), приходящаяся на единицу затраченной энергии (в нефтяном эквиваленте) (можно сказать, что этот показатель измеряет энергоэффективность в узком смысле этого слова), выбросы CO₂ на единицу ВВП, выбросы CO₂ на единицу использованной энергии, доля потерь при передаче и распределении энергии.

² Energy Efficiency. URL: <https://link.springer.com/journal/12053> (дата обращения: 19.09.2017).

³ Международное энергетическое агентство. URL: <https://www.iea.org> (дата обращения: 19.09.2017).

рамках ОЭСР), Всемирного энергетического совета¹, аккредитованного при ООН, энергетической комиссии ЕС и других международных организаций.

Цель анализа, результаты которого изложены в данной статье, заключается в поиске эмпирического подтверждения вклада «умной» энергетики в повышение энергоэффективности ряда стран с использованием эконометрического инструментария. Ответ на этот вопрос не очевиден, так как растет энергоэффективность неравномерно и кроме технических нововведений и инвестиций требуется программа действий на государственном уровне (Allcott H., Greenstone M., 2013). Для анализа выбраны следующие страны: Германия как экономический лидер ЕС и один из лидеров в освоении возобновляемой энергетики, США и Китай как локомотивы мировой экономики и крупнейшие инвесторы в технологии Smart Grid, Индия как одна из быстрорастущих развивающихся стран, которая является одним из мировых лидеров ветроэнергетики (Dent C., 2013), и активно наращивает инвестиции в ветро- и солнечную генерацию. Аналогичные оценки проведены и для России, чтобы сравнить достижения и потенциал, имеющийся в нашей стране, с достижениями сегодняшних лидеров.

Методология и исходные данные

Для оценки влияния отдельных элементов, а именно ВИЭ, в комплексной технологии умной энергетики на энергоэффективность в широком смысле слова, авторы выдвинули следующие гипотезы².

Гипотеза 1. Производство энергии из возобновляемых источников без учета гидроэнергии в последние 25 лет растет высокими темпами, особенно начиная с 2000 годов, однако темпы роста различны в различных странах в зависимости от того, является страна импортером или экспортером энергоресурсов, и уровня поддержки «зеленой энергетики» на государственном уровне.

Для получения эмпирического подтверждения гипотезы 1 оценивается трендовая модель

$$RNWX_PROD_{it} = A_i e^{\gamma_i t} v_{it}, \quad (1)$$

здесь $RNWX_PROD_{it}$ — производство электроэнергии из возобновляемых источников (кроме гидроэнергии) в стране i в период времени t ; A_i и γ_i — параметры модели, специфические для каждой из рассматриваемых стран; v_{it} — случайная составляющая модели, подверженная процессу авторегрессии; $e^{\gamma_i t}$ — интерпретируется как темп роста рассматриваемого показателя, а сам параметр γ_i (при малых значениях) — как темп прироста. Для получения оценок параметров уравнение (1) приведено к линейному виду, оценка проводится методом максимального правдоподобия при учете автокорреляции случайного члена (Айвазян С.А., 2014) для каждой страны для периода наблюдений 1990—2014/2015³ годы и для периода 2000—2014/2015 годы.

¹ The World Energy Council. URL: <https://www.worldenergy.org> (дата обращения: 19.09.2017).

² Гипотезы основаны на анализе аналитического и эмпирического материала, для получения их эмпирического подтверждения используются статистические данные Всемирного банка, ОЭСР, Евростата по США, Китаю, Индии, России и Германии.

³ Последние доступные данные о выработке электроэнергии ВИЭ — 2014 г., для Германии — 2015 г.

Гипотеза 2. Рост потребления энергии, вызванный ростом экономики и возрастающими потребностями населения, сдерживается за счет внедрения Smart Grid и увеличения доли ВИЭ.

Для проверки этой гипотезы оценивается модель зависимости объема потребляемой энергии от численности населения, объема ВВП и доли электроэнергии, полученной из ВИ

$$ENG_USE_{it} = \alpha_{1i}RNWX_{it} + \alpha_{2i}GDP_{it} + \alpha_{3i}POP_{it} + \alpha_4 + \varepsilon_{it}, \quad (2)$$

здесь ENG_USE — натуральный логарифм использованной энергии из всех источников, млн т нефтяного эквивалента (т.н.э.); α_{1i} — параметр — показывает темп прироста потребления энергии при росте $RNWX$ на 1 п.п. при контроле других переменных (Айвазян С.А., 2014); $RNWX$ — доля энергии из возобновляемых источников в суммарном потреблении энергии из всех источников; α_{2i} и α_{3i} — параметр — имеют смысл эластичностей потребления энергии по ВВП и численности населения в стране i соответственно; GDP — натуральный логарифм ВВП (в постоянных ценах 2011 года на основе ППС (паритета покупательной способности, долл. США)); ε — случайная составляющая.

Для обеспечения большей сопоставимости результатов для разных стран оценивается также аналогичная модель для удельных величин, т.е.

$$ENG_USE_CAP_{it} = \alpha'_{1i}RNWX_{it} + \alpha'_{2i}GDP_CAP_{it} + \alpha'_{3i} + \varepsilon'_{it}, \quad (3)$$

здесь ENG_USE_CAP — натуральный логарифм использованной энергии из всех источников, кг нефтяного эквивалента в расчете на 1-го жителя; GDP_CAP — натуральный логарифм ВВП на душу населения (в постоянных ценах 2010 года, долл. США).

Гипотеза 3. С увеличением доли электроэнергии из возобновляемых источников в общем потреблении энергии растет энергоэффективность, т.е. выпуск продукции на единицу использованной энергии при контроле других переменных.

Для проверки этой гипотезы оценивается модель авторегрессии и распределенного лага ADL (1,0), в которой текущие значения результирующей переменной зависят как от прошлых значений этой переменной, так и от текущих значений других временных рядов (Носко В.П., 2002).

В качестве результирующей переменной авторы использовали ряд значений величины ВВП на единицу затраченной энергии (показатель ВВП в постоянных ценах по паритету покупательной способности на 1 кг нефтяного эквивалента для проведения межстрановых сравнений в динамике — GDP per unit of energy use (constant 2011 PPP \$ per kg of oil equivalent)). Учет лагового значения этой переменной позволяет контролировать структуру ВВП, которая различается в странах, что в свою очередь ведет к различиям в затратах энергии на производство единицы продукции. Оценка проводится для каждой страны в отдельности методом наименьших квадратов с корректировкой стандартных ошибок по методу Нью-Веста из-за автокорреляции в остатках. Таким образом, для проверки гипотезы 3 оценивается модель

$$GDP_ENG_{it} = \beta_{i1} + \beta_{i2}GDP_ENG_{it-1} + \beta_3RNWX_{it} + \varepsilon_{it}, \quad (4)$$

здесь GDP_ENG_t — натуральный логарифм ВВП на единицу затраченной энергии в текущем периоде t ; $RNWX_t$ — доля энергии из ВИ в суммарном потреблении энергии из всех

источников; ε — случайная составляющая; β_3 — коэффициент — может интерпретироваться как оценка краткосрочного воздействия увеличения доли ВИЭ; а величина $\lambda = \beta_3 / (1 - \beta_2)$ как оценка долгосрочного воздействия.

Гипотеза 4. Производство энергии из возобновляемых источников снижает зависимость от импорта для энергозависимых стран. Для проверки гипотезы составлена модель

$$ENG_IMP_{it} = \delta_{1i} RNWX_{it} + \delta_{2i} GDP_CAP_{it} + \delta_{3i} + \varepsilon_{it}, \quad (5)$$

здесь ENG_IMP доля импортируемой энергии; GDP_CAP — натуральный логарифм ВВП на душу населения (в постоянных ценах 2010 года, долл. США); $RNWX_i$ — доля энергии из ВИ в суммарном потреблении энергии из всех источников.

Результаты эмпирического анализа

Производство электроэнергии из возобновляемых источников. К возобновляемым источникам энергии относят следующие виды: солнечная энергия, геотермальная энергия, энергия ветра, гидроэнергетика, энергия океана (тепловой градиент, мощность волн и приливная мощность), биомасса, мощность тяглового животного, дрова, торф, сланцы и битуминозные пески¹. Наиболее широко для технологических целей используется гидроэнергия. Доля возобновляемых источников энергии в общем конечном потреблении в мире составляет по данным Renewables 2017 Global Status Report на 2016 год более 19,3% и по самым оптимистичным прогнозам к 2050 году может достичь 35%. Возобновляемая энергетика играет ключевую роль в концепции 17 целей устойчивого развития на предстоящие 15 лет, которые вступили в силу 1 января 2016 года. Одна из этих целей — «Устойчивая энергетика для всех», предполагающая повышение эффективности и расширение использования возобновляемых источников энергии.

В числе рассматриваемых стран (рис. 1) наибольший объем электроэнергии из возобновляемых источников (без учета гидроэнергетики) приходится на США. Германия лидирует в ЕС по доле электроэнергии, произведенной из ВИЭ. Китай и Индия начиная с 2000 года наращивают объемы и увеличивают долю ВИЭ в производстве электроэнергии. В России объемы и доля ВИЭ очень малы, хотя, начиная с 2000-х годов также имеют тенденцию к росту.

Приведенные в таблице 1 оценки подтверждают гипотезу о резком изменении темпов роста производства электроэнергии из ВИ начиная с 2000 годов. В США самые низкие темпы роста, что связано с достаточно большой долей ВИЭ, достигнутой уже в 1990-е годы.

Согласно данным Международного энергетического агентства, все рассмотренные страны являются чистыми импортерами энергоресурсов (за исключением России) и имеют государственные программы по поддержке «зеленой» энергетики (Международное энергетическое агентство, 2017).

Следует отметить, что по прогнозам New Energy Outlook 2017, более 70% инвестиций в энергетику будет приходиться на генерацию из возобновляемых источников энергии, инвестиции в ВИЭ в 2040 году увеличатся до 400 млрд долл.

¹ Словарь терминов. URL: United Nations Statistics Division (дата обращения: 19.09.2017).

США/г. Среди лидеров в этом сегменте отрасли окажутся Германия, США, Китай и Индия (New Energy Outlook, 2017).

$$\ln(RNWX_PROD)_t = \alpha_1 + \alpha_2 \ln(RNWX_PROD)_{t-1} + \alpha_3 \ln(RD_EG)_{t-1} + \varepsilon_t, \quad (5)$$

здесь RD_EG — расходы на НИОКР в сфере энергетики (источник — база данных ОЭСР¹). Оценка проведена методом наименьших квадратов с коррекцией автокорреляции в остатках по методу Ньюи-Веста (Айвазян С.А., 2014) за период с 1995 по 2014.

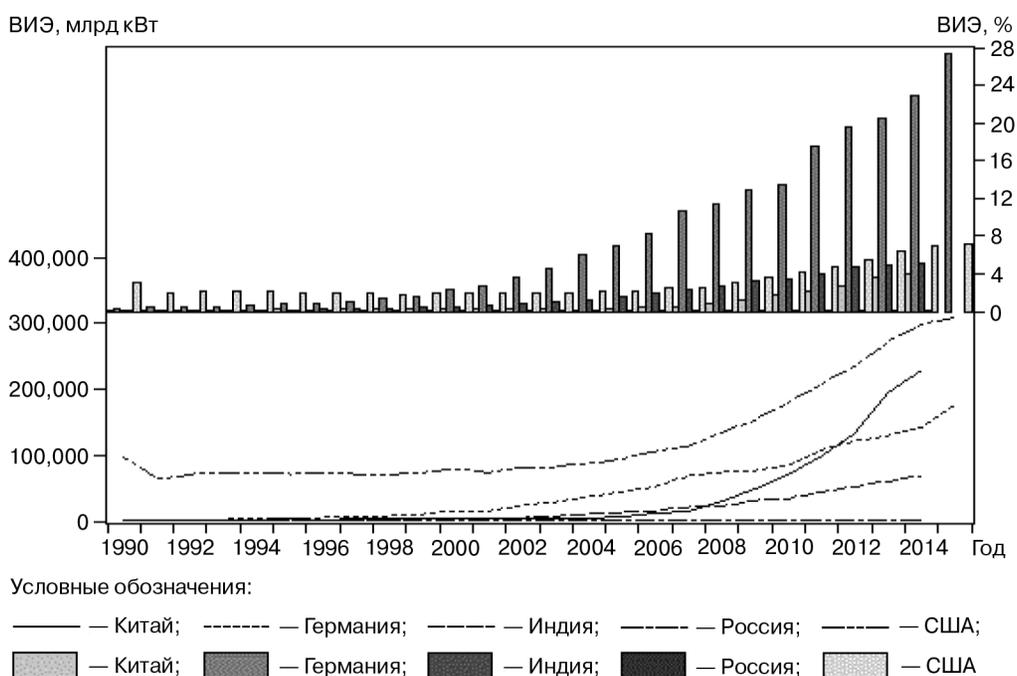

Рис. 1. Производство электроэнергии из возобновляемых источников (без учета гидроэнергетики) (левая ось, млрд кВт), доля ВИЭ от производства электроэнергии всего (правая ось)

[Fig. 1. Production of electricity from renewable sources (excluding hydropower) (left axis, billion kW), share of RES from generation of total electricity (right axis, %)]

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Всемирного банка.

Таблица 1

Оценка динамики производства электроэнергии из ВИЭ на основании уравнения (1)
[Estimation of the dynamics of electricity production from RES based on equation (1)]

Коэффициент/ оценка коэффициента	Германия	США	Китай	Индия	Россия
γ	0,09***/0,17***	0,02***/0,10***	0,10***/0,32***	0,04***/0,22***	0,002/0,14**
Коэффициент детерминации	0,99/0,99	0,69/0,99	0,99/0,99	0,94/0,99	0,16/0,87
Период оценки	1990—2015/ 2000—2015	1990—2014/ 2000—2014	1990—2014/ 2000—2014	1990—2014/ 2000—2014	1990—2014/ 2000—2014

***, ** Оценка коэффициента значима на 1%-м, 5%-м уровне соответственно.

Источник: составлено авторами на основе полученных оценок.

¹ Dataset: Gross domestic expenditure on R-D by sector of performance and socio-economic objective in NABS2007. URL: <https://data.oecd.org/> (дата обращения: 19.09.2017).

Оценка параметра $\alpha_3 = 0,7$ (значимая на всех уровнях) говорит о том, что в краткосрочном периоде увеличение расходов на НИОКР в сфере энергетики на 1% соответствует росту производства электроэнергии из возобновляемых источников в следующем периоде на 0,7%. В долгосрочном периоде отдача от роста расходов на НИОКР на 1% возрастает до 2,5% (оценка параметра $\alpha_2 = 0,715$ значима на всех уровнях). Следует признать, что в России расходы на НИОКР в сфере энергетики малы, по сравнению с другими рассматриваемыми странами. Так, в 2012 году по оценкам ОЭСР в России на НИОКР в сфере энергетики израсходовано 1551 млн долл. США (в ценах 2010 года по ППС) из всех источников финансирования (360 млн долл. США профинансировало государство), а в Германии только из государственных источников потрачено 1184 млн долл. США (в ценах 2010 г. по ППС)¹. Тем не менее, выделение в России расходов на НИОКР в этой области говорит о внимании к проблемам энергетики, как со стороны бизнеса, так и со стороны государства.

Потребление энергии. В мире потребление энергии растет с увеличением мирового ВВП и ростом численности населения планеты. По данным Мирового энергетического агентства спрос на электроэнергию до 2050 года вырастет на 56—58%, или средний прирост составит 2%/г.

В рассматриваемых странах динамика потребления энергии разнонаправлена (рис. 2). Рост потребления как валовый, так и в расчете на душу населения наблюдается в Китае, хотя темп роста потребления на душу населения снижается. Аналогичная картина для Индии, хотя темпы роста ниже, чем в Китае. Количество потребляемой энергии на душу населения в Индии в 4 раза меньше, чем в Китае, и в 10 раз меньше, чем в США. В Германии и США наметилась тенденция к снижению потребления энергии.

В таблице 2 приведены оценки параметров уравнений (2) и (3), в которых моделируется общее и удельное потребление энергии в зависимости от доли ВИЭ при контроле ВВП и численности населения. Оценка проведена по 15 наблюдениям в период с 2000 по 2015 годы, так как из результатов оценки уравнения (1), именно в этот период ВИЭ начинают играть заметную роль в обеспечении экономики рассматриваемых стран энергией. Кроме того, в развитых странах в этот период активно разворачивается компания по внедрению энергосберегающих технологий (Голиков И.В., 2017).

Выдвинутая гипотеза 2 находит подтверждение для Германии, Китая, Индии и России. Рост доли электроэнергии из возобновляемых источников энергии на 1 пп. при контроле ВВП и численности населения приводит к снижению потребления энергии в этих странах в среднем на 1% (на 2% в Китае). В расчете на душу населения результаты аналогичны. Для США модель оценена по всему периоду наблюдений, так как доля ВИЭ в 1990-е годы уже была достаточно большой в этой стране. Тем не менее, оценки, полученные для США, противоречивы. По всей видимости, это связано с тем, что в США очень высокий уровень потребле-

¹ Dataset: Gross domestic expenditure on R-D by sector of performance and socio-economic objective in NABS2007. URL: <https://data.oecd.org/> (дата обращения: 19.09.2017).

ния энергии на душу населения в сравнении с другими рассматриваемыми в работе странами (см. рис. 2) и самая большая доля потребления энергии приходится на транспорт.

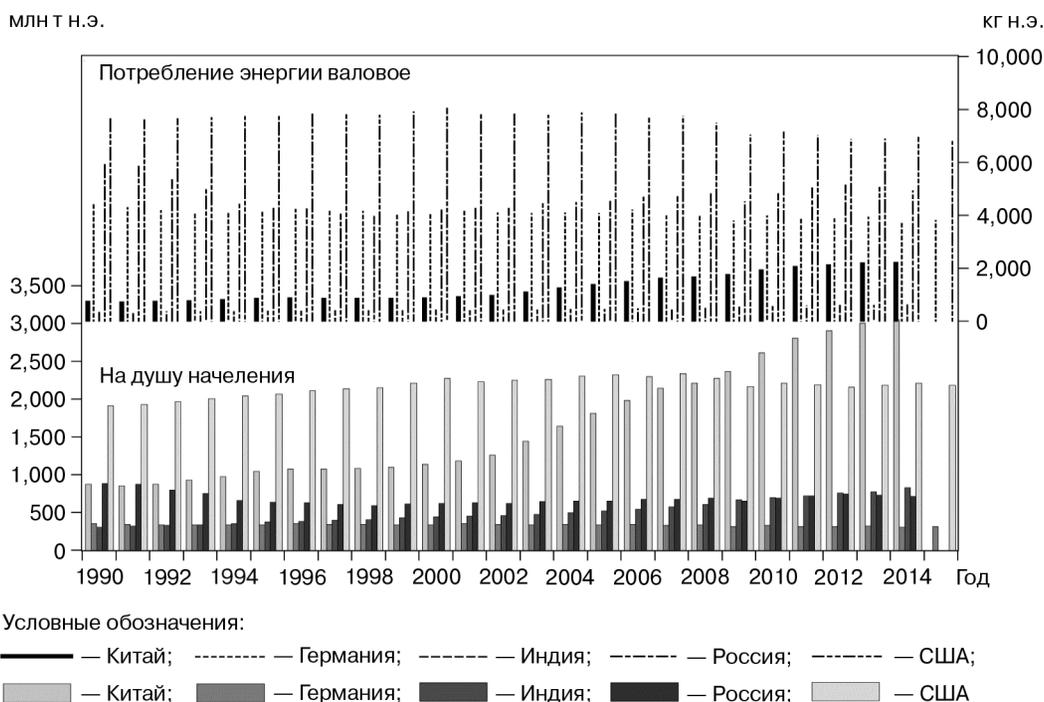

Рис. 2. Потребление энергии валовое, млн т.н.э. (левая ось) и в расчете на душу населения, кг нефтяного эквивалента (правая ось)
[Fig. 2. Energy consumption is gross (million tons of oil equivalent) and per capita (kg of oil equivalent, right axis)]

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Всемирного банка.

Таблица 2

Оценка влияния доли ВИЭ на потребление энергии на основании уравнений (2) и (3)
[Estimation of the influence of the share of renewable energy sources on energy consumption on the basis of equations (2) and (3)]

Коэффициент/ оценка коэффициента	Германия	США	Китай	Индия	Россия
α_1	-0,009***	-0,009*	-0,02***	-0,01***	-0,01*
α_2	0,74	-1,35**	6,38	-1,48**	3,25**
α_3	0,57**	0,77***	0,48*	1,00***	0,33***
Коэффициент детерминации	0,85	0,90	0,99	0,99	0,91
α'_1	-0,009***	-0,02***	-0,02***	-0,009***	-0,01**
α'_2	0,55**	-0,21	0,83***	0,55**	0,23***
Коэффициент детерминации	0,77	0,74	0,99	0,77	0,90
Период оценки	2000—2014	1990—2014	2000—2014	2000—2014	2000—2014

***, **, * Оценка коэффициента значима на 1%-м, 5%-м и 10%-м уровне соответственно.

Источник: составлено авторами на основе полученных оценок.

В рейтинге Американского совета за энергоэффективную экономику по показателю рационального использования энергии США отводится тринадцатое место в мире¹. По уровню потребления энергии в расчете на душу населения США (как Австралия и Канада) относится к числу самых расточительных в мире — 6,8 т.н.э. против 3,3 т.н.э. для ЕС. На проведение энергосберегающих мероприятий федеральные власти США выделяют меньше средств в сопоставимом выражении, чем ЕС². Тем не менее, в США большой потенциал роста энергоэффективности. Согласно исследованию McKinsey, установленная мощность энергоэффективных технологий США смогут сократить потребление энергии к 2020 году на 23%, по расчетам Rhodium Group, повсеместное внедрение энергосберегающих технологий и оборудования способно сократить энергопотребление в США на 42—59%. Заметим, что с 2009 года осуществляется масштабная программа создания «интеллектуальных энергосетей XXI века», предусматривающая проведение серии мероприятий по модернизации магистральных ЛЭП и распределительных энергосетей с применением прогрессивной электронной контрольно-измерительной аппаратуры, средств связи и компьютерных технологий. По расчетам Национальной лаборатории энергетических технологий, внедрение и реализация программы предполагает привлечение инвестиций в размере 17—24 млрд долл. США ежегодно в течение 20 лет (Дмитриев С.С., 2014).

Энергоэффективность. Одним из наиболее употребительных показателей, характеризующих энергоэффективность, является величина ВВП в расчете на единицу использованной энергии. В таблице 3 приведены оценки коэффициентов уравнения (4) для рассматриваемых в работе стран для двух периодов наблюдений: полный период, охватывающий все доступные данные (1990—2014/2015 годы) и период с 2004 по 2014/2015 годы. Выделение последнего десятилетия связано в резким ростом производства электроэнергии из ВИЭ (без учета гидроэнергетики) (см. рис. 1) и концентрации усилий многих стран мира (в особенности стран ЕС и стран-членов ОЭСР) на обеспечении устойчивого развития, одним из основ которого служит экологически устойчивый способ производства и использования энергии (Балашова С.А., Шполянская А.А., 2015).

Таблица 3

Оценка влияния доли ВИЭ на энергоэффективность на основании уравнения (4)
[Estimation of the influence of the share of renewable energy on energy efficiency based on equation (4)]

Коэффициент/ оценка коэффициента	Германия	США	Китай	Индия	Россия ³
β_2	0,28***/0,05	0,52***/0,15***	0,74***/0,66***	0,66***/0,51***	0,51***/0,38***

¹ Американский совет по энергоэффективной экономике. URL: <https://aceee.org/publications> (дата обращения: 19.09.2017).

² США: курс на энергосбережение и энергоэффективность. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2872&type=news> (дата обращения: 19.09.2017).

³ Для России в уравнение (4) введена фиктивная переменная, учитывающая влияние глобального кризиса 2008 года на ВВП России.

Окончание табл. 3

Коэффициент/ оценка коэффициента	Германия	США	Китай	Индия	Россия
β_3	0,01**/0,027***	-0,004/0,036***	0,009***/-0,001	0,005**/0,001	-0,02/0,024
$\lambda = \beta_3/(1 - \beta_2)$	0,015/—	—/0,04	0,036/—	0,015/—	—/—
Коэффициент детерминации	0,97/0,94	0,99/0,99	0,99/0,98	0,99/0,92	0,97/0,97
Период оценки	1990—2015/ 2004—2015	1990—2014/ 2004—2014	1990—2014/ 2004—2014	1990—2014/ 2004—2014	1990—2014/ 2004—2014

***, ** Оценка коэффициента значима на 1%-м, 5%-м уровне соответственно. В случае незначимости оценок коэффициентов β_2 и/или β_3 долгосрочное воздействие не рассчитывается.

Источник: составлено авторами на основе оценок модели (4).

Полученные оценки достаточно точно улавливают тенденцию изменения показателя энергоэффективности за последние 25 лет. На рисунке 3 приведены фактические и расчетные значения этого показателя.

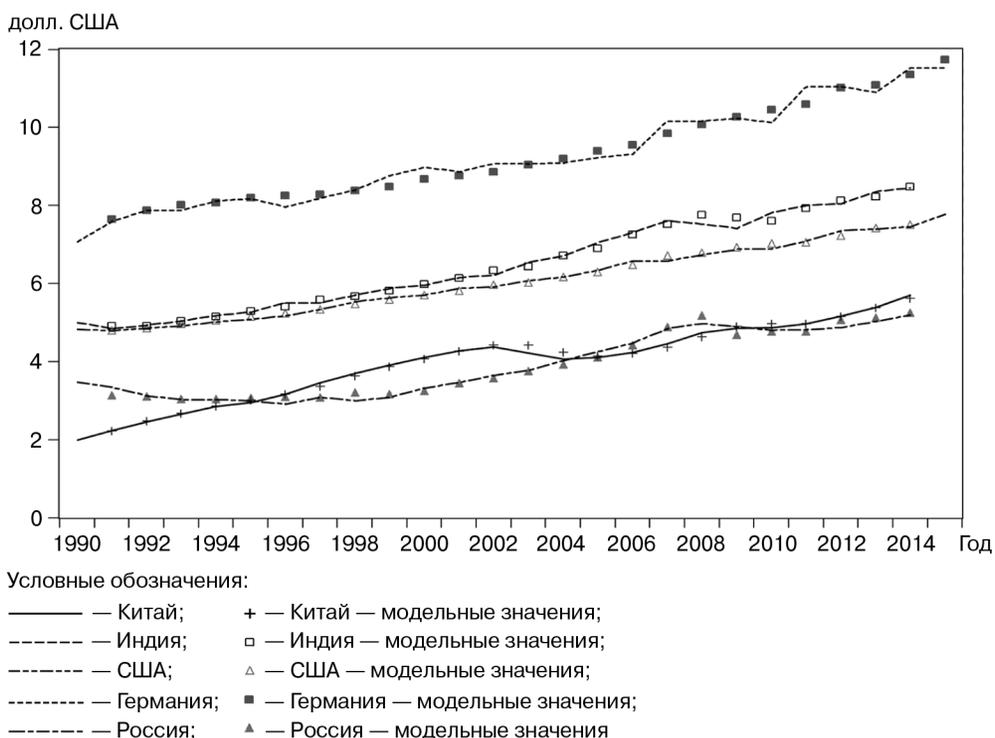

Рис. 3. ВВП на единицу затраченной энергии (в ценах 2011 года по ППС): наблюдаемые и расчетные значения по уравнению (4)

[Fig. 3. GDP per unit of energy expended (in 2011 prices for PPP): observed and calculated values according to equation (4)]

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Всемирного банка и полученных оценок.

Как видно из рисунка 3, Германия имеет самый высокий показатель энергоэффективности среди рассматриваемых стран. Германия активно увеличивает долю энергии, получаемую из ВИЭ, в конечном потреблении. В 1990 году эта величина составляла всего 2%, и выросла более чем в 7 раз до 14,6% в 2015 году (по данным Евростат). Заметим, что согласно Стратегии 2020 целевым показателем в среднем для стран Евросоюза является величина 20%. В рамках этой стратегии каждая страна имеет свой целевой показатель в зависимости от начальных значений, потенциала использования возобновляемых источников энергии и уровня экономического развития, для Германии целевой показатель доли энергии, получаемой из ВИЭ, в конечном потреблении планируется 18% к 2020 году.

Результаты оценки, приведенные в таблице 3, показывают, что для Германии и США за последние 10 лет произошли существенные изменения в энергоэффективности и влиянии ВИЭ на этот показатель. Для Германии коэффициент, определяющий влияние значения прошлого периода на текущую энергоэффективность, достаточно мал при оценке по всему периоду наблюдений (0.28) и является незначимым при оценке по периоду с 2004 по 2015 годы при контроле доли ВИЭ в общей потребленной энергии. Это можно связать как с изменением структуры экономики Германии в пользу увеличения доли услуг в стоимостном объеме ВВП, так и с активным внедрением в Германии, особенно в последнее десятилетие, энергосберегающих технологий и элементов Smart Grid (Loschi, H. J., León, J., Iano, Y., Filho, E.R. [et. al], 2015).

С другой стороны, краткосрочное воздействие увеличения доли ВИЭ достаточно велико и существенно выросло за последнее десятилетие. Оценка коэффициента $\beta_3 = 0,027$, показывает, что в краткосрочном периоде рост доли энергии, полученной из ВИЭ, на 1 п.п. ведет к росту энергоэффективности на 2,7% при прочих равных условиях. С учетом ожидаемого роста доли ВИЭ с нынешних 15% до 18% к 2020 году можно прогнозировать минимальный рост энергоэффективности в Германии на 8% к 2020 году.

В США не такая высокая энергоэффективность, как в Германии, и в сопоставимых ценах несколько ниже, чем в Индии. Рост энергоэффективности в США только в последнее десятилетие можно связать с ростом доли ВИЭ, которая достигла почти 8% в производстве (без учета гидроэнергетики, см. рис. 1) и почти 9% в общем потреблении энергии. Согласно оценкам (см. табл. 3), увеличение доли ВИЭ в потреблении энергии на 1 п.п. в последние десятилетие приводит к увеличению энергоэффективности в США на 3,6% в краткосрочном и на 4% в долгосрочном периоде (воздействие в краткосрочном и долгосрочном периодах незначительно отличаются из-за малого коэффициента при лаговом значении изучаемой переменной при оценке по периоду с 2004 по 2014 годы).

В Индии и Китае энергоэффективность имеет тенденцию к росту в рассматриваемый период, что в первую очередь можно связать с высокими темпами роста экономик этих стран. Однако вклад ВИЭ в рост энергоэффективности не зафиксирован, несмотря на возросшую долю этих источников в производстве электроэнергии (см. рис. 1). В конечном потреблении энергии в Китае и Индии сильно возросла доля потребления энергии ископаемого топлива (88% в 2014 году

против 76% в 1990 году в Китае, в Индии рост до 73% в 2014 году от 54% в 1990 году), соответственно доля ВИЭ снизилась.

Для России показатель энергоэффективности имеет динамику, сходную с динамикой ВВП. Доля энергии из ВИЭ в суммарном потреблении очень мала (около 4%), практически не варьируется и не оказывает влияния на динамику исследуемого показателя.

Энергозависимость. Зависимость от импорта энергетических ресурсов — серьезная проблема для Германии (рис. 4). На ее решение направлены и программы повышения энергоэффективности, внедрение энергосберегающих технологий, «умных сетей», развитие возобновляемой энергетики. Несмотря на успехи, достигнутые на этом пути, Германия импортирует более 60% энергоресурсов¹. Зависимость от импорта энергоресурсов выросла за последние 10 лет в Индии и Китае, в США наблюдается снижение закупок энергосырья, в том числе за счет роста добычи сланцевой нефти газа.

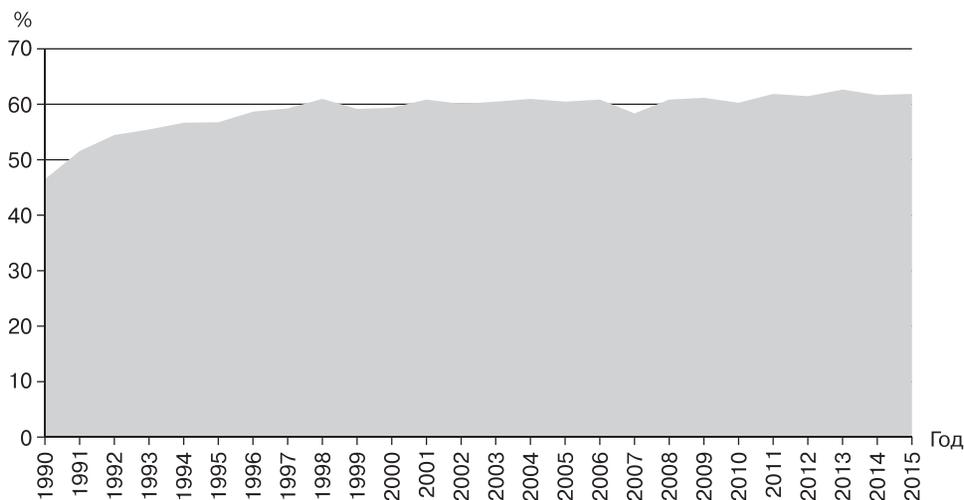

Рис. 4. Зависимость экономики Германии от импорта энергоресурсов, %
Fig. 4. Dependence of the German economy on the import of energy resources, %]

Источник: составлено авторами по данным Eurostat².

В таблице 4 приведены оценки параметров уравнения (5) для Германии, Индии и Китая. В Германии наиболее выражен эффект снижения зависимости от импорта энергоресурсов при росте доли ВИЭ в конечном потреблении. При нулевом росте ВВП на душу населения и увеличении доли ВИЭ на 1 п.п. энергозависимость снижается в среднем на 1,27 п.п. Рост ВВП на душу населения на 1% приводит к росту энергозависимости на 0,76 п.п. согласно полученным оценкам. Таким образом, если Германия увеличит долю ВИЭ в конечном потреблении до 18% к 2020 году, то это позволит ей не увеличивать долю импорта энергоресурсов даже при 6%-м росте ВВП на душу населения по сравнению с 2015 годом (т.е. при

¹ Показатель рассчитывается как отношение чистого импорта к сумме валового использования энергии плюс запасы.

² Eurostat. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (дата обращения: 19.09.2017).

среднегодовых темпах роста ВВП на душу населения 1,2%) при прочих равных условиях.

Таблица 4

Оценка влияния доли ВИЭ на снижение энергозависимости на основании уравнения (5)
[Estimation of the influence of the share of RES on the reduction of energy dependence based on equation (5)]

Коэффициент/оценка коэффициента	Германия	Китай	Индия
δ_1	-1,27***	-0,43**	-0,01
δ_2	75,5***	4,92***	20,2***
Коэффициент детерминации	0,77	0,94	0,97
Период оценки	1990—2015	1990—2014	1990—2014

***, ** Оценка коэффициента значима на 1%-м, 5%-м уровне соответственно.

Источник: составлено авторами на основе полученных оценок.

В Китае зависимость от импорта энергоресурсов значительно ниже, чем в Германии, и составляет по данным Мирового банка 15% по состоянию на 2014 год. Согласно полученным оценкам при контроле ВВП на душу населения рост доли ВИЭ на 1 пп. ведет в среднем к сокращению энергозависимости на 0,43 п.п. Таким образом, если ожидать рост ВВП на душу населения в Китае в среднем на 6% в год, то при росте доли ВИЭ к 2020 году до 20%, энергозависимость Китая снизится с нынешних 15% до 13% к 2020 году.

В Индии резко возросла зависимость от импорта энергоресурсов с 8% в 1990 году до 34% в 2014 году. Статистически значимой оценки влияния доли ВИЭ на снижение этой зависимости не получено.

Заключение

Выполненный эконометрический анализ на основе имеющихся статистических данных позволяет сделать выводы, что производство энергии из возобновляемых источников в рассматриваемых странах растет различными темпами и зависит от того, является рассматриваемая страна импортером или экспортером энергоресурсов и от уровня государственной поддержки развития ВИЭ; рост потребления энергии, вызванный ростом экономики и возрастающими потребностями населения, снижается за счет внедрения Smart Grid и увеличения доли ВИЭ; с увеличением доли электроэнергии из возобновляемых источников в общем потреблении энергии растет энергоэффективность; производство энергии из возобновляемых источников снижает зависимость от импорта для энергозависимых стран. Таким образом, выдвинутые гипотезы подтвердили влияние внедрения умных энергосетей и возобновляемых источников энергии на повышение энергоэффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Статистические данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/country> (дата обращения: 13.08.2017).

Allcott, H., Greenstone, M. Is There an Energy Efficiency Gap? In *Energy Efficiency. Towards the End of Demand Growth*. 2013. P. 133—161.

Dent C. Wind energy development in East Asia and Europe. *Asia Europe Journal*. 2013. Vol. 11. Issue 3. P. 211—230.

Айвазян С.А. Методы эконометрики. М.: Инфра-М, 2014.

Носко В.П. Введение в анализ временных рядов. М., 2002.

Программы развития возобновляемой энергетики, согласно данным Международного энергетического агентства. URL: <https://www.iea.org/policiesandmeasures/renewableenergy/> (дата обращения: 20.07.2017).

New Energy Outlook 2017 (NEO 2017). URL: https://data.bloomberglp.com/bnef/sites/14/2017/06/BNEF_NEO2017_ExecutiveSummary.pdf?elqTrackId=431b316cc3734996abdb55ddbca0249&elq=eff26d245c8345158dc1cc5d51cd2172&elqaid=7785&elqat=1&elqCampaignId (accessed: 19.09.2017).

Голиков И.В. Новые энергосберегающие технологии // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 7. С. 211—214.

США: курс на энергосбережение и энергоэффективность. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2872&type=news> (дата обращения: 10.09.2017).

Дмитриев С.С. Энергетическая стратегия Б. Обамы: опора на инновации и технологическое лидерство. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 162 с.

Балашова С.А., Шполянская А.А. Административные и экономические механизмы обеспечения инновационного развития (опыт Германии и скандинавских стран) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 47. С. 53—66.

Loschi, H.J., León, J., Iano, Y., Filho, E.R., Conte, F.D., Lustosa, T.C., & Freitas, P.O. Energy Efficiency in Smart Grid: A Prospective Study on Energy Management Systems. *Smart Grid and Renewable Energy*. 2015. No. 06(08). P. 250—259.

© Матюшок В.М., Бруно Серджио, Балашова С.А., Гомонов К.Г., 2017

Благодарности и финансировании:

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 17-06-00581).

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 24 октября 2017

Дата принятия к печати: 29 декабря 2017

Для цитирования:

Матюшок В.М., Бруно Серджио, Балашова С.А., Гомонов К.Г. Влияние Smart Grid и возобновляемых источников энергии на энергоэффективность: зарубежный опыт // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика.* 2017. Т. 25. № 4. С. 583—598. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-583-598

Сведения об авторах:

Матюшок Владимир Михайлович, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономико-математического моделирования экономического факультета, директор Международного центра исследований развивающихся рынков Российского университета дружбы народов. Контактная информация: e-mail: vmatyushok@mail.ru

Бруно Серджио, профессор, исследователь при Дэвис центре российских и евразийских исследований Гарвардского университета, Кеймбридж, США. Контактная информация: e-mail: bsergi@fas.harvard.edu

Балашова Светлана Алексеевна, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования экономического факультета, заместитель директора Международного центра исследований развивающихся рынков Российского университета дружбы народов. *Контактная информация*: e-mail: balashova_sa@rudn.university

Гомонов Константин Геннадьевич, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры экономико-математического моделирования Российского университета дружбы народов. *Контактная информация*: e-mail: gomonov_kg@rudn.university

INFLUENCE OF SMART GRID AND RENEWABLE ENERGY SOURCES ON ENERGY EFFICIENCY: FOREIGN EXPERIENCE

V.M. Matyushok, Bruno Sergio, S.A. Balashova, K.G. Gomonov

¹ Peoples Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

² Harvard University
Massachusetts Hall, Cambridge, MA 02138

Abstract. The article analyzes foreign influences on energy efficiency of such factors as raising the level of energy production from renewable sources and introducing smart technologies in power networks. Econometric analysis of experience in increasing energy efficiency of the United States, China, India, and Germany in comparison with Russia has been performed using a number of hypotheses to construct models. The necessity of transition to a new energy structure based on active introduction of energy efficient equipment, advanced energy and information and communication technologies, renewable energy sources, complex systems and services of intellectual energy built on an open network architecture is substantiated.

Key words: smart grids, economic efficiency of energy industry, energy efficiency

REFERENCES

- Statisticheskie dannye Vsemirnogo banka. URL: <https://data.worldbank.org/country> (accessed: 13.08.2017) (In Russ).
- Allcott, H., & Greenstone, M. (2013) Is There an Energy Efficiency Gap? *In Energy Efficiency. Towards the End of Demand Growth*. P. 133—161.
- Dent C. (2013) Wind energy development in East Asia and Europe. *Asia Europe Journal*. Vol. 11. Issue 3. P. 211—230.
- Aivazyan S.A. (2014) *Metody ekonometriki*. M.: Infra-M. (In Russ).
- Nosko V.P. (2002) *Vvedenie v analiz vremennykh ryadov*. Moskva. (In Russ).
- Programmy razvitiya vozobnovlyaevoi energetiki, soglasno dannym Mezhdunarodnogo energeticheskogo agentstva. URL: <https://www.iea.org/policiesandmeasures/renewableenergy/> (accessed: 20.07.2017) (In Russ).
- New Energy Outlook 2017 (NEO 2017). URL: https://data.bloomberglp.com/bnef/sites/14/2017/06/BNEF_NEO2017_ExecutiveSummary.pdf?elqTrackId=431b316cc3734996abdb55ddbca0249&

elq=eff26d245c8345158dc1cc5d51cd2172&elqaid=7785&elqat=1&elqCampaignId (accessed: 19.09.2017).

Golikov I.V. (2017) *Novye energosberegayushchie tekhnologii. Nauchno-obrazovatel'nyi potentsial molodezhi v reshenii aktual'nykh problem XXI veka.* No. 7. S. 211—214.

SShA kurs na ehnergosberezhenie i ehnergoehffektivnost. URL: <http://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2872&type=news> (accessed: 10.09.2017).

Dmitriev S.S. (2014) *Energeticheskaya strategiya B. Obamy: opora na innovatsii i tekhnologicheskoe liderstvo.* M.: IMEMO RAN. 162 s. (In Russ).

Balashova S.A., Shpolyanskaya A.A. (2015) *Administrativnye i ekonomicheskie mekhanizmy obespecheniya innovatsionnogo razvitiya (opyt Germanii i skandinavskikh stran). Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'.* No. 47. S. 53—66. (In Russ).

Loschi, H.J., León, J., Iano, Y., Filho, E.R., Conte, F.D., Lustosa, T.C., & Freitas, P.O. (2015) *Energy Efficiency in Smart Grid: A Prospective Study on Energy Management Systems. Smart Grid and Renewable Energy.* No. 06(08). P. 250—259.

Acknowledgements:

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (grant No. 17-06-00581).

Article history:

Received: 24 October 2017

Revised: 02 December 2017

Accepted: 29 December 2017

For citation:

Matyushok V.M., Bruno Sergio, Balashova S.A., Gomonov K.G. Influence of smart grid and renewable energy sources on energy efficiency: foreign experience. *RUDN Journal of Economics*, 25 (4), 583—598. DOI: 10.22363/2313-2329-2017-25-4-583-598

Bio Note:

Matyushok V.M., Dr. Econ. Sci., Full Professor, Director of the International Center for Emerging Market Research, Head of the Department of Economic and Mathematical Modeling of the Faculty of Economics, of the Peoples Friendship University of Russia. *Contact information:* e-mail: vmatyushok@mail.ru

Bruno Sergio, Professor, researcher at the Davis Center for Russian and Eurasian Studies Harvard University, Cambridge, USA. *Contact information:* e-mail: bsergi@fas.harvard.edu

Balashova S.A., Cand. Physico-math. Sci., Associate Professor of the Department of Economic and Mathematical Modeling, Deputy Director of the International Center for Emerging Market Research, of the Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation. *Contact information:* e-mail: balashova_sa@rudn.university

Gomonov K.G., Cand. Econ. Sci., Senior Lecturer of the Department of Economic and Mathematical Modeling of the of the Peoples Friendship University of Russia, Department of Economics, Moscow, Russian Federation. *Contact information:* e-mail: gomonov_kg@rudn.university

К АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА»

Общие сведения и тематика журнала

Редакция журнала «Вестник РУДН. Серия: Экономика» приглашает к сотрудничеству авторов — преподавателей, научных работников, аспирантов.

Серия «Экономика» выходит 4 раза в год — в марте, июне, сентябре и декабре. Портфель со статьями в очередной номер «Вестника» формируется постоянно по мере их поступления. С момента поступления статьи в редакцию до выхода журнала из типографии проходит примерно 4—5 месяцев. Редакция журнала не берет денег за публикацию. Важнейшее условие публикации — качественная статья, оформленная в строгом соответствии с требованиями «Вестника».

Журнал публикует статьи в следующих рубриках:

- вопросы экономической теории;
- продвижение экономических реформ в России и других странах СНГ;
- экономическая интеграция и глобализация;
- экономика развитых и развивающихся стран;
- валютно-финансовые проблемы;
- экономика отраслевых рынков;
- вопросы менеджмента и маркетинга;
- междисциплинарные исследования;
- методика и методология преподавания экономических дисциплин;
- экономические обзоры;
- аналитическая информация и статистика;
- рецензии и пр.

Общие требования, предъявляемые к статьям

1. В «Вестник» представляются статьи, которые не публиковались ранее.

2. Статья должна носить проблемный характер, быть структурированной, т.е. разбитой на подразделы (с подзаголовками, примерно 5–6), которые соответствовали бы тем или иным аспектам рассматриваемой темы.

3. В начале статьи (во введении) должна присутствовать постановка исследовательского вопроса: что Вы хотите показать в Вашей работе; как строится Ваша работа, какой научный результат вы хотите получить.

4. Необходимо дать краткий обзор литературы по теме: кто писал по этой теме, насколько она разработана, какой аспект темы остался неисследованным и будет рассмотрен в Вашей статье, т.е. здесь должна идти речь о новизне Вашего подхода или специфике Вашей позиции. Серьезные работы по теме надо обязательно поместить в список литературы в конце статьи. Если Вы указываете фамилии авторов, в списке литературы обязательно должны быть приведены названия их работ.

5. Работа должна завершаться выводами (Заключение), которые коррелировали бы с поставленными во введении задачами исследования: каков научный результат исследования.

6. Оптимальный объем материалов:

— статьи: до 20 тыс. знаков (включая пробелы);

— обзоры: до 15 тыс. знаков;

— рецензии: до 5 тыс. знаков.

Структура представляемой статьи

1. Название статьи, например: Особенности внутриотраслевой торговли.

2. Фамилия, имя, отчество автора, например: Иванов И.И.

3. Место работы автора, например: Российский университет дружбы народов

4. Адрес места работы автора, например: ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198.

5. Аннотация содержания статьи на русском языке: около 7—8 строк (не менее 700 знаков с пробелами), где представляются основные идеи и выводы работы.

6. Ключевые слова на русском языке (5—6), которые, которые в полной мере характеризуют содержание статьи.

7. Сам текст статьи, обязательно разбитый на подзаголовки, которые отражают логику работы.

8. Литература (т.е. список всей использованной литературы, ссылки на которую даются в самом тексте статьи в квадратных скобках).

9. Название статьи на английском языке (после текста статьи).

10. Фамилия, имя, отчество автора на английском, например: Ivanov I.I.

11. Место работы автора на английском языке.

12. Адрес места работы автора на английском языке.

13. Аннотация на английском языке.

14. Ключевые слова на английском языке.

15. Сведения об авторе (см. ниже).

16. Сведения о рецензентах (см. ниже).

Аннотация

Как указывалось выше, каждая статья должна иметь аннотацию на русском и английском языках. Вот основные требования к аннотации:

1. Объем аннотации: около 7—8 строк (не менее 700 знаков с пробелами).

2. Аннотация не должна просто повторять название работы, цель аннотации состоит в том, чтобы на ее основе читатель смог представить себе, о чем в статье идет речь, и стоит ли ему эту статью читать.

3. В аннотации должно быть четко указано, какие цели автор ставил в своей работе, какие использовал инструменты анализа. Далее надо указать, к каким конкретным выводам пришел автор, каковы основные научные результаты исследования.

4. Обратите внимание на грамотный перевод аннотации на английский язык.

Список литературы, транслитерация и перевод русскоязычных источников

В соответствии с Приказом ректора РУДН № 91 от 8 февраля 2013 г. в целях приведения «Вестник РУДН» в соответствии с требованиями базы данных SCOPUS каждая статья должна содержать два пристатейных списка литературы, первый — под названием **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК** и второй — под названием **REFERENCES**. **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК** содержит традиционно оформленный список литературы на языке оригинала публикации (русский, английский, французский и пр.). **REFERENCES** содержит транслитерацию, а также перевод источника на английский язык.

Как правильно составить список REFERENCES

1. Сначала надо провести транслитерацию всех источников в списке литературы в соответствии с таблицей:

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
А	A	З	Z	П	P	Ч	CH
Б	B	И	I	Р	R	Ш	SH
В	V	Й	Y	С	S	Щ	SCH
Г	G	К	K	Т	T	Ъ, Ъ	опускаются
Д	D	Л	L	У	U	Ы	Y
Е	E	М	M	Ф	F	Э	E
Ё	E	Н	N	Х	KN	Ю	YU
Ж	ZH	О	O	Ц	TS	Я	YA

2. Затем после транслитерированного названия статьи/книги/монографии надо перевести русскоязычное название на английский язык и заключить его в квадратные скобки.

3. Источники на языках, где используется латиница, не надо транслитерировать или переводить.

Образцы оформления различных источников (для удобства даны в таблице, однако в тексте сначала идет **БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**, а после п. 13, 14 — **REFERENCES**):

- 1) монография одного автора;
- 2) коллективная монография под редакцией;
- 3) статья в научном журнале;
- 4) источник, взятый из Интернета;
- 5) источник на иностранном языке (не меняется ничего).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	REFERENCES
1. <i>Шишков Ю.В.</i> Интернационализация производства — новый этап развития мировой экономики. М.: ИМЭМО РАН. 2009. 92 с.	1. Shishkov Yu.V. Internatsionalizatsiya proizvodstva — novyy etap razvitiy mirovoy ekonomiki [Internationalization — the new stage of the development of world economy]. Moscow, IMEMO RAN. 2009. 92 p.

2. Россия: интеграция в мировую экономику / под ред. Р.И. Зименкова. М.: Финансы и статистика, 2003. 430 с.	2. Rossija: integracija v mirovuju ekonomiku / pod red. R.I. Zimenkova [Russia: Integration into the world economy]. Moscow, Finansy i statistika, 2003. 430 p.
3. Волгина Н.А., Возмилова С.С. Особенности глобальных цепочек стоимости в автомобильной промышленности // Вестник РУДН. Серия «Экономика». 2015. № 2. С. 36—48.	3. Volgina N.A., Vozmilova S.S. Osobennosti globalnykh tsepoček stoimosti v avtomobilnoj promyshlennosti [Global value chains in the automotive industry: modern trends]. Vestnik RUDN. Seriya Ekonomika [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics], 2015, no 2, pp. 36—48.
4. Кондратьев В.В. Автомобильная промышленность: перспективы развития после кризиса. 2010. Октябрь. URL: http://www.perspectivy.info/oikumena/ekdom/avtomobilnaja_promyshlennost_perspektivy_razvitija_posle_krizisa_2010-10-01.htm (дата обращения 01.10.2014).	4. Kondratiev V.V. Avtomobilnaya promyshlennost: perspektivy razvitiya posle krizisa [Automotive industry: development prospects after the crisis]. October 2010. Available at: http://www.perspectivy.info/oikumena/ekdom/avtomobilnaja_promyshlennost_perspektivy_razvitija_posle_krizisa_2010-10-01.htm (Accessed 01 October 2014).
5. Humphrey J., Memedovic O. The Global Automotive Industry Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries. UNIDO. 2003. 62 p.	5. Humphrey J., Memedovic O. The Global Automotive Industry Value Chain: What Prospects for Upgrading by Developing Countries. UNIDO. 2003. 62 p.

Сведения об авторе

В конце статьи необходимо указать сведения об авторе для раздела «Наши авторы»: фамилия, имя отчество (полностью), научная степень и звание, должность, место работы, включая факультет и кафедру. Обязательно указать e-mail и контактный телефон, по которым можно связаться с автором. Пример:

Иванов Иван Иванович — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Экономического университета (e-mail: ivanov@yahoo.com) 8-926-111-11-11.

Технические требования к оформлению статей

1. Работа должна быть представлена в редакторе Word, формат docx, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, размер полей по 2 см, отступ в начале абзаца 1 см, форматирование по ширине.

2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и «вмещаться» в печатное поле страницы. Название таблицы — над таблицей; название рисунка/графика — под рисунком/графиком. Все рисунки и таблицы выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются. На все рисунки и таблицы должна быть ссылка в самом тексте статьи.

3. Переносы в статье не использовать.

4. Все аббревиатуры, используемые в тексте, при первом упоминании должны «расшифровываться».

5. Разрядка текста исключается.

6. Все выделения в тексте статьи — только курсивом (а не жирным шрифтом или подчеркиванием).

7. Смысловые сноски нумеруются по порядку, заключаются в круглые скобки и выносятся в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ, которые следует сразу за текстом статьи до раздела БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.

8. Ссылки на литературу оформляются так: [номер по списку литературы в конце статьи, страница, если есть], например [7. С. 159]. Списки литературы (а также REFERENCES) в конце составляются в алфавитном порядке.

Что нужно сделать, чтобы подать статью на рассмотрение в «Вестник»

Прислать текст статьи, оформленный в полном соответствии с нашими требованиями, на адрес редакции: vestnik_rudn_ec@yahoo.com только прикрепленным файлом (Microsoft Word). Контактное лицо — заместитель главного редактора серии — Волгина Наталья Анатольевна. Пожалуйста, не забудьте включить в файл с текстом статьи сведения об авторах.

Статьи, оформленные в нарушение требований, не рассматриваются и не возвращаются.

Когда статья принята к публикации

После того, как статья принята к публикации (о чем автор получает уведомление по электронной почте), автор должен оформить подписку на «Вестник РУДН. Серия: Экономика» для того, чтобы иметь свой печатный экземпляр статьи. Вот бланк для подписки на почте, где Вы легко можете изменить данные и поставить нужное полугодие и нужный год.

Подписку можно осуществить не только на почте, но и в редакции журнала «Вестник».

Телефон Издательства РУДН (для оформления подписки) 8-495-955-08-85.

ф. СП-1		ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»									
АБОНЕМЕНТ на журнал		<input type="text"/>									
ВЕСТНИК РУДН		(индекс издания)									
Серия _____		Количество комплектов: <input type="text"/>									
на 2018 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		<input type="text"/>									
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому		<input type="text"/>									
		(фамилия, инициалы)									

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА											
<input type="text"/>		на журнал <input type="text"/>									
пв	место	литер	(индекс издания)								
ВЕСТНИК РУДН											
Серия _____											
Стоимость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов: <input type="text"/>								
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.									
на 2018 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда		<input type="text"/>									
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому		<input type="text"/>									
		(фамилия, инициалы)									

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

36431

(индекс издания)

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Экономика»

Количество
комплектов:

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

36431

(индекс издания)

ПВ	место	литер

ВЕСТНИК РУДН
Серия «Экономика»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ____ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ____ коп.		

на 2018 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)